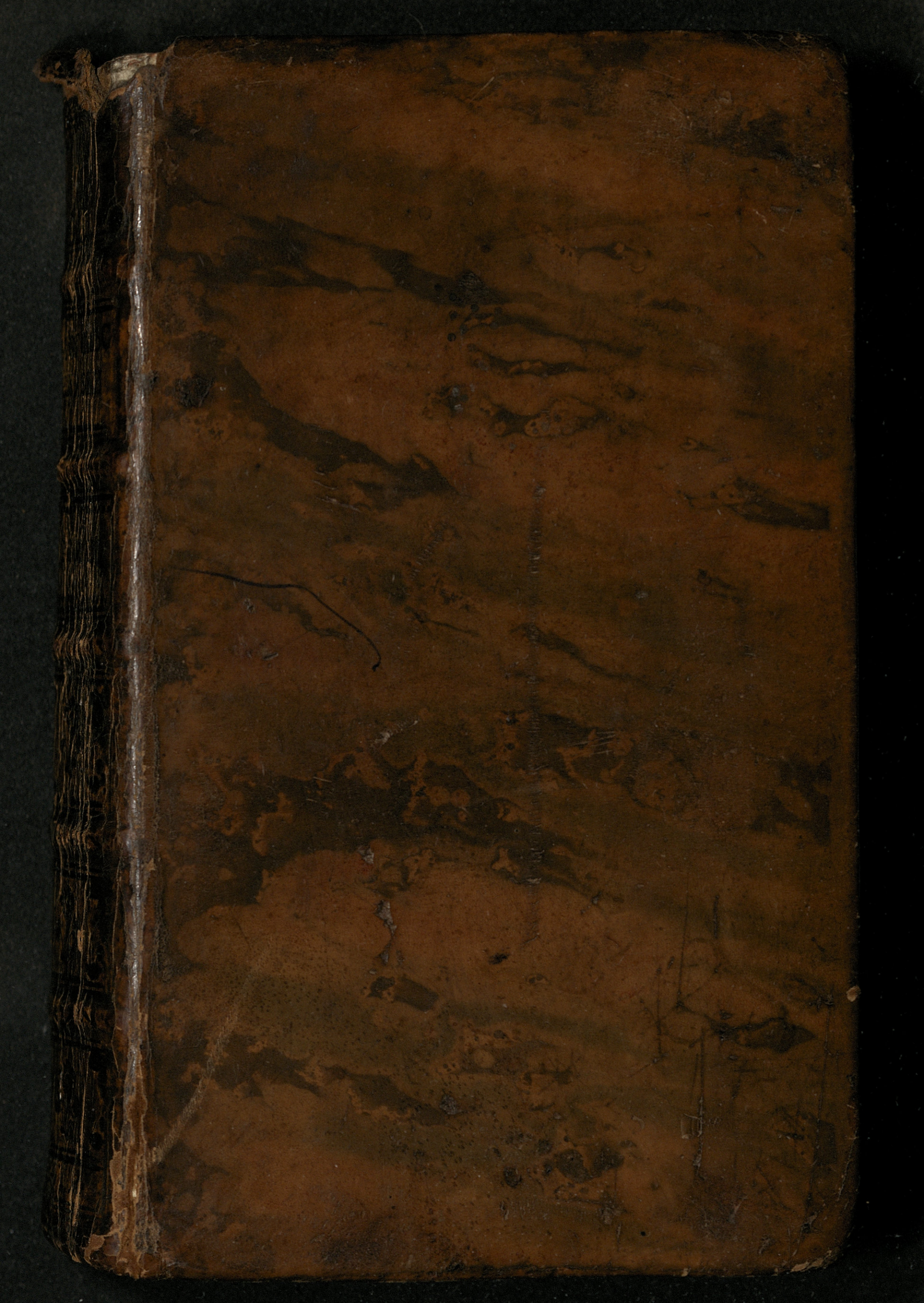
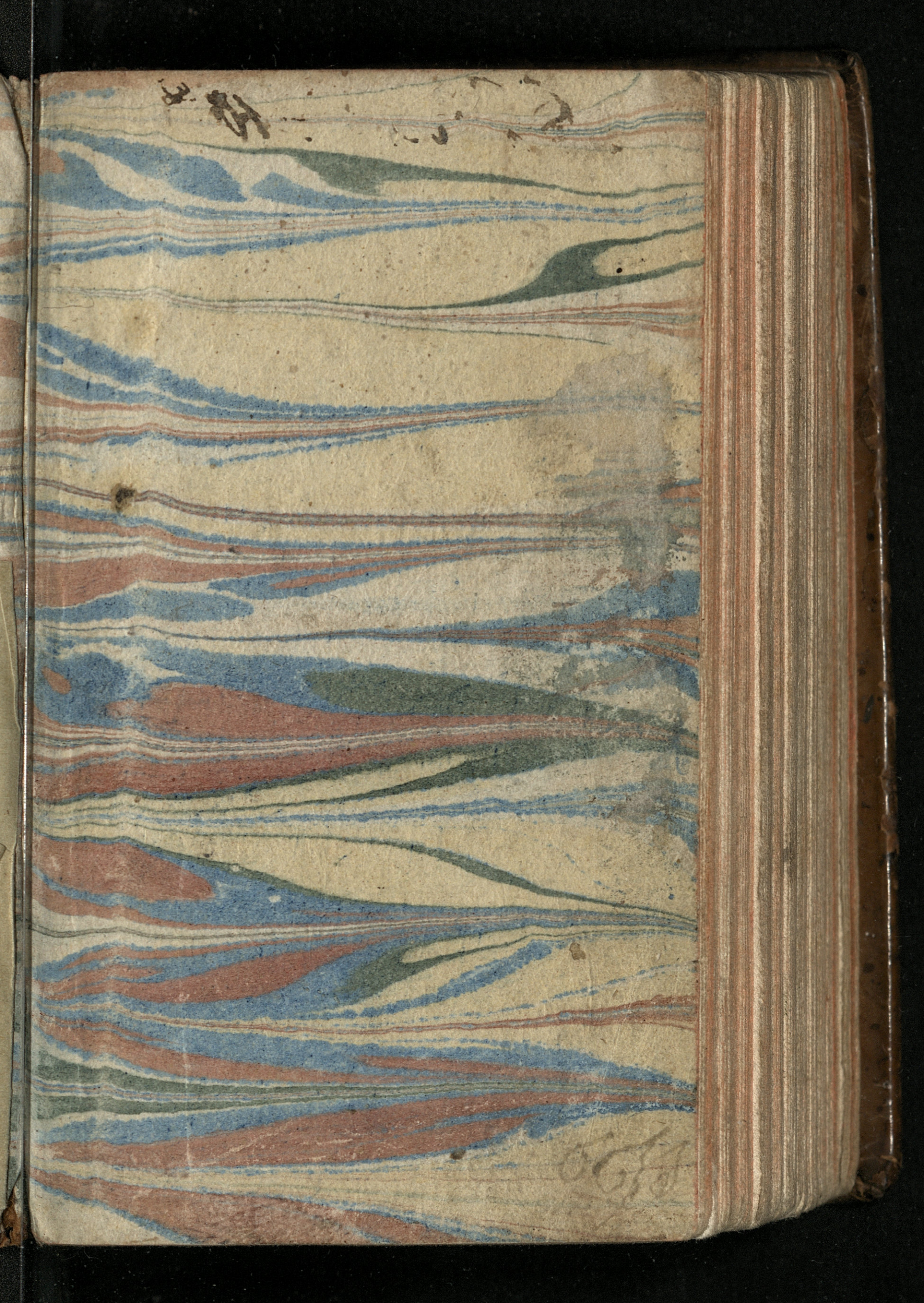

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 264.
ПОЛКА 5.
№ 19.

ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ
ИЛИ
СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ

Сочиненія Г. Гіольетта

переведены

съ Французскаго языка.

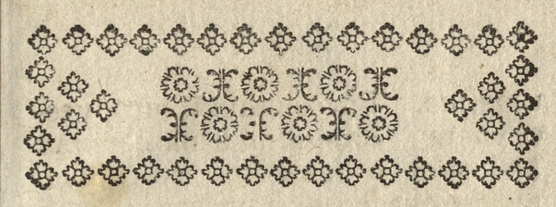
ТОМЪ IV.

вторымъ тисненіемъ

ВЪ Санктпетербургѣ
1774 года.

ВЕЧЕРЪ LIX.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Есьли Губернаторъ бравскій согласился на предложенное Маргоною, то и я тѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ, потому что сей срокъ подавалъ мнѣ время, разположиться такимъ образомъ, что бы Альмамонъ не возъимѣлъ нималѣйшаго подозрѣнія: и такъ я съ прекрасною моею вдовушкою былъ зрителями не большаго представленія, производимаго невольниками нашего господина; оное соединено было съ танцованіемъ и пѣніемъ, и всѣ актеры играли довольно

изрядно. По окончанiи сего увеселѣнiя, Альмамонъ напомнилъ Маргонѣ о данномъ ею обѣщанiи, и она отвѣтствовала ему, что повелѣнiю его повинуется. По томъ сказавъ мнѣ *посломни любѣзный другъ*! говорила Губернатору такъ: простите, государь, произнесенiе сихъ прелѣстныхъ словъ; я деверя моего всегда такъ называла при жизни моего покойнаго супруга. Приведи себѣ на память, подхватилъ я, то нѣжное любовное произшествiе, которое мы неоднократно представляли, и которое слѣдующаго содержанiя: Мирцу, молодую вдову, проситъ одинъ офицеръ войскъ Короля Явскаго, выйти за нево за мужъ; она находитъ въ Гиндбадѣ (такъ имя ея любовника) всякое достоинство; но какъ первый свой бракъ препроводила въ неудовольствiи и скукѣ, и точно увѣрена, что

мало

мало такихъ мущинъ находится, кои бы къ женамъ своимъ обѣщанное снисхожденіе и ласки имѣли, то предлагаетъ ему, исполнить два самые странные опыта. Тогда Маргона подъ имянами Мирцы и Гиндбада разказавъ подробно всѣмъ при томъ бывшимъ о всѣхъ приключеніяхъ, даже и о послѣднемъ ея мнѣ посещеніи въ мускомъ платьѣ во дворцѣ Султанскомъ, о опасности, въ которую жизнь ея ввергалась упорствомъ въ моемъ молчаніи, о необходимости объявить Визирю о своемъ полѣ; о любви имъ къ ней возчувствуемой, о ея похищеніи, и какимъ образомъ сей недостойный министръ произенъ былъ множествомъ ударовъ, когда на корабль его морскіе разбойники напали. Мирца, продолжала она, по нѣкоторому маловажному случаю, находитъ Гиндбада спустя по томъ два года

 на

на островѣ Цейлонѣ, не можетъ сперва воздержаться, что бы неизъявить своей радости отъ сего свиданія, разсудя, что онъ былъ причиною всѣхъ ея несчастій, дѣлаетъ ему наижесточайшіе выговоры сими словами. Тогда Маргона играя свой роль тѣмъ живѣе, что почитая себя въ самомъ дѣлѣ справедливою, на меня жаловаться, чинила мнѣ подъ имянемъ Мирцы толь чувствительные выговоры за упорность мою въ наблюденіи молчанія, и описала мнѣ столь живо то плачевное состояніе, въ которое тѣмъ была приведена, что все собраніе немогло отъ слезъ воздержаться. Что же до меня касается, то я будучи предмѣтомъ сихъ укоризнъ, былъ оными толь много тронутъ, что незнаю, какимъ образомъ непритворное и ревностное мое предъ ней извиненіе, подъ имянемъ

Гиндбада, не отверзло Губернатору очи. Для оправданія себя въ обвиняемомъ ею меня проступкѣ, показалъ я ей въ короткихъ словахъ толь ясное изображеніе всего мной отъ своенравія ея претерпѣннаго, и сколь много заслуживаю я извиненія, когда незная мерзостнаго злодѣйства Визирева, несклонился на ея прошенія, что принудилъ ее признаться, что всему она виновна, и что мнѣ иначе поступить никоимъ образомъ неможно было, безъ опасенія лишиться на вѣкъ ея любови, и награды за всѣ мои труды и старанія; по томъ разказалъ ей о моихъ поступкахъ послѣ ея отбытія, о средствахъ предпріятыхъ мной къ отнятію ея у Визиря; изъявлялъ ей, сколь велико для меня то благополучіе, что по кораблекрушеніи прибитъ я къ острову Цейлону, гдѣ чуть было нелишился

ся жизни, нашедъ ее тамъ живую, уже не во власти мерскаго Визиря, и въ состоянiи, ѣхать со мной обратно въ Яву, гдѣ, льщусь, увѣнчаетъ она мое къ ней постоянство.

Сколь краснорѣчива бываетъ любовь, милостивыя Государыни, въ таковыхъ случаяхъ, продолжалъ Катифей! сколь хорошо сыгралъ я мой роль! описывая, подъ имянемъ Гиндбада, самыми прекрасными и естественными красками, все претерпѣнное мной для Мирцы въ прошедшiя два года моего искуса; удивительные сраженiи, изъ коихъ выходилъ я всегда побѣдоноснымъ; жестокую печаль, чувствуемую мной, когда узналъ о ея похищенiи; ту ярость, которою воспламененъ я былъ на ея хищника; описывая все сiе, говорю я, производилъ я въ сердцахъ зрителей нашихъ разные движенiи

нїи съ таковымъ успѣхомъ, что они тронуты будучи жалостїю, проливали великїя слезы о моихъ несчастїяхъ, кои выдуманными почитали; и проклиная память невѣрнаго Визиря, похваляли насъ всѣ чрезмѣрно при окончанїи сего явленїя, которое увѣнчая терпѣнїе и вѣрность нѣжнаго Гиндбада, по таковыхъ препонахъ въ его любови, полагало счастливымъ бракомъ, во объятїяхъ своей любезной, скончанїе всѣхъ его несчастїй.

Хотя Альмамонъ и чрезмѣрно похвалялъ представленїе наше, и въ примиренїи Мирцы съ Гиндбадомъ великое находилъ удовольствїе; однако живость и сходственность, съ каковыми представляли мы приключенїи сихъ двухъ любовниковъ, произвели въ немъ по видимому не малое безпокойство, что и оправ-

дало вскорѣ по томъ учиненный его съ нами поступокъ.

Представленїемъ нашимъ комедии казался онъ быть весьма довольнымъ; и по тому желалъ, чтобы во время банкета, который намѣрялся онъ дать при бракѣ своего сына, и мы ко умноженїю веселїя все свое искуство употребили: приказалъ мнѣ выбрать, по моему произволенїю, матерїю къ театральному представленїю; и я вздумалъ сочинить такое, въ которомъ бы могъ увѣрить мою прекрасную вдовушку, сколь много я надѣюсь, вывести ее изъ неволи. Месри мнѣ уже открылся, что въ бравѣ нашелъ онъ одного богатаго Аденскаго купца, который въ разсужденїи производимаго имъ въ семъ городѣ знатнаго торгу, имѣлъ въ тамошней гавани свой корабль, и что онъ разказавъ ему о нашемъ состоянїи склонилъ ево,

посред-

посредствомъ обѣщаннаго великаго награжденія, для нашего освобожденія на все отважиться: и такъ необходимо нужно было, увѣдомить о томъ Маргону, дабы она для того справедливыя приняла мѣры; и какъ ни малой не было надежды, чтобы Губернаторъ согласился взять за насъ выкупу, то почиталъ я за должность, наставить ее, посредствомъ странной какой выдумки, какимъ образомъ надлежитъ ей поступить, чтобы уйти изъ Альмамовой Серали.

Ночь, назначенная для торжествованія брака младаго нашего господина, казалась мнѣ весьма способною, къ произведенію намѣренія моего въ дѣйство. Между явленіями, въ которые долженъ я былъ играть съ Маргоною, ввелъ я такое. въ которое Маргона, переодѣвшись въ муское платье, долженствовала полу-

чить письмо, посредствомъ коего и всему представленію надлежало кончиться; но какъ я могъ съ ней говорить только въ присудствіи Губернатора, то не старался я въ представленіи нашемъ изъяснить ей наши намѣренія; а отложилъ то до нашего отъѣзда, который казался мнѣ тѣмъ легче, что въ таковомъ смятеніи, каковое долженствовало произойти отъ великаго торжества и отъ комедіи, льстился я надеждою, что способно уйти можемъ, небудучи въ поступкахъ нашихъ ни кѣмъ надсматриваемы; и такъ помышлялъ только о исполненіи предприятаго мной съ Месріемъ и купцомъ Аденскимъ.

На конецъ насталъ день сей церемоніи; торжество было совершенное; невольники представляли свое игрище прекрасно; плясаніе и пѣніе были прелестны; игранная мной и Маргоною коме-

дія понравилась Губернатору чрезмѣрно; однимъ словомъ, все приводило въ возхищеніе, да же и окончаніе нашей комедіи: но когда, подъ тѣмъ видомъ, будто подалъ ей принадлежащее къ той матеріи письмо, вручилъ я ей извѣстіе, какимъ образомъ должна она притти ко мнѣ по окончаніи веселій, дабы бѣгствомъ избавиться отъ неволи, то Альмамонъ подозрѣвая нашъ поступокъ, вскочилъ вдругъ съ своего мѣста, выдернулъ у ней изъ рукъ мое письмо, и въ ту минуту познавъ нашу хитрость, взошелъ онъ въ толь сильный гнѣвъ, что обнажа свою саблю, на меня бросился съ тѣмъ, чтобы лишить меня жизни.

Какъ въ комедіи былъ я вооруженъ, то началъ тогда защищаться, но не съ тѣмъ, чтобы поразить Альмамона, котораго бы конечно лишилъ легко жизни,

есьли бы только имѣлъ къ тому желаніе, а единственно для отведенія его ударовъ. Онъ примѣтилъ, сколь много я ево берегу въ толь отчаянномъ случаѣ; почему оставивъ свое на меня ожесточеніе, вложилъ въ ножны саблю, и повелѣлъ своимъ невольникамъ взять меня подъ караулъ, угрожая мнѣ, лишить жизни жесточайшими казнями, когда не положу оружія.

ВЕЧЕРЪ LX.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Видя себя въ несостояніи, толь великому числу невольниковъ сопротивляться, бросилъ я саблю мою къ ногамъ Альмамона: Жизнь моя въ твоихъ рукахъ, сказалъ я ему; но ты неимѣлъ бы сего права, когда бы я хотѣлъ на

животъ твой покуситься; я чтилъ тебя всегда, какъ настоящаго моего господина, будучи при томъ точно увѣренъ, что ты скончая первые движенiи своего на меня гнѣва, отдашъ должную мнѣ справедливость; и что сколь бы ни великую склонность ощущалъ ты къ Цобейсѣ, непохочешъ терзать двухъ сердецъ соединенныхъ уже давно неразрывнымъ союзомъ. Только смерть единая разлучить насъ можетъ; скажи, сколько тебѣ надобно за насъ выкупу, я заплачу тебѣ оный въ скоромъ времяни. Но знай, что есьли поступя противу всѣхъ законовъ человѣчества и чести, употребишъ ты неограниченную власть твою надъ нами, Султанъ Аденскiй, котораго я верховный Визирь, и которому уже состоянiе наше извѣстно, придетъ самъ отмстить смерть мою, и разруша

руша до основанія сей городъ, повелитъ тебя лишить жизни мучительствен нѣйшими казнями.

Альмамонъ, ослѣпленный еще своею яростію, воображая себѣ, что сказанное мною было слѣдствіемъ открытаго имъ въ письмѣ моемъ обмана, называлъ меня поноснѣйшими имянами: подлый невольникъ! сказалъ онъ мнѣ, къ дерзости своей присоединяешъ ты еще и угрозы. Изрядно! я научу тебя, какимъ образомъ надъ господиномъ твоимъ насмѣхаться, и злоупотреблять милостями, которыя тебѣ я всегда оказывалъ; дерзновенныя твои рѣчи меня не устрашаютъ; я знаю Аденскаго Султана; я ево почитаю; и сколь онъ ни силенъ, однако ево небоюсь ни мало, понеже онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ правосудіе наблюдаетъ; и такъ трепещи отъ приуготовленія казней, опредѣляемыхъ

мной

мной тѣбѣ за измѣну и мерзостный обманъ твой. По семъ повелѣлъ онъ заключить меня до утра въ темницу подъ крѣпкую стражу.

Невольники приступали уже ко исполненію его повеленія, какъ Маргона бросившись къ ногамъ его: Государь, сказала ему, проливая горчайшихъ слезъ потоки, Мани тебя не обманываетъ; ты тронулся повѣствованіемъ нашихъ злополучій, когда, подъ ложными имянами, мы оные тебѣ представляли; не умножай же оные еще болѣе такою строгостію, которую бы ты самъ проклялъ, есьли бы въ спокойнѣйшемъ находился состояніи; и желая самъ прежде, что бы Кашифей, подъ имянемъ Гиндбада былъ спокойнымъ обладателемъ своей любезной, какъ можешъ ты желать того, что бы несчаст-

ная

ная Маргона стала и нынѣ не винною причиною его смерти.

Какое сходствїе имѣютъ Маргона и Катифей съ происходящимъ въ сихъ мѣстахъ? сказалъ тогда Губернаторъ съ запальчивостїю. Государь! продолжала прекрасная моя, я не Цобейясою называюсь; родившись отъ несчастнаго отца, который при Аденскомъ дворѣ имѣлъ чинъ довольно знатный, лишилась я его по несчастїю изгоненїями вѣроломнаго визиря; для избѣжанїя жестокихъ дѣйствїй зависти сего злодѣя, принужденъ онъ былъ, изъ отечества своего удалиться, тому уже лѣтъ съ пятнадцать, имѣя съ собой одного сына, которому тогда лѣтъ двенадцать было; съ того плачевнаго времяни одна изъ моихъ сестеръ и я, оставлены будучи у одной нашей сродницы, жили у ней подверженными

раз-

разнымъ перемѣнамъ непостоянной фортуны. Увы! всѣ тѣ приключенiи, которые разказали мы вамъ подъ ложными имянами, не претерпѣла бы злосчастная Маргона, есьли бы нелишена она была присудствiя несчастнаго Абурiама ея родителя . . . Несчастнаго Абурiама? . . . Праведное Небо! что начинаю я дѣлать! вскричалъ Губернаторъ. Ахъ! вотъ источникъ горячности, ощущаемой мной къ Цобейсѣ: поди ко мнѣ, дражайшая дщерь моя, поди ко мнѣ; познай въ своемъ господинѣ, познай въ немъ сего несчастнаго отца, котораго жестокосердiе визиря Цальвона принудило, Аденъ оставить. Я нетолько соглашаюсь на бракъ твой съ вѣрнымъ Катифеемъ, который горячности твоей толь много достоинъ, и прошу его забыть суровый мой съ нимъ теперешнiй поступокъ; но

но прошу ево еще и о подтвержденіи брака сына моего съ младою и прекрасною Коледою его сестрою, которая увезена будучи, тому лѣтъ съ десять или съ двенадцать, изъ Адена, досталась мнѣ и съ своею кормилицею, ихъ купилъ я за нѣкоторую сумму золотыхъ: и какъ скоро узналъ о ея произхожденіи, то имѣя къ фамиліи ея особливую любовь и почтеніе, съ той же самой минуты, опредѣлилъ ее для моего сына, и Небо показало мнѣ, что на выборъ мой соизволяетъ, внуша прекрасной сей четѣ, самые нѣжнѣйшіе чувствіи другъ къ другу.

Ни коимъ образомъ не возможно, Великіе Духи, изобразить то, сколь велико тогда было удовольствіе Маргоны, и въ коль неизреченное восхищеніе приведенъ я сталъ симъ толь благополучнымъ откровеніемъ; для

почув-

почувствованія сего надлежитъ въ одну минуту приведену быть въ жесточайшее отчаяніе, и въ самое тоже время въ самую совершенную радость. Пронзенъ будучи неописаннымъ милосердіемъ небесъ, бросился я къ колѣнамъ Губернатора, и лобызалъ ихъ съ величайшею горячностію: Ахъ! государь, сказалъ я ему, какое благодареніе воздать я тебѣ долженъ! ты даешъ мнѣ божественную Маргону; какое благополучіе можетъ для смертнаго бышь больше! Ты достоинъ ее своимъ беспримѣрнымъ постоянствомъ, прервалъ мою рѣчь Абуріамъ, поднявъ меня, я нехочу отлагать твоего благополучія ни на одну минуту; и Иманъ, за которымъ отъ меня послано, придетъ увѣнчать подражанія достойную любовь твою.

Повелѣніе Губернаторово было исполнено вкорѣ, Иманъ пришелъ

для отправленія нужныхъ церемоній; и остатокъ того вечера препроведенъ былъ въ таковой радости и въ такихъ увеселеніяхъ, каковыхъ ни какъ описать не возможно. Есьли я не велѣлъ привести въ браву Маргону и меньшую ея сестру, сказалъ намъ Абуріамъ, то неподумайте любезные дѣти, чтобы горячность моя къ нимъ когда нибудь уменьшилась, я оставилъ ихъ на рукахъ такой сестры, которая меня горячо любила, которая бывъ за двумя мужьями, дѣтей не имѣла, и посредствомъ коей производилъ я въ Аденѣ вѣрную переписку, нелишаясь надежды въ отечество свое возвратиться; одинъ только Цальвонъ служилъ тамъ для меня непреодолимымъ препятствіемъ, будучи любимцомъ верховнаго Визиря, и стараясь и самъ получить сіе достоинство,

заставляетъ меня дѣйствій ненависти его страшиться: она подала ему средства къ моей погибели; она принудила меня къ произвольному изъ отчизны моей изгнанію, и только единая смерть его можетъ удовлетворить моему желанію, узрѣть паки оную. Ахъ! государь! вскричала тогда Маргона, Визирь Цальвонъ былъ твой гонитель? ты намъ уже то обьявилъ; но состояніе, въ которомъ я теперь находилась, недозволяло мнѣ, прервать рѣчь твою: Сей же самый мерзостный Цальвонъ и меня увезъ изъ Адена; онъ то хотѣлъ меня отвести на островъ Цокотору, и угрожалъ мнѣ всякимъ мучительствомъ, желая склонить меня на удовлетвореніе звѣрской его страсти; но праведное Небо, защищающее всегда невинность, до того недопустило; буря занесла насъ къ симъ

берегамъ;

берегамъ; жители сего города напали на нашъ корабль и завладѣли онымъ, пронзя сего злодѣйственнаго Визиря мучительски, который при семъ случаѣ являлъ величайшее отчаянїе и ярость, и видя себя погибающа отъ множества неприятелей, уже поднялъ злодѣйскую свою руку, дабы принесть меня звѣрскому своему жестокосердїю на жертву, какъ одинъ изъ воиновъ твоихъ отрубилъ ему голову, которая къ ногамъ моимъ пала. Цальвона, государь, нѣтъ болѣе на свѣтѣ; Катифей любимецъ нашего Султана, онъ, какъ то уже я тебѣ обьявила, спасъ ево по счастїю въ одинъ день три раза отъ смерти, и сей великодушный Государь истощевая къ нему всю свою благодарность, пожаловалъ ево своимъ верховнымъ Визиремъ. Я увѣрена въ продолженiи ко мнѣ любви мо-

его супруга; возвратись же, дражайшій родитель, въ Аденъ, Султанъ отдастъ невинности твоей справедливость, возвратитъ тебѣ все твое отписанное въ казну имѣніе. Я примѣтилъ, что Абуріамъ слушая повѣствованіе Маргоны, проливалъ слезы. Цальвона нѣтъ болѣе на свѣтѣ! вскричалъ онъ, возхищаясь радостію; Небо наказало ево за мерзостные его преступленіи! ахъ! любезная дщерь моя, теперь то всѣ мои несчастіи окончались; я всегда пылалъ сильнѣйшимъ желаніемъ, увидѣть паки мое отечество и дѣтей моихъ, случай сей подаетъ мнѣ теперь средство, исполнить оное; я конечно возвращусь въ Аденъ. Государь! подхватилъ я тогда, возвратись туда, раздѣлить со мной милость нашего Монарха; и мнѣ премудрые твои совѣты и искуство нужны, дабы наложен-

 ную

ную имъ на меня должность могъ я подлежащимъ образомъ исполнить, и любви врученныхъ имъ мнѣ народовъ сдѣлаться достойнымъ.

Прежде сего толь возхитительнаго разговора, который прерванъ былъ только приходомъ Имана, и прежде исполненной имъ въ разсужденіи насъ церемоніи, всѣ зрители были такъ сказать непоколѣбимы, страшась, что бы явленіе не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ кровопролитнымъ; но сей ужасъ миновался вскорѣ, и на мѣсто онаго вступила всѣобщая радость; всюды видны были едины лобызанія; Коледа возхищалась столь же много удовольствіемъ, нашедъ во мнѣ брата, возведеннаго на высочайшую степѣнь достоинства, какъ и Маргона, меня увидѣвъ, и познавая, что рождена она отъ бравскаго Губернатора;

тора; обѣ онѣ усыпали меня ласками попремѣнно, и могу сказать, что во всю жизнь не вкушалъ я еще никогда толь чистыхъ и совершенныхъ удовольствій.

Какъ часъ къ разходу нашему приближился, то пошли мы въ отведенные для насъ покои, и тамъ то въ бесѣдѣ возлюбленныхъ нашихъ супругъ препроводили мы пріятнѣйшія минуты, а особливо я, по претерпѣніи толикихъ бѣдствій и напастей.

Абуріамъ препроводя дней восемь или десять въ пиршествахъ, послѣдовавшихъ послѣ нашего брака, призвалъ насъ въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, и объявилъ намъ, сколь великое желаніе имѣетъ онъ, въ Аденъ возвратиться. Дражайшіе мои дѣти, сказалъ онъ намъ, сколь ни нетерпѣливно хочу я отечество мое видѣть; однако не могу безъ

опасности отъ сюда удалиться, есьли царствующій въ сихъ мѣстахъ Султанъ о отъѣздѣ моемъ увѣдаетъ; объявить же ему о томъ не могу, не подвергнувъ себя неизбѣжной погибѣли. И такъ для исполненія моего намѣренія вздумалъ я произвесть слѣдующее: пускай Месри повидается съ тѣмъ купцомъ, на чьемъ кораблѣ вы хотѣли отъ сюда отъѣхать; онъ еще здѣсь; пускай дастъ онъ ему столько денегъ, сколько онъ потребуетъ, для искупленія изъ неволи тѣхъ, которые съ вами были, когда вы вольности лишились; я для того довольный достатокъ имѣю; и приказавъ переносить тайнымъ образомъ всѣ мои сокровища на одно судно, которое повелю вооружить хорошенько, можно намъ будетъ въ Аденъ возвратиться.

ВЕЧЕРЪ LXI.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Съ неописанною радостїю внимали мы намѣренїю Абурїама; онъ не терялъ времяни ко исполненїю своего предпрiятїя; и какъ скоро все приуготовлено было, то онъ имѣя у себя болѣе сорока невольниковъ изъ разныхъ земель, повелѣлъ ихъ за часъ предъ своимъ отъѣздомъ призвать къ себѣ: Друзья мои, сказалъ онъ имъ, будучи услугами вашими доволенъ, хочу вамъ доказать то самымъ дѣломъ: я ѣду въ Аденъ, куда меня важные дѣла позываютъ; не знаю, возвращусь ли когда опять въ сїи мѣста. Есьли вы хотите, за мной туда слѣдовать, [ибо я объявляю вамъ, что вы съ сей минуты свободны:] то я васъ туда отвезу, и тамъ подамъ каждому изъ васъ средствы,

 воз-

возвратиться въ свое отечество. Невольники Абуріамовы бросились къ ногамъ толь милосердаго господина ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ остаться въ бравѣ , и мы тотъ же часъ приказали имъ переносить всѣ наши сокровища на корабль , который онъ повелѣлъ вооружить, подъ тѣмъ видомъ будто хотѣлъ послать оный для разъѣздовъ , и на который Месри проводилъ при наступленіи ночи всѣхъ нашихъ соотчичей , кои въ полномъ вооруженіи были; и мы немедлѣнно въ путь отправились въ провожаніи корабля, принадлежащаго Аденскому купцу.

Какъ время тогда было прекрасное , то путь нашъ былъ для насъ весьма благополученъ даже до острова Цокоторы, гдѣ вѣтръ вдругъ перемѣнился ; мы плыли по морю въ немаломъ страхѣ; и сей вѣтръ продолжа-

ясь болѣе двухъ недѣль, удалилъ насъ совсѣмъ отъ нашей дороги, при которомъ случаѣ претерпѣли мы нѣсколько бурь, кои хотя и невесьма опасны были; однако въ крайнѣе безпокойствїе меня приводили, по тому что дражайшей моей Маргонѣ сдѣлался отъ того припадокъ. Къ наивящему моему злополучїю во одну весьма темную ночь сдѣлалась великая непогода, и я идучи изъ кормы на носъ для нѣкотораго распоряженїя, сталъ вдругъ покрытъ превеликою волною, которая такъ сильно меня ударила, что я не взирая на всѣ мои старанїи, не могъ за корабль ухватиться, но повергся въ море; нѣсколько матрозовъ подняли тогда превеликїй крикъ, и я думаю, что въ море брошены были веревки и доски, по тому что темнота препятствовала видѣть предмѣты;

я имѣю причину, такъ думать, понеже выплывя поверхъ воды, почувствовалъ у себя по бокамъ что то плавающее; я ухватился за оное, и плавая на сей доскѣ болѣе осьми часовъ, прибитъ былъ на мель; при чемъ чувствовалъ въ себѣ только одну усталость, и горчайшею печалїю терзался, воображая себѣ состоянїе дражайшей моей супруги, когда она о несчастїи моемъ познаетъ. Вступя на берегъ и взошедъ на пригорокъ, отъ куда могъ далеко видѣть, имѣлъ по крайнѣй мѣрѣ то утѣшенїе, что море утихло; а сїе заставляло меня надѣяться, что корабль, на которомъ толь драгоцѣнныя для меня особы находились, не претерпѣлъ никакого вреда, что перемѣнившїйся по томъ вѣтръ конечно побудитъ ихъ въ Аденъ ѣхать. У меня было только золотыхъ съ тридцать и нѣсколько

ко подаренныхъ мнѣ Абуріамомъ алмазовъ; я пошелъ въ доль по берегу, и часовъ чрезъ семь прибылъ я въ Дабулъ крайнѣ ослабленъ. Главное мое стараніе состояло въ томъ, чтобы навѣдаться, не отъѣзжаетъ ли какое судно въ чермное море, и увѣдавъ, что одно отправляется въ Камбай, пріѣхалъ я въ сей городъ, гдѣ намѣрился дожидаться отъѣзда перваго корабля въ Аденъ, какъ невѣдая какимъ образомъ пренесенъ я сталъ въ сіи прелѣстные мѣста. Сдѣлайте со мной милость, Великіе Духи! узнавъ теперь отъ самого меня о малѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни, усладите хотя нѣсколько мучительное прискорбіе рыдающей супруги о моей погибели, которую она конечно дѣйствительною почитаетъ; и понеже власть ваша не имѣетъ предѣловъ, когда благодѣтельствовать

ствовать должно, то возвратите ей такого супруга, который несноснѣйшею тоскою мучимъ, видя себя отъ нее отлученнымъ.

Султанши не могли повѣствованія Катифея и Маргоны слушать, не приявъ въ прискорбіяхъ ихъ должнаго участія; онѣ изъявляли ему о томъ свою чувствительность, какъ Кофробъ обратя къ нимъ рѣчь свою сказалъ: Недовольно того, чтобы сихъ несчастныхъ утѣшать едиными словами; надлежитъ имъ показать нашу власть самымъ дѣйствіемъ; тогда обратясь къ Катифею: Государь, продолжалъ онъ, сколь ни много тронута Маргона твоею разлукою; однако она подкрѣпляется всегда надеждою, что ты не погибъ между волнами: мы объявили ей о томъ во снѣ, и она въ сей истиннѣ столь много удостовѣрена, что проѣхавъ множество

гаваней для соединенія паки съ тобою, приступаетъ уже къ той минутѣ, въ которую тебя увидитъ. О! премудрый старецъ, вскричалъ Катифей восхищенъ радостію, ты возвращаешъ мнѣ жизнь. Возможно ли, чтобы увидѣлъ я вскорѣ божественную мою Маргону? Толь чудесное благополучіе превыше всѣхъ надеждъ моихъ: простите мнѣ сіе сомнѣніе, великодушные Духи; я не могу имѣть онаго о вашей власти: пренесеніе мое въ сіи прелѣстные мѣста должно внушить мнѣ, что для васъ нѣтъ ничего невозможнаго; но Маргона воздыхаетъ отъ меня во удаленіи, и я стѣнаю во отсудствіи сей прекрасной супруги, которую обожаю.

Не терпѣливость твоя справедлива, сказалъ тогда Кофробъ, она удовлетворится вскорѣ. Изрядно, государь, тотчасъ увидишъ

дишъ сïю супругу, которая единый предмѣтъ всѣхъ твоихъ желанïй представляетъ, и коей горячности достоинъ ты толь справедливо ; она властïю моею пренесена теперь въ сïи мѣста съ Абурïамомъ, Каледою и ея супругомъ. Тогда по повелѣнïю Имана отворились двѣри въ залъ, и прекрасная Маргона вошедъ въ оный, и увидя Катифея побѣжала въ его объятïи, не примѣчая ни тѣхъ особъ, которыя въ ономъ были, ни великолѣпïя сего мѣста. Дражайшïй свѣтъ моей жизни, сказала она ему, я тебя обрѣтаю, когда уже тебя волнами поглащенна почитала. Ахъ! сколь много терзалось мое сердце съ плачевной нашей разлуки? сколько слезъ о тебѣ я проливала! нѣтъ; безъ дражайшаго моего родителя, и безъ любви достойной сестры твоей немоглабы конечно ниодной прожить минуты, послѣ

того

шого случившагося съ тобой несчастія, котораго уже ни чемъ отвратить не уповала. Великій Пророкъ! Ты только одинъ могъ имъ внушать убѣдительныя причины ко оставленію моего отчаянія; ты подалъ мнѣ особливымъ своимъ меня защищеніемъ знаки твоего милосердія. Онъ только, дражайшій мой супругъ, могъ укротить жестокость моихъ злополучій: онъ привелъ насъ въ сіи прелѣстные мѣста недовѣдомыми намъ путями. Какое благодареніе должно ему воздать за толикіе благодѣяніи, когда по его повелѣнію пріѣхала я съ Абуріамомъ и дѣтьми его въ Караванъ-Сераль Камбайскій! мы прибыли во оный сего утра, и тамошній начальникъ принялъ насъ со всевозможною ласкою и вежливостію.

По описанію о тебѣ нашему увѣрилъ онъ насъ, что ты былъ

въ ономъ Караванъ-Сералѣ тому недѣли съ три, и препроводилъ тамъ только одну ночь въ великомъ безпокойствѣ; и что ты, хотя объявилъ ему свое намѣреніе, дождаться отъѣзду одного корабля, который чрезъ нѣсколько недѣль долженъ былъ въ чермное море отправиться; однако по видимому перемѣнилъ свое предприятіе, понеже на другой же день поутру оставилъ Караванъ-Сераль не сказавъ ему о своемъ пути, и съ нимъ не простясь. Твой отъѣздъ тронулъ меня чрезвычайно, и я изъявляла ему чувствуемое мной отъ того прискорбіе, какъ одинъ молодый человѣкъ, находившійся съ нами въ комнатѣ, и который казался намъ торговцомъ драгоцѣнными каменьями, приставъ къ нашему разговору: государыня, сказалъ мнѣ, есьли вы хотите знать теперь, гдѣ находится

ходится любимый вами предмѣтъ, то я сыщу вамъ въ Камбаѣ старуху, которая скажетъ вамъ о немъ настоящую истинну, и можетъ сдѣлать для васъ еще нѣчто болѣе сего.

Толь приятное обѣщанїе меня возхитило отъ радости; я просила ево, привести къ намъ сїю старуху; онъ къ ней пошолъ, и спустя нѣсколько минутъ возвратился къ намъ съ нею, и она посмотрѣвъ въ свою книгу, исписанную непонятными для насъ фигурами, сказала мнѣ: Ты найдешъ своего супруга прежде, нежели утренняя зоря покажется, и возвратишъ ему совершенную радость, которой лишено его сердце. Есьли же я не говорю тебѣ истинну, то великїй нашъ Пророкъ да отнимѣтъ у меня языкъ на вѣки. Хотя я и мало вѣроятности во обѣщанїяхъ сей старухи находила;

дила; однако оные были для меня весьма лѣстны, и я тронулась ими чрезвычайно.

Радость, изъявляющаяся во очахъ моихъ, показывалась во всѣхъ моихъ поступкахъ. Мы оставили сію старуху съ нами ужинать, вино ее развеселило; она забавляла насъ разными шутошными повѣствованіями, которые столъ нашъ дѣлали весьма пріятнымъ; но не могу сказать того, какимъ образомъ оный кончился, и намъ безъизвѣстно, какимъ случаемъ пренесены мы въ сіи прелѣстныя мѣста, гдѣ вижу исполненіе предсказаннаго мнѣ сей божественной старухой.

Неоцѣненная Маргона! вскричалъ Катифей, какое благодареніе должны мы воздать нашему посланнику божію, за всѣ оказанныя имъ къ намъ милости! знай, что и вы, такъ же

какъ и я, пренесенны въ одну минуту въ сїе жилище Перицовъ; что сїи благотворные духи, повинуясь повелѣнїямъ нашего Пророка, исполнили съ нами его опредѣленїе, и что имъ не можемъ мы оказать довольно благодарности. Мы требуемъ только единаго чистосердечїя, отъ всѣхъ тѣхъ, коихъ одолжаемъ, прервалъ Кофробъ: драгоцѣнность сердецъ вашихъ намъ извѣстна, и сїе составляетъ все наше удовольствїе. И зная, съ какою нетерпѣливостїю Аленсїй Султанъ ожидаетъ Абурїама, и что сей премудрый Визирь долженъ желанїю его соотвѣтствовать, то вскорѣ приведемъ васъ въ состоянїе, ево удовольствовать: но по претерпѣнїи таковыхъ безпокойствъ, имѣете вы во отдохновенїи нужду; васъ отведутъ въ особливыя комнаты, гдѣ

гдѣ можете препроводить ночь въ покоѣ.

Абуріамъ, сынъ его и Каледа привезены были всемъ тѣмъ что съ прибытія ихъ въ Караванъ-Сераль съ ними произходило, въ толикое удивленіе, что почти стояли непоколебимы. Поблагодаря всѣ они мнимымъ духамъ, пришли въ назначенное для нихъ мѣсто, и нашли тамъ всякіе прохлажденіи толь вкусные, что не могли не насытиться оными прежде преданія себя въ объятіи сна. Какъ по повелѣнію Кофробову примѣшенъ въ оные былъ буенгъ, то чуть только они заснули, Принцъ Ширинъ пользуясь симъ случаемъ, приказалъ опредѣленнымъ къ таковымъ дѣйствіямъ невольникамъ, ихъ взять и отнести на шлюпку, которую они по повелѣнію его къ Кораблю Абуріамову привязали, послѣ чего во дворецъ паки возвратились. Лег-

ко можно познать, въ какое удивленіе приведены были сіи пять человѣкъ, пробудясь по утру отъ глубокаго своего сна. будучи удостовѣрены въ дѣйствительности всего съ ними произшедшаго, взошли они на свой Корабль, и отпустя шлюпку къ берегу, возпользовались благополучнымъ вѣтромъ для возвращенія въ Аденъ.

Гузаратскія Султанши были тронуты окончаніемъ сего повѣствованія; и не примѣчая всего говореннаго и исполняемаго Кофробомъ, думали, что сей великій мужъ увѣдая отъ начальника надъ Караванъ-Сералемъ о прибытіи Маргоны, воображалъ себѣ, что сія прекрасная особа помышляя единственно о погибели своего супруга, имѣла сонъ сходный съ тѣмъ, что она въ разсужденіи сей матеріи лѣстнаго говорила, тѣмъ наипаче, что Катифей,

тифей упавъ въ море въ такомъ мѣстѣ, которое недалеко отъ Дабула находилось, легко могъ на сихъ берегахъ или въ ближайшей какой гавани спастися.

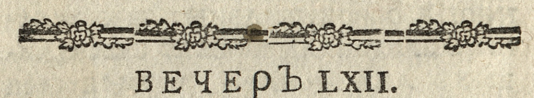
Что касается до Султана Огуца, то онъ повѣствованіемъ сихъ приключеній казался быть весьма довольнымъ, и неоднократно изъявлялъ Кофробу свое удивленіе, какимъ образомъ могъ Катифей хитростямъ Маргонинымъ сопротивляться. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, говорилъ онъ ему, что бы я никогда не былъ въ состояніи, выдержать толь великіе искушеніи, сколь бы ни сильную страсть ощущалъ я въ сердцѣ моемъ къ какой женщинѣ. Государь! отвѣтствовалъ ему Иманъ, Султаны, привыкшіе зрѣть все себѣ преклоннымъ, не могутъ имѣть въ любви толико нежности; они только лишъ что задумаютъ, то уже оное и исполняется,

няется, и я нимало неудивляюсь, что вы такъ думаете; но сколь велико должно быть удовольствіе сихъ несравненныхъ любовниковъ? они уврены что горячность ихъ равна; и токмо въ простожитіи, а не на престолѣ наслаждаются обыкновенно таковыми увеселеніями въ полномъ совершенствѣ.

Огуцъ признался, что величество Монаршее было ему часто въ любви въ тягость; и чиня многія основательные разсужденіи о благополучіи сихъ счастливыхъ любовниковъ, и видя себя ко сну склонными, растались они для своего отдохновенія.

На другой день часъ къ собранію въ залъ пришелъ; Султанши уже тамъ находились и со всѣми унесенными изъ Караванъ-Сераля; онѣ спрашивали у Ширина потихоньку, привелъ ли онъ къ нимъ во дворецъ какого новаго

чужестранца, и онъ неотвѣтствуя имъ на то ни слова, далъ обыкновенный знакъ для поднятія завѣсы; тогда увидѣли на софѣ и на креслахъ одну старуху лѣтъ въ шездесятъ, четверыхъ весьма прекрасныхъ женщинъ, изъ коихъ старшей не болѣе осмнадцати лѣтъ казалось, и двухъ собою изрядныхъ юношей, изъ которыхъ каждому неболѣе двадцати пяти лѣтъ было.

ВЕЧЕРЪ LXII.

Исторія о Мегнунѣ и о Лейлегѣ.

По одеждѣ сихъ иностранцовъ легко можно было узнать, что то были комедіанты и комедіанки; Султанши надѣялись имѣть отъ того не малое удовольствіе, которое и въ самомъ

дѣлѣ вскорѣ воспослѣдовало , и которое произошло отъ странныхъ и различныхъ тѣлоположенiй сихъ людей такъ , что Султанши и протчiе зрители не могли отъ смѣха удержаться. Спустя по томъ нѣсколько времяни Ширинъ къ нимъ подошелъ, и говорилъ имъ такъ: Престаньте друзья мои удивляться, примите на себя тотъ веселы видъ, которымъ одарены подобные вамъ люди; представте себѣ, что во время ночное пренесены вы были въ провинцiю Шадукiамскую въ чертоги Гевгера-Абада, и что на нѣкоторое время опредѣлены вы на увеселенiе Перицовъ и Перицъ, обитающихъ во ономъ; счастiе ваше разположено будетъ по тому, какимъ образомъ вы исполните должности вашего ремѣсла. Сiи люди ободрясь толь лѣстными обѣщанiями, собрались вскорѣ съ силами,

ми ,

ми, и спокойствїе съ радостїю появились на лицахъ ихъ; Старуха же, которая была начальницею сихъ пришельцовъ говорила имъ такъ: Любезные мои дѣти! возблагодаримъ Пророку, что онъ привелъ насъ въ толь прелѣстные мѣста, и потщимтесь всѣми силами заслужить то мнѣнїе, которое сїи великїе духи о насъ имѣютъ. Есьли они хотятъ, чтобы вы своею пляскою и пенїемъ изобразили имъ какое печальное приключенїе, или представили имъ какое смѣшное произшествїе . . . Пожалуйте лутче представте намъ что нибудь посмѣшнѣе, вскричала Гуль-Саба, которое могло бы насъ тѣмъ болѣе развеселить. Когда такъ, сказала Старуха своимъ товарищамъ, то симъ Перицамъ представте любовь Мегнуна и Лейлеги: хотя представленїе сїе и кажется нѣсколь-

ко важно, однако мои актеры такъ хорошо умѣютъ превратить сію исторію въ смѣшную, что я нимало не сомнѣваюсь, что бы оное непричинило великаго удовольствія. Мегнунъ, какъ то извѣстно, любилъ страстно Лейлегу; и какъ онъ по скромности своей не осмѣлился покуситься на цѣломудріе толь добродѣтельной особы, то любовь его сдѣлалась ему столь вредною, что онъ лишился покою, и оставилъ свое ремѣсло, дабы единственно помышлять о своей любовницѣ: сіи прекрасные разсужденіи сдѣлали ево въ короткое время толь сухимъ, что онъ болѣе походилъ на мертвеца, нежели на живаго человѣка. Лейлега встрѣчаясь съ нимъ всюды, спрашивала ево иногда о причинѣ его прискорбія; но сей влюбленный безумецъ не смѣлъ ей въ томъ открыться; и наконецъ

таковый поступокъ привелъ єво до того, что онъ въ одномъ весьма трогательномъ письмѣ описалъ произхожденіе и успѣхи своей любви, изъяснилъ, что Лейлега предмѣтъ оной и причина жалостнаго его состоянія, о которомъ онъ никогда не смѣлъ ей объявить; и на послѣдокъ приказалъ отдать ей сіе письмо послѣ его смерти. Намѣренія его были исполнены, и сія прекрасная дѣвица познав плачевную судьбину своего любовника, тронулась кончиною его столь много, что впадши отъ того въ превеликую печаль, послѣдовала за нимъ вскорѣ. Писатели Арабскіе и Персидскіе объявляли различно о сей толь странной любви; Мегнунъ почитается ими примѣромъ любовниковъ совершенныхъ, а Лейлега прекраснѣйшею и цѣломудреннѣйшею особою своего пола.

Что

Что до насъ касается, то мы будучи увѣрены, что таковые любовники суть существа мнимые, не почитали сего приключенія важнымъ; и какъ мы не можемъ себѣ престaвить, что бы на свѣтѣ толь глупые любовники и толь скромныя дѣвицы были, то мы въ представленіи нашемъ поступаемъ совсѣмъ другимъ образомъ, нежели какъ то въ романахъ о нихъ описывается.

Лейлега вскорѣ примѣчаетъ любовь Мегнунову; но будучи разумною и гордою дѣвицѣю, притворяется, будто оной невидитъ: а между тѣмъ ея любовникъ становится толь робкимъ, что въ разговорахъ своихъ съ нею видя, что она напрасно всю хитрость свою употребляетъ, что бы онъ ей въ страсти своей открылся, прибѣгаетъ она къ своей служанкѣ, которая влюблена въ

невольника Менгунова. Сей невольникЪ зная сЪ умасходво своего господина, часто надЪ нимЪ подЪсмѢиваетЪ: подаетЪ ему любовные наставленіи, которыхЪ МегнунЪ по природной своей робости несмѢетЪ исполнить, или исполняетЪ весьма худо, какЪ скоро Лейлегу увидитЪ. На конецЪ служанка сей цѢломудренной дѢвицы и невольникЪ принуждены представлять лицы своихЪ господЪ, и побуждаютЪ ихЪ имЪ подражать: сіе играютЪ они при нихЪ сЪ такою живостію, и мало по малу сію шутку такЪ далеко простираютЪ, что МегнунЪ возбужденный примѢромЪ своего невольника, ему во всемЪ послѢдуетЪ, и Лейлега позволяетЪ ему всѢ тѢ вольности, которыя ея служанка позволяетЪ своему любовнику. Сіе дѢйствіе нѢсколько живо, и мои актеры производятЪ оные такимЪ образомЪ, что

что и самыхъ нечувствитель-
ныхъ поколѣбать могутъ; одна-
ко сїе зависитъ отъ произволе-
нїя зрителей , смотря по ихъ
склонностямъ. И такъ прекра-
сныя Перицы отъ васъ зависитъ,
какимъ образомъ поступить при
томъ прикажите. Съ наивозмож-
нымъ цѣломудрїемъ, сказала на
то Гегернаца, мы не можемъ ни-
чего того терпѣть , что нару-
шаетъ благопристойность Пу-
скай твои актеры выберутъ что
другое, или поступятъ со осо-
бливою предосторожностїю, есь-
ли хотятъ намъ сдѣлать уго-
жденїе. Они конечно повелѣнїе
ваше исполнятъ, сказала на то
старуха.

Какъ скоро Султанши изъяви-
ли свое благоволенїе , что бы
представленїе началось, то акте-
ры стали по мѣстамъ, и исто-
рїю Мегнуна со особливою прият-
ностїю и простотою играли , а

особливо представляющїй невольника игралъ свой роль съ такимъ совершенствомъ, что все собранїе было тѣмъ крайнѣ довольно: всѣ удивлялись той нѣжности, съ каковою онъ игралъ тѣ мѣста, въ которыхъ велѣно ему было поступить со всевозможнымъ цѣломудрїемъ; такожъ и женщина представляющая съ нимъ заслужила не менѣе похвалы, съ какою непритворностїю и благопристойностїю она во оныхъ играла. Изъ всѣхъ зрителей была Гуль-Саба всѣхъ довольнѣе, и при томъ особливое удовольствїе ощущала, взирая на актера играющаго роль Мегнуна: онъ былъ собой прекрасенъ, имѣлъ черные кудреватые волоса, прелестные глаза, и весьма приятный видъ, во всѣхъ представляемыхъ имъ разныхъ страстяхъ: словомъ побуждалъ онъ почти всякова

ко особливой къ нему склонности; и Гуль-Саба была имъ столь сильно поражена, что бы въ самую туже минуту открылась ему въ своей любови, есьли бы не опасалась укоризнъ протчихъ Султаншъ. Но не въ состоянiи будучи, много притворяться: Мегнунъ, сказала она ему, ибо я не знаю настоящаго твоего имяни; я такъ довольна твоимъ представленiемъ, что въ знакъ моей къ тебѣ дружбы даю тебѣ перьстень, носи ево для напоминовенiя обо мнѣ. Тогда снявъ съ руки у себя драгоцѣнный перстень, подала ево сему актеру, который принялъ ево съ чрезмѣрною радостiю и съ глубочайшимъ почтенiемъ.

Султанши удивленныя симъ подаркомъ Гуль-Сабы, и приятнымъ видомъ, съ каковымъ она подала ево актеру, несомнѣвались болѣе, что она къ сему юно-

шу сильнѣйшею страстїю возпламенилась; и опасаясь, чтобы она невступила съ нимъ въ какое обязательство , не нашли лутчаго способа ко отвращенїю ее отъ того, какъ только, что бы онъ расказалъ имъ приключенїи своей жизни. Для сего Гегернаца обратясь къ нему: Мегнунъ, сказала она ему, ты долженъ почитать себя весьма благополучнымъ, получа толь явныя знаки сей прекрасной Перицы; но знай , что сей подарокъ данъ тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты расказалъ намъ подробно всѣ приключенїи твоей жизни. При томъ остерегайся удаляться отъ настоящей истинный. Знай что есьли ты то учинишъ , то мы позная твою ложъ , изъявимъ тебѣ свою немилость. Прекрасная Перица, отвѣтствовалъ тогда юноша, когда вы повелѣваете, чтобы я вамъ расказалъ всѣ

мои

мои приключенiи, то я готовъ исполнить ваши повелѣнiи; тогда видя, что всѣ наблюдаютъ глубокое молчанiе, началъ говорить такъ.

ИСТОРIЯ

О Массудѣ, сынѣ Софаропомъ.

Отецъ мой былъ Арабскiй мѣдникъ, жившiи въ Ширацѣ, и извѣстенъ въ семъ городѣ только по своему прозванью Софаръ, которое значитъ мѣдника, и которое дано ему по преимуществу, по тому что онъ работалъ съ особливою чистотою и всѣхъ лутче. Онъ жилъ въ соседствѣ съ однимъ Философомъ, который былъ хотя молодъ, однако весьма искусенъ, и заказывалъ ему дѣлать кубики и другую посуду нужную для химическихъ опытовъ. Отецъ мой будучи прину-

нужденъ ходить часто къ сему Философу, имѣлъ случай, познакомиться съ одною невольницею именемъ Нурою, которой было лѣтъ тридцать, и которая влюбясь въ нево, была къ нему столько благосклонна, что господинъ ея вскорѣ примѣтилъ обхожденіе ея съ Софаромъ.

ВЕЧЕРЪ LXIII.

Продолженіе исторіи о Массудѣ, сынѣ Софаровомъ.

Чуть только Философъ узналъ слабость Нуры въ разсужденіи Софара, то пришелъ въ великайшей гнѣвъ; и какъ сей бѣдный мѣдникъ пришелъ къ нему, то онъ схватя палку на нево бросился, и прибилъ бы ево конечно до смерти, есьли бы онъ отъ ярости его неуклонился. Что касается до Нуры, то она прибѣгла къ плачу, и павъ къ ногамъ

гамъ Философа, тронула ево столь много, что себѣ и отцу моему получила отъ нево прощенїе. Нура, сказалъ онъ ей, встань, и разсмотри, чего ты теперь лишилась; я отличалъ тебя всегда отъ протчихъ невольницъ, для показанїя тебѣ, что я тебя люблю; и я думалъ найти въ тебѣ разсудительную женщину. Съ вольностїю, которую было тебѣ дать намѣрялся, хотѣлъ раздѣлить съ тобой мое ложе, почитая тебя довольно достойною быть моею женою: но посчастїю я обманулся: поступокъ твой въ разсужденїи мѣдника показываетъ мнѣ низкость твоихъ мыслей, и какому бы бѣдствїю подвергъ я себя, есьли бы съ тобой соединился. Какою благодарностїю долженъ я Небесамъ, что они того недозволили. Пошли къ Кадїю и къ Иману: я хочу при

нихъ освободить тебя отъ неволи и соединить тебя съ Софаромъ, который имѣлъ дерзновеніе посрамить мой домъ. Можетъ быть въ семъ бракѣ найдетъ онъ наказаніе за сей толь мерзскій поступокъ.

Повелѣніе Философово было тотъ часъ исполнено. Нура получила свободу, и отдана за Софара. Сіе нечаянное произшествіе привело ее въ толь сильное движеніе, что она пришедъ въ домъ своего мужа, меня выкинула по седьмому мѣсяцу. Отецъ мой чувствовалъ отъ того величайшую радость, и назвалъ меня Массудомъ, то есть Счастливцомъ, думая, что я рожденъ быть благополучнымъ; сіе можетъ быть сбылось бы и въ самомъ дѣлѣ, есьли бы Философъ не открылъ ей своихъ въ разсужденіи ее намѣреній; она столь много печалилась, что про-

проступкомъ своимъ потеряла толикое счастie, что съ той же самой минуты возъимѢла къ отцу моему величайшее отвращенie, и я вскорѢ почувствовалъ дѢйствie онаго; она почитала меня единымъ препятствiемъ къ ея благополучiю, по тому что, есьли бы я не былъ плодомъ ея любви, то бы могла она скрыть короткое свое обхожденie съ Софаромъ, и сдѢлаться женою Философа, которой былъ человѢкъ прекрасный, богатый, и въ великомъ почтенiи во всемъ ШирацѢ.

Отецъ мой, которой женясь на НурѢ почиталъ себя совершенно благополучнымъ, позналъ вскорѢ, что онъ самый несчастный изъ всѢхъ людей на свѢтѢ: ибо ставъ предмѢтомъ презрѢнiя и ненависти своей жены, ни одного дня не проходило, что бы она не укоряла ево его съ ней поступкомъ,

и не обвиняла его въ собственной своей слабости; на конецъ довела она ево до того, что онъ съ печали впалъ въ прежестокую горячку, отъ которой вскорѣ и умеръ, и мать моя не была смертїю его ни мало тронута.

Философъ познав о причинѣ смерти отца моего, досадовалъ на самого себя весьма много, что изъясненїемъ своимъ съ Нурою довелъ ево до такой погибели. Поступокъ ея съ мужемъ произвелъ въ немъ худыя объ ней мысли, и видя, что она обо мнѣ совсѣмъ не радѣетъ, и кормить меня не хочетъ, надомною сжалился и взялъ меня къ себѣ.

Мать моя, которая внимала только горделивымъ своимъ мыслямъ, приведена была спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ смерти Софаровой въ великое удивленїе, видя, что лавка ея отъ часу болѣе въ упадокъ приходила; работники,

ботники, съ которыми она не умѣла обходиться, оставили ее вскорѣ: на конехъ не протѣкло еще и шести мѣсяцовъ, какъ пришедъ въ убожество, прибѣгла къ старому своему господину, и бросясь къ ногамъ его: Милостивый государь, говорила она ему, обливаясь слезами, дозволь, что бы я вступила паки въ рабство, изъ котораго выйти была я недостойна: не дай погруженной въ несноснѣйшіе бедствіи ввергнуться во отчаеніе, дозволь лобызать твои колѣна, я ихъ не оставлю, пока не получу отъ тебя сію милость. Встань Нура, сказалъ ей Философъ, и когда хочешъ, живи у меня, но не такъ какъ невольница, пользуйся всѣми правами вольнаго человѣка, вступи въ прежнюю свою должность: я забываю всѣ твои проступки; памятуй только о прошедшемъ. Мать моя проливая слезы поцѣловала руку

у

у толь милосердаго господина; и чувствуя его великодушіе, усугубила она свои попеченіи о экономіи вѣ его домѣ; но невзирая на то удовольствіе, которое могла бы она отѣ того имѣть, предалась она толь сильной задумчивости, что послѣ отца моего прожила не болѣе осьми мѣсяцовѣ.

Мнѣ было не болѣе двухѣ лѣтѣ, какѣ я лишился моей матери; я могу сказать, что сей уронѣ былѣ для меня не весьма великѣ, по тому что вѣ ней имѣлѣ такѣ сказать главнаго своего непріятеля. Философѣ продолжалѣ ко мнѣ свои милости; и я до шести лѣтѣ жилѣ у моей кормилицы, которая начала меня учить читать и писать, и отѣ которой по прошествіи сего времяни взялѣ меня мой господинѣ и отдалѣ кѣ одному духовному, для довершенія моего ученія, и я отошедѣ отѣ сего наставника, ока-

оказывалъ Философу всякія услуги по моему возросту.

Чуть только исполнилось мнѣ двенадцать лѣтъ, какъ мой господинъ призвалъ меня однимъ днемъ къ себѣ въ кабинетъ. Массудъ, сказалъ онъ мнѣ, хотя ты еще и весьма молодъ, однако зная твой разумъ, хочу ввѣрить тебѣ такую тайну, которой я еще никому не открывалъ. Отецъ мой, который былъ славный докторъ, уѣхалъ изъ Шираца въ Египетъ тому лѣтъ съ осьмнадцать; хотя я ему и представлялъ, что ему уже болѣе осьмидесяти лѣтъ; однако не могъ отвратить ево отъ толь тягостнаго и долговременнаго путешествія; съ того времяни не имѣю я отъ нево ни какого известія; и какъ у нево кромѣ меня дѣтей не было, то при отъѣздѣ своемъ далъ мнѣ три скляночки, наполненныя нѣкоторыми безцѣнными лѣкарства-

ствами, по тому что посредствомъ ихъ можно оживить мертваго; онъ мнѣ сказалъ, что для исполненія сего, наливъ нѣсколько капель изъ первой стклянки на губы умершаго человѣка, только вскорѣ послѣ его смерти, отъ того увидишъ въ немъ нѣкоторое дыханіе; наливъ же изъ другой, онъ пошевелится, а давъ ему проглотить нѣсколько капель изъ третей, онъ совсѣмъ оживетъ и будетъ отправлять всякія должности по прежнему: къ тому примолвилъ онъ, что употреблялъ сіе таинство весьма рѣдко, почитая сей способъ нѣкоторымъ образомъ противнымъ вѣрѣ, и для сей самой причины меня увѣщевалъ, употреблять оный съ крайнею умѣренностію, при чемъ увѣрялъ меня, что по возвращеніи своемъ научитъ меня сему толь рѣдкому таинству.

ВЕ-

ВЕЧЕРЪ LXIV.

Продолженїе исторїй Массуда, сына Софаропа.

Будучи стольже воздерженъ, какъ и мой отецъ, продолжалъ Философъ, не дѣлалъ я еще никогда опыта сими лѣкарствами; но есьли какимъ случаемъ, котораго не могу предвидѣть, умру я нечаянно, то вынь ихъ изъ сего шкафа, отъ котораго ключь найдешь въ моемъ карманѣ, и прежде нежели тѣло мое охладѣетъ, не упусти поливать изъ нихъ мнѣ въ ротъ, по порядку, какъ они занумерены. Есьли сїе лѣкарство будетъ имѣть дѣйствїе, какъ то отецъ мой меня увѣрялъ, то надѣйся получить отъ меня достойное награжденїе за оказанную тобой мнѣ услугу. Я слушалъ моего господина съ крайнимъ вниманїемъ, продолжалъ Массудъ, и

данные

данные мнѣ имъ наставленія случилось мнѣ исполнить прежде году.

Въ одинъ день велѣлъ онъ мнѣ исправить нѣкоторыя надобности въ Ширацѣ, и я исполня оныя домой возвратился, но увоpотъ увидя человѣкъ двенадцать, спрашивалъ ихъ о причинѣ того, и мнѣ сказали, что мой господинъ будучи въ гостяхъ у одного изъ своихъ пріятелей занемогъ такъ, что ево отнесли домой, и врядъ проживетъ ли нѣсколько минутъ. Тронувшись таковымъ извѣстіемъ, побѣжалъ я къ нему поскорѣе: я нашолъ ево безъ памяти, и лѣкарь, который при немъ тогда находился, увѣрилъ насъ, что онъ уже умеръ, отъ чего во всемъ его домѣ сдѣлался превеликій плачь. Я помышляя о исполненіи его повелѣній, вынулъ изъ кармана у нево ключь отъ того шкафа; и между

ду тѣмъ , какъ его невольники упражнялись въ приуготовленіи всего нужнаго къ его похоронамъ, заперся я съ нимъ , вынулъ тѣ три стклянипы, и чуть только налилъ ему въ ротъ нѣсколько капель изъ перьвой, какъ пульсъ началъ у нево биться и смертная краска сходить съ нево стала: ободрясь толь хорошимъ успѣхомъ , налилъ я изъ второй съ великою надеждою ; но сколь ни былъ, я предъ упрежденъ; однако не безъ смятенія увидѣлъ, что онъ сталъ шевелиться. Пришедъ во изумленіе отъ толь чудеснаго дѣйствія, которое казалось требовало безперерыву: не могъ я такъ скоро налить ему изъ третьей ; онъ же нетерпѣливо желая въ сей свѣтъ возвратится, хотя и оставилъ его неболѣе получаса , закричалъ раздраженнымъ голосомъ, *лей лей* ; сіе меня устрашило,

шило, я вооброзя себѣ, что въ семъ тѣлѣ дѣйствуетъ діаволъ, уронилъ ларчикъ, въ которомъ сіи три стклянки находились, кои разбились на нѣсколько частей такъ, что сего бѣднаго человѣка, который казалось уже ожилъ до половины, увидѣлъ принужденна лечь въ прежнемъ состояніи, и лишенна надежды возстать прежде страшнаго Суда. Тогда пришелъ я въ такой ужасъ, что палъ на землю почти въ такомъ же состояніи, какъ и Философъ: спустя по томъ нѣсколько времяни начали стучатся у двѣрей, и видя, что оныя были заперты, принуждены были ихъ выломить; и подавъ мнѣ всевозможное вспомоществованіе, похоронили нашего господина.

Я не имѣлъ ничего, продолжалъ Массудъ, не зналъ куда приклонить голову, и видѣлъ

себя вѣ крайней бѣдности, какъ въ Шрацѣ приѣхала цѣлая банда комедіантовъ, надъ коими начальницею была старуха, которая въ свое время почиталась во всемъ востокѣ первою актрисою; она увидѣла меня на улицѣ сидящаго на камнѣ, и въ такомъ состояніи, которое показывало ей плачевное мое состояніе; она надо мной сжалилась, и познавя причину моей печали и бѣдности, предложила мнѣ, не хочу ли я вступить въ ея общество; состояніе мое не дозволяло мнѣ ей въ томъ отказать, я принялъ ея предложеніе, и она въ туже минуту отвела меня въ предмѣстіе Ширадское въ тотъ домъ, который она для себя и для товарищей своихъ нанимала. Какъ я тогда былъ не болѣе тринадцати лѣтъ, и не могъ представлять муское лицо, то она выбравъ для меня женское платье,

платье, нарядила меня въ оное, и нашедъ меня въ семъ убранствѣ довольно прекраснымъ, сказала мнѣ, что назначиваетъ меня представлять любовницу, только что бы я скрывалъ мой полъ даже и отъ всего ея общества: по томъ заставя меня проговорить нѣсколько стишковъ, и нашедъ во мнѣ довольно много расположенія къ ея ремѣслу, употребляла все свое знаніе и искуство, сдѣлать меня въ семъ родѣ совершеннымъ; и я наставленіями ея столь много воспользовался, что чрезъ три мѣсяца, подъ имянемъ Русшены, которое она мнѣ дала, и которое на Персидскомъ языкѣ значитъ свѣтильникъ, почла меня способнымъ, представлять первые роли, и я ожиданію ея столь много отвѣтствовалъ, что всѣ знатнѣйшіе господа въ Ширацѣ и во всѣхъ тѣхъ городахъ,

дахъ, чрезъ которые мы проѣжжали, призывали насъ къ себѣ; и наша начальница приведя свою банду въ великую славу, собирала множество денегъ.

Вамъ не безъизвѣстно, великія Перицы, что комедіанки опредѣлены для всякихъ удовольствій общества; множество молодыхъ людей, почитая меня дѣвицею, во мнѣ искали; но надзирательница наша, которая не знаю для какой причины не хотѣла того, что бы меня признали, надѣвала на меня черные шировары всякій разъ, когда мы входили въ городъ. Совсѣмъ тѣмъ она сама была причиною, что вскорѣ оставилъ я наше общество, нѣкоимъ страннымъ приключеніемъ. Вдовствующая Губернаторша Экбатанская, имянемъ Рауддага, которой не болѣе двадцати осьми лѣтъ было, выдавала свою дочь за одного молодаго знатнаго го-

сподина сего города: бракъ сей происходилъ съ великою пышностїю, и вы легко можете догадаться, что для умноженїя торжества и насъ позвали: мы старались подать всему собранїю всевозможное удовольствїе, при чемъ не было почти ни одного молодаго господина, который бы невозъимѣлъ въ разсужденїи меня какого намѣренїя. Губернаторша то примѣтила, и подозвавъ къ себѣ нашу начальницу спрашивала, давно ли я въ ихъ обществѣ. Около двухъ лѣтъ, сказала она ей, и сїя дѣвушка вступила къ намъ съ тѣмъ, что бы входя въ городъ, надѣвала всегда черные шировары, почитая себя неспособною исполнять должность обыкновенныхъ комедїанокъ, и желая, что бы имѣя на себѣ сей знакъ, къ ней никто неприкасался; и я ей позволила жить по своему произволенїю.

Губер-

Губернаторша тронута была таковою моею добродѣтелїю; дѣлала нашей начальницѣ нѣкоторые наставленїи, такъ что сїя старуха тронувшись ея нравоученїемъ обѣщалась ей оставить свое житїе; и Губернаторша для удостовѣренїя себя, что бы начальница наша сдержала данное ей слово, обѣщала ей три тысячи золотыхъ съ тѣмъ, что бы склонить меня, сїе ремѣсло покинуть и у ней остаться. Старуха смутилась симъ предложенїемъ, опасаясь, что бы непроизошло для нее какихъ слѣдствїй; однако не будучи намѣрена пробыть въ Экбатанѣ долго, и положа выѣхать отъ туда на другой же день, отдала меня Рауддагѣ.

Я приведенъ былъ въ крайнее удивленїе, когда сїя старуха призвавъ меня къ себѣ, объявила мнѣ, что я принадлежу сей прекрасной вдовѣ, не такъ какъ не-

вольникъ, но какъ дѣвица, къ которой она особливую склонность почувствовала, удивляясь моей добродѣтели, и желаетъ имѣть меня при себѣ для обхожденія. Сколько я не представлялъ нашей начальницѣ, что я не знаю, какимъ образомъ избѣгнуть, что бы меня не узнали; однако она внимать мнѣ не хотѣла. Къ ней принесли три тысячи золотыхъ, и она прощаясь со мной, сказала мнѣ, что бы я всячески старался, представлять мой роль, какъ возможно лутче, и пользовался бы толь благополучнымъ случаемъ; послѣ чего она меня оставила, недождавшись моего отвѣта.

ВЕЧЕРЪ LXV.

Продолженіе исторіи Массуда, сына Софаропа.

Сей поступокъ нашей начальницы, продолжалъ Массудъ, привелъ

велъ меня въ крайнее изумленіе: я не зналъ, какимъ образомъ поступить въ семъ новомъ состояніи. Проливалъ горчайшія слезы нестолько о томъ, что старуха меня оставила, какъ изъ страху, что бы окончаніе сего приключенія несдѣлалось мнѣ плачевнымъ. Рауддага отерла мои слезы со особливымъ милосердіемъ: Любезная моя, сказала она мнѣ, обнимая меня съ горячностію, я тронута твоимъ добросердечіемъ, чувствованіи твои меня прельщаютъ; но какъ ты не могла бы сопротивляться долго стараніямъ молодыхъ дерзновенныхъ людей, то думала богу-угодное учинить дѣло, выведя тебя изъ толь опаснаго ремѣсла, въ которомъ ты упражнялась по необходимости, и въ коемъ добродѣтель твоя рано или поздо конечно бы нарушилась; и такъ перестань печа-

 литься

литься о отѣздѣ старухи, и почитай, что во мнѣ имѣешь ты такую особу, которая будетъ тебя любить, какъ истинная мать, и отъ которой получишъ всевозможное защищенїе.

Оказываемыя мнѣ ласки сею почтенною дамою должны были меня ободрить: но безпокойство мое привело меня въ нѣкоторую робость и стыдливость, которыя причиняли ей тѣмъ болѣе удовольствїя, что она будучи въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ страсти еще весьма сильны, отреклась отъ всякихъ увеселенїй, и строжайшую добродѣтель наблюдала; она усугубила свои ласки, посадила меня съ собой за столъ, и когда ночь наступила, то приказала поставить мнѣ кровать подлѣ нее; я спалъ весьма худо не для того что подлѣ весьма прекрасной женщины находился; (ибо простота

моя

моя была столь велика, что хотя вЪ представленіяхЪ нашихЪ и игралЪ я самыя сильныя страсти, однако еще ни когда нечувствовалЪ любови;) но для того, что безпрестанно опасался, дабы Рауддага призная меня, невозпалилась сильнѣйшимЪ гнѣвомЪ, и не повелѣла меня наказать за такой проступокЪ, вЪ которомЪ я нималѣйшаго не имѣлЪ участія. На конецЪ настало утро: Дражайшая моя Русшена, сказала она мнѣ, ты была два года во обществѣ такихЪ людей, которые ЗаконЪ нашЪ не со особливою строгостію наблюдаютЪ; я увѣрена, что распустная ихЪ жизнь заставляетЪ ихЪ часто, поступать противу одного изЪ главнѣйшихЪ пунктовЪ нашей вѣры, который состоитЪ вЪ чистотѣ телѣсной приобрѣтаемой законнымЪ омовеніемЪ; я хочу, чтобы

ты должность сїю исполнила, и уже для того приказала я изготовить баню.

Легко можете себѣ представить, въ какое состоянїе приведенъ я былъ сими словами, страхъ чуть было нескончалъ дни мои. Губернаторша спрашивала меня, чтобы тому причиною было; я бросился къ ея ногамъ побледнѣвши: Милостивая государыня, сказалъ я ей трепѣщущимъ голосомъ, дозволь не встать мнѣ отъ ногъ твоихъ, пока въ дерзости моей не получу прощенїя; я не то, чемъ ты меня почитаешъ: въ женской одѣждѣ видишъ ты предъ собой несчастнаго юношу, который для своенравїя и для единаго прибытка корыстолюбивой старухи, принужденъ былъ представлять несогласное съ поломъ своимъ лице; она недопустила меня сопротивляться согласїю

ея съ тобою, потому что я узналъ о томъ въ ту самую минуту, когда она меня у тебя оставила: вотъ источникъ моихъ слезъ; и ты изъ поступокъ и безпокойствїй моихъ могла примѣтить, что я во обманѣ ея нималѣйшаго не имѣлъ участїя.

Ничье удивленїе не можетъ съ тѣмъ сравниться, въ которое прекрасная Рауддага приведена была; она нѣсколько времяни не могла ни слова промолвить; потомъ собравшись съ разумомъ, и помышляя болѣе всего о соблюденїи приобрѣтеннаго ею отъ всѣхъ добраго имяни: какъ Руссшенъ, сказала она мнѣ, ты въ самомъ дѣлѣ не женщина? ахъ! сердце мое конечно предвѣщало мнѣ толь странное произшествїе; я не понимала, какимъ образомъ могла столь сильную страсть почувствовать ко особѣ своего пола. Теперь я довольно

вижу, что природа въ насъ не обманывается; я обожала прекраснаго Русшена, и ево не зная; благодарю великаго нашего Пророка, что онъ по милосердїю своему послалъ ко мнѣ любовника прекраснѣйшаго и самаго бога любви, и сдѣлалъ то таковымъ страннымъ случаемъ, по тому что всѣ жители Экбатанскїе зря меня въ его объятїяхъ, не могутъ о добродѣтели моей ни малѣйшаго возъимѣть подозрѣнїя.

ВЕЧЕРЪ LXVI.

Продолженїе и заключенїе исторїй Массуда, сына Софаропа.

Дражайшїй мой, сказала мнѣ тогда Губернаторша, обнимая меня съ великимъ возхищенїемъ: сколь много буду я благополучна, есьли ты горячности моей къ тебѣ станешъ равномѣрно соотвѣтствовать! а есьли ты будешъ

дешъ нечувствителенъ, то конечно прекращу вскорѣ жизнь мою, которою только для прекраснаго Русшена наслаждатся желаю.

Что мнѣ вамъ сказать болѣе, продолжалъ Массудъ? ласки истощеваемыя мнѣ прекрасною женьщиною, произвели во мнѣ такое движенїе, что по всѣмъ жиламъ пресильный огнь разпространился. Какъ произходящее во мнѣ было для меня новостїю и того со мной никогда не случалось, то находился я въ крайнемъ смятенїи, изъ котораго выведенъ былъ благосклонностїю Губернаторши; и я чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлался для нее столь драгоцѣннымъ, что она стократно мнѣ клялася, жертвовать мнѣ всемъ на свѣтѣ, и что она умретъ изъ отчаянїя, есьли престану отвѣтствовать ея горячности такъ, какъ началъ.

Возбудясь оказанными ею мнѣ благосклонностями: Прекрасная Рауддага, сказалъ я ее обнимая, нестрашись, чтобы любовь моя къ тебѣ уменьшилась, наставленїи твои будутъ умножать оную отъ часу болѣе: я клянусь тебѣ великимъ Магометомъ, что ты найдешъ меня себѣ всегда послушнымъ и готовымъ исполнять твои повелѣнїи.

Рауддага начала простотѣ отвѣта моего смѣяться, она проводила меня въ баню: и какъ ея невольницы не могли того подумать, что бы я былъ мущина, то ни зачто почитали, что я пошолъ съ нею одинъ въ такое мѣсто, да и никогда неподозрѣвали видя, какїя ласки она мнѣ оказывала.

Болѣе четырехъ мѣсяцовъ препроводилъ я съ таковою приятностїю, какъ въ одинъ день нашолъ Рауддагу въ задумчивости и

и печали. Что тебѣ сдѣлалось; прекрасная моя повелительница, спрашивалъ я ее съ торопливостію? Ахъ! Руштенъ, сказала она мнѣ, меня обнимая и проливая слезы; сколь дорого плачу я за оказываемую мной тебѣ горячность. Съ тѣхъ поръ, какъ ты со мной, имѣю я явные знаки беременности.

Что это такое значитъ, продолжалъ я съ поспѣшностію? Сіе значитъ, сказала мнѣ моя любезная, что тому болѣе четырехъ мѣсяцовъ, какъ я во утробѣ моей питаю небольшую змѣю, которая всему Экбатану покажетъ слабость мою въ разсужденіи тебя. Ахъ! божественная Рауддага, вскричалъ я, какій проклятый волшебникъ привелъ тебя въ такое состояніе? О есьли бы я его зналъ! . . . Сколь ни велико было прискорбіе Губернаторши; однако отвѣтъ мой показался ей столь

страннымъ, а гнѣвъ, коимъ я на сего волшебника возпалялся, столь смѣшнымъ, что она подняла превеликій хохотъ; она истолковала мнѣ по яснѣе причину своихъ безпокойствій, и не малаго труда ей стоило вразумить мнѣ, что я былъ источникомъ всѣхъ претерпѣваемыхъ ею болѣзней. Верстахъ въ осьми отъ Экбатана имѣла она преизрядный загородный домъ; тамъ вознамѣрилась она препроводить время своей беременности, и взяла съ собой только двухъ невольницъ, а имянно свою кормилицу съ дочерью, и еще нѣсколько служителей для домашнихъ потребностей.

Рауддага чувствуя послѣднія мѣсяцы великое безпокойствіе, сдѣлалась весьма скучною и сердитою; не принимала моихъ ласканій по прежнему, а сіе причиняло мнѣ не малое неудовольствіе,

віе, и я не смѣлъ спросить у ней о причинѣ того; дочь ея кормилицы была собой очень недурна, и я иногда препровождалъ съ ней время; я открылся ей, сколь много терзаетъ меня прекрасная моя владычица, она обѣщалась раздѣлять со мной всѣ прискорбіи, и стараться о услажденіи оныхъ. Я никакой хитрости не примѣчалъ въ ея словахъ, пользовался ея ко мнѣ благосклонностію, и находилъ въ ней такія пріятности, каковыхъ и Губернаторша казалось не имѣла. Не воображая себѣ, что бы тѣмъ могъ ее раздражить, не старался скрывать надлѣжащимъ образомъ моего обхожденія съ сею дѣвочкою; и Раудага заставъ меня однимъ вечеромъ съ нею вмѣстѣ, пришла въ такую ярость, что немедлѣнно пронзила ее кинжаломъ.

Ни когда не находился я въ таковомъ удивленіи и страхѣ,

какъ видя сїю несчастную умирающую во очахъ моихъ, и Рауддагу стремящуюся на меня въ томъ же намѣренїи. И какъ состоянїе мое удерживало ее поступить со мной съ таковою же яростїю и скоростїю, то я спасъ себя бѣгствомъ, и взошедъ въ одну комнату, заперъ двѣри и приуготовлялся къ защищенїю моей жизни, есьли бы она вздумала на нее покуситься. Но какъ по счастїю въ той комнатѣ висело платье покойнаго Губернатора, то я надѣвъ на себя оное выскочилъ въ окно въ садъ, и чрезъ то ушелъ изъ сего замку, который отъ всюду наполнялся ужаснымъ крикомъ. Я остановился въ ближайшей деревнѣ, и препроводилъ тамъ ночь; на другой же день услышалъ подробное описанїе моей жизни, и что Рауддага видя, что я отъ мщенїя ея избѣгнулъ, пронзила съ ярости и

себя

себя тѣмъ же кинжаломъ, и умирая на рукахъ своей кормилицы, лишила жизни и своего младенца. Я старался всячески сокрывать, что въ толь плачевномъ произшествіи имѣлъ участіе, и удаляясь съ поспѣшностію отъ сихъ мѣстъ, отправился въ Испаганъ, гдѣ по счастію нашелъ ту самую банду комедіантовъ, у которыхъ былъ прежде. Старая наша начальница приняла меня съ великою радостію; но я не имѣя болѣе охоты представлять женское лицо, получилъ роль любовника, и игралъ оный со особливымъ успѣхомъ, потому что уже тогда разумѣлъ мной представляемое. Я имѣлъ счастіе, что меня вездѣ похваляли, а особливо женщины. Искусъ мой у Раудаги научилъ меня, и я уже былъ не такъ глупъ какъ прежде; словомъ пользуясь моими дарованіями и слабостію красо-

токъ,

токъ, имѣлъ великое счастіе, и никто менѣе меня не помышлялъ о сохраненіи вѣрности; потому что упражняясь въ семъ ремѣслѣ болѣе десяти лѣтъ, почти ни одной недѣли не проходило, въ которую бы не имѣлъ я новой любовницы.

Вотъ, прекрасные Перецы, чистосердечное повѣствованіе моихъ приключеній, каковаго вы отъ меня требовали; иначе же не осмѣлился бы я говорить вамъ столь вольно. Но есьли вы имѣете любопытство, слушать такія исторіи, которыя еще болѣе чудесъ въ себѣ содержатъ, то тотъ, который въ представленіи нашемъ игралъ моего невольника, раскажетъ вамъ съ охотою о своихъ приключеніяхъ; и хотя оныя кажутся невѣроятными, однако онъ ссылается на своего отца, что въ оныхъ нѣтъ ни одново слова вымышленнаго.

Приклю-

Приключенія твои, сказала тогда Гегернаца, сдѣлали намъ удовольствіе своею странностію, а не тѣмъ, какимъ образомъ ты ихъ разсказывалъ, и мы охотно станемъ слушать повѣствованіе твоего товарища. Тогда представляющій невольника почитая сіи слова повелѣніемъ, началъ такъ.

ИСТОРІЯ.

О Абдераимѣ, повѣствуемая Муйядомъ.

Я сынъ одного человѣка, который служилъ въ войскахъ Султана Кандагарскаго съ великою отличностію: онъ назывался Абдераимомъ, и расказывалъ толь странные дѣла съ нимъ приключившіеся, что большая часть не могли ему въ томъ вѣрить и прозвали ево Кадгабомъ, то есть обманщикомъ. Какъ я

былъ при немъ почти неотлучно, то о рожденіи моемъ слышелъ я отъ него слѣдующее.

При взятье одного Персидскаго города войсками Султана Кандагарскаго, все отдано было на разграбленіе: Легко можно познать, какія жестокости тогда происходили. Полководцы нашей армѣи раздражены будучи упорною обороною сего города, повелѣли умерщвлять почти всѣхъ обывателей; только женщинъ и дѣвицъ запрещено было оскорблять; и ихъ сохранили для того, что бы сдѣлать ихъ невольницами. А дабы и солдаты имѣли въ сей добычѣ участіе, то изъ сихъ плѣнницъ сдѣлали лотарею, изъ которой во всякую роту по нѣскольку билетовъ роздано было; всѣхъ же билетовъ было четыре тысячи; и на то число сдѣлано было четыре тысячи мѣшковъ, изъ коихъ въ каждомъ завязана

вязана была женщина или дѣвица, которая и принадлежала тому солдату, къ кому нумеръ того мѣшка попался. Моему отцу достался по счастїю билетъ, по которому взявъ свой мѣшокъ взвалилъ себѣ на плѣча, и послѣдуя запрещенїю, что бы мѣшки развязывать не ближе версты отъ города, вышелъ онъ отъ туда съ тремя своими товарищами, коимъ также по билету досталось.

ВЕЧЕРЪ LXVII.

Исторїя О султаншѣ Гуль-сабѣ.

Какъ часъ расхода наступилъ и Султанши приказали комедїантовъ въ назначенный для нихъ покой отвести, то Гуль-Саба чуть было не разрушила всѣ ихъ намѣренїи, сильною своею стра-

страстію къ Массуду, которая повѣствованіемъ его приключеній еще болѣе умножилось. Чуть только Принцы и Принцессы вышли изъ зала, то она не будучи въ состояніи скрывать долѣе своихъ чувствованій: Уже приближается то время, сказала Султаншамъ, въ которое Огуцъ позволилъ намъ разполагать собою, я вамъ обьявляю, что правами моими и данною имъ мнѣ властію хочу пользоваться; я люблю Массуда и не хочу отъ нево защищаться. О небо! вскричала Гегернаца, разсмотри хорошенько Султанша, какому стыду и безчестію подвергаешъ ты себя симъ поступкомъ. Какъ! изъ обьятій Монарха Гузаратскаго, нашего великаго Государя и Супруга можешъ ты вознамѣриться вступить въ союзъ съ сыномъ простаго мѣдника, который те-

перишним своимъ состоянїемъ еще болѣе унижаетъ свою породу, и который повѣствованїемъ своей жизни, наполненной всякими безпорядками и неистовствами, долженствовалъ бы возбудить къ себѣ отвращенїе. Ахъ! Гуль-Саба, взойди въ себя, непосрамляйся толь неравнымъ союзомъ; но паче разумными и добродѣтельными поступками докажи, что Отецъ не ошибся въ твоемъ выборѣ и въ преимуществѣ, которое онъ тебѣ давалъ предъ всѣми нами болѣе петнадцати лѣтъ. Правда, сердца наши могутъ первымъ движенїемъ поразится; но разумъ придетъ къ намъ на помощь, и мы должны всячески сопротивлятся сей прелѣсти чувствъ. Всѣ твои представленїи безполезны, отвѣтствовала на то Гуль-Саба; я вижу, что они нѣкоторымъ образомъ справедливы; однако пу-

пустымъ воображенiямъ не послѣдую; тебѣ и другимъ Султаншамъ такъ разсуждать можно; Султанъ препроводилъ всю молодость съ вами; онъ васъ любилъ, вы ево почитали, и наслаждались съ нимъ болѣе двадцати лѣтъ прiятнѣйшею жизнiю; я же нашла въ семъ Государѣ почти совсѣмъ ослабѣвшаго старика; и признаюсь вамъ, что нетолько была къ нему равнодушно, но еще и отвращенiе имѣла. О небо! вскричала Гегернаца, что же значили всѣ сiи изъявленiи горячности? что значили сiи безпокойства, стенанiи, и слезы проливаемыя тобой въ то время, когда смертной ангелъ поднявъ свой мечъ пресекъ теченiе дней Огуцовыхъ? Одно только притворство, отвѣтствовала Гуль-Саба; я играла очень хорошо въ комедiи, и отъ того научилась представлять

всякія лицы; есьли вы при кончинѣ Султана видѣли меня весьма печальною, то слезы мои происходили отъ страха, въ которомъ я находилась, чтобы вы не отомстили моему сыну и мнѣ за всѣ тѣ неудовольствіи, которые Султанъ причинялъ вамъ въ мою угодность? малое мое обхожденіе съ вами недопустило меня васъ узнать; съ самой же кончины сего Государя всѣ страхи мои миновались; кроткія ваши поступки меня ободряютъ; добросердечіе ваше меня удивляетъ, и я не могу похвалить васъ довольно; я хотѣла бы вамъ послѣдовать, но разность лѣтъ заставляетъ меня мыслить совсѣмъ иначе. Молодость и судьбина влекутъ меня за собою, а совершенная свобода, которою я съ дражайшимъ моимъ Массудомъ буду наслаждаться, причиняетъ мнѣ напередъ такое удовольствіе,

вїе, которое всѢ чувства мои прельщаетЪ.

КакЪ сїе обЪявленїе Гуль-Сабы происходило при СултаншахЪ, при батфалѢ, достойномЪ сынѢ толь разумной матери, и при КофробѢ, то сей послѢднїй не хотѢхЪ ничего болѢе прибавить кЪ премудрымЪ наставленїямЪ Гегернацы, но сказалЪ только Гуль-СабѢ, что она прежде истеченїя положеннаго ОгуцомЪ времяни, можетЪ быть предприятїе свое разсмотритЪ хорошенько, а до тѢхЪ бы порЪ не обЪявляла Массуду своего состоянїя; она то обѢщала, и спустя по томЪ нѢсколько минутЪ пошла вЪ свои покои сЪ батфаломЪ, который чуть только туды взошелЪ, говорилЪ ей такЪ: Прекрасная Султанша, твердость твоя вЪ предприятомЪ тобой намѢренїи причиняетЪ мнѢ тѢмЪ болѢе удоволь-

ствія, что дозволяетъ мнѣ питать страсть мою къ Ильдице, самой младшей изъ комедіанокъ; я думаю, что ты соединясь съ Массудомъ дозволишъ мнѣ, избрать ее своею женою.

Гуль-Саба приведена была предложеніемъ своего сына въ немалое удивленіе. Въ самомъ ли дѣлѣ, батфалъ, ты о томъ думаешъ, сказала она ему? ты хочешъ на Ильдице жениться... А для чего же ей не быть моею женою, подхватилъ онъ, когда Массудъ будучи также комедіантомъ, будетъ твоимъ мужемъ. Не все равно, отвѣтствовала она; я хочу выйтить за Массуда только для успокоенія моей совѣсти; тебѣ же нѣтъ никакой нужды жениться на Ильдицѣ; она должна почесть себя весьма счастливою, есьли удостоишъ ее благоприятнымъ взоромъ, а помышлять ей о томъ никакъ не

должно, чтобы быть супругою такого Принца, который по духовной Огуца, коя чрезъ нѣсколько дней конечно выйдетъ, сдѣлается можетъ быть Султаномъ Гузаратскимъ, или по крайней мѣрѣ долженъ имѣть знатную часть его земель.

Я признаюсь тебѣ, прекрасная Султанша, чистосердечно, сказалъ Батфалъ; все сїе величество меня отягощаетъ и страшитъ; я чувствую себя къ тому неспособнымъ: мнѣ всегда скучно было житье мое въ Сералѣ, и скажу тебѣ, что къ Огуцу не имѣлъ никогда той горячности, которую примѣчаю въ Принцессѣ Аксу къ Султаншѣ Гегернаце ея матери. Мнѣ уронъ его нимало не чувствителенъ, но еще напротивъ того почитаю оный окончанїемъ нашей неволи; я немогу болѣе скрывать отъ тебя, прекрасная Гуль-Саба,

ба, моей склонности, охота моя къ музыкѣ и сильная страсть къ Ильдице побудили меня къ намѣренїю, взяться за толь веселое ремѣсло, которое она отправляетъ; и такъ дозволь мнѣ, за сей прекрасной комедїанкой слѣдовать, по тому что она одна можетъ все благополучїе жизни моей составить.

Гуль-Саба приведена была словами своего сына въ толь великое удивленїе и смятенїе, что нѣсколько минутъ не могла ни слова промолвить; по томъ собравшись съ силами: О природа, природа! вскричала она, какую великую силу ты имѣешъ! теперь я понимаю, сколь трудно тебя побѣдить! изрядно батфалъ; я открою тебѣ теперь твою и мою породу.

Уже не время, продолжала Султанша, сокрывать отъ тебя такихъ тайностей, которыхъ

до сихъ поръ несмѣла тебѣ вѣрить; я не Черкашинка и не Принцесса, какъ то увѣряла Огуца. Жидъ продавшій меня ему, купилъ меня по седьмому году у моей матери, комедіанки города Агры, которая сама незнала, кто былъ мой отецъ. Ее то спрашивали о природѣ одного изъ ея дѣтей; на что она дала извѣстный всѣмъ отвѣтъ, что для нее столь же трудно объявить, кому сіе дитя принадлежало, какъ и то узнать, которая спица ее уколитъ, есьли она въ терновникъ сядитъ. Привыкши такимъ образомъ поступать съ своими дѣтьми, продала она меня за тридцать золотыхъ одному жиду, которому я понравилась, а особливо надѣясь получить за меня со временемъ хорошій прибытокъ; и онъ къ воспитанію моему ничево не упускалъ. Узная, что Султанъ Гузаратскій

скій искалъ прекраснѣйшихъ дѣвъ во всемъ востокѣ, для сыновей своихъ, вздумалъ сдѣлать меня участницею сей чести.

Ни одной банды комедіантовъ не проѣжжало въ Камбаѣ, у которыхъ бы онъ незаставлялъ меня учиться танцовать и пѣть; и когда Огуцъ обьявилъ свое намѣреніе торговцамъ невольниками, то въ то время училась я музыкѣ у одного изъ славныхъ музыкантовъ, которымъ я тѣмъ болѣе была довольна, что онъ нашолъ путь къ моему сердцу. У жида была надъ нами начальницею старуха, которая насъ ни на минуту съ глазъ неспускала; присудствіе ея было намъ весьма несносно; Кафуръ, такъ назывался мой учитель, изыскивалъ всякіе способы, ее обмануть, и на конецъ узная, что она была великая охотница пить, принесъ ей въ одинъ день нѣкоего весьма

 прият-

пріятнаго напитка, отъ котораго она, выпивъ съ рюмку, впала въ преглубокій сонъ продолжавшійся болѣе часа. Ты любезный сынъ легко можешъ разсудить, что мы имѣя согласные сердца, неупотребили толь желанное время на безплодное пѣніе; и по догадкамъ моимъ ты возъимѣлъ отъ того свое начало.

Примѣтя, что старуха просыпается, начали мы пѣть; и познавъ, что она нашего обману непримѣтила, употребляли оный еще нѣсколько разъ, какъ жидъ объявилъ мнѣ, что надлѣжало итти на смотръ къ Султану: я была поражена сею вѣдомостью; однако не смѣя сопротивляться его волѣ, принуждена была, слѣдовать за нимъ въ Сераль. По несчастію попалась я въ число двенадцати невольницъ, выбранныхъ Огуцомъ; и есьли я чрезмѣрную радость чувствовала, что

что ни одинъ изъ Принцовъ не-
удостоилъ меня своимъ взоромъ,
то оная была непродолжитель-
на, видя, что сей Государь ку-
пивъ насъ всѣхъ, въ тотъ же
день велѣлъ мнѣ объявить чрезъ
своего Визиря, что опредѣляетъ
меня къ раздѣленію со мной сво-
его ложа. Сіе привело меня въ
крайнѣе отчаяніе, я стократно
покушалась объявить Султану
о склонности моей къ Кафуру;
но опасаясь его свирепости и же-
стокихъ поступокъ жида, еже-
ли бы онъ меня ему возвратилъ,
велѣла, ему сказать, что я на-
желаніе его иначе не соглашусь,
какъ ставъ его супругой; сіе по-
читала я непобѣдимымъ препят-
ствіемъ его любови; однако онъ
прекратилъ сіе затрудненіе, и
Иманъ опасаясь его гнѣва, есьли
бы рѣшилъ не въ его пользу,
измѣнилъ своему закону, объявя,
что невзирая на четырехъ его

Султаншѣ, могу быть его законною женою, и потому обвѣнчалѣ насѣ вѣ туже минуту. Ты легко можешь познать любезный сынѣ, вѣ какое смятенïе приводилѣ меня плодѣ любви моей сѣ Кафуромѣ; я принуждена была употребить хитрость, и казаться вѣ глазахѣ его совсѣмѣ иною; я сопротивлялась болѣе недѣли его желанïямѣ, и онѣ приписывалѣ што моей стыдливости и неслыханному цѣломудрïю: словомѣ я играла мой роль такѣ хорошо, что Султанѣ былѣ обманутѣ, и почиталѣ себя благополучнѣйшимѣ на свѣтѣ человѣкомѣ; и какѣ я ровно чрезѣ девять мѣсяцовѣ послѣ усыпленïя старой начальницы, тебя родила, то сей добросердечный Государь почелѣ себя твоимѣ отцомѣ, и до самой своей кончины являлѣ тебѣ нежнѣйшïя ласки. И такѣ дражайшïй баштфалѣ, ни мало

неуди-

неудивительно, что я будучи дочь камедіантская, а ты сынъ музыкантской, имѣемъ мы согласныя съ природою нашею склонности, то есть, что я люблю Массуда, а ты Ильдицу; и хотя ты отрекаешся отъ своего счастія; однако не могу не похвалить твоей страсти, и обѣщаюсь вспомоществовать тебѣ во оной, сколько отъ меня зависеть будетъ.

Есьли батфалъ удивленъ былъ повѣствованіемъ своей матери, что онъ не сынъ Огуца, то сей Государь, который слушалъ оное изъ потаенныхъ покоевъ, пришелъ о томъ въ крайнѣе удивленіе и прискорбіе, и чуть было отъ того не лишился жизни; но по счастію Кофробъ предвидя оное, находился принемъ, онъ вывелъ ево изъ того мѣста, и проводилъ въ его покои, гдѣ дозволилъ ему удовлетворить своему

ему раздраженію. Какъ! вскричалъ Огуцъ, возможноли, что бы я мерзкою тварью былъ обманутъ? сіе показалось бы мнѣ невозможнымъ, есьли бы я то не самъ слышалъ. О вѣроломная Гуль-Саба! продолжалъ онъ, не долго будешъ ты злостію своею наслаждаться, я отмщу тебѣ за оскорбленную честь мою, такимъ ужаснымъ образомъ, что бы оный послужилъ примѣромъ потомству. Государь, сказалъ тогда Кофробъ, Пророку не угодно, что бы Султаншу казнилъ ты смертію; а сверьхъ того она и не такъ виновна: въ ея ли состояло власти, отъ произшедшаго избѣгнуть; ей безъизвѣстна была честь, къ которой она приготовлялась, и она по слабости своей согласясь на любовь Кафурову, какимъ образомъ могла скрыть лутче возпослѣдовавшее отъ того съ нею? и такъ она при-

принуждена была тебя обмануть, и сїе тебѣ, Государь, показываетъ, что благополучїе человѣковъ только въ одномъ вообраҗенїи: ты около пятнадцати лѣтъ былъ съ Гуль-Сабою счастливъ, для того что мнилъ таковымъ быть; безпокойствїи же твои заставили тебя подозрѣвать, что ласки ея неискрѣннїя, ты хотѣлъ то узнать, Пророкъ услышалъ твое прошенїе, паче для оправданїя другихъ Султаншъ, и для показанїя тебѣ ихъ чистосердечїя, нежели для собственнаго твоего удовольствїя; ибо для тебя можетъ быть гораздо бы лутче было, есьли бы ты всегда остался въ невѣденїи; но когда намѣренїе твое исполнено, то должно сдѣлать тобой предприятое, и на поступокъ сей подлой Султанши взирать только съ презрѣнїемъ, котораго она достойна. Ты

говоришъ справедливо , дражайшій другъ , сказалъ Султанъ ; но какъ теперь уже поздо, и покой мнѣ нуженъ , то потщусь укротить волненіе моего сердца, въ которое приведенъ я былъ повѣстію Гуль-Сабы ; ибо хотя поступки ея съ того времяни , какъ я нахожусь въ сихъ сокровенныхъ покояхъ, и равнодушіе ея въ разсужденіи моей смерьти и долженствовали меня приуготовить къ какому странному произшествію; однако не могъ вообразить себѣ слышаннаго мной о рожденіи батфала. Но послѣдуя премудрымъ твоимъ совѣтамъ и перьвымъ моимъ намѣреніямъ, соберусь конечно вскорѣ съ прежнимъ моимъ разсудкомъ.

Иманъ оставилъ Султана въ семъ разположеніи, и онъ препроводилъ ночъ довольно спокойно. На другой же день Султанши собравшись въ залъ, и обьявя свое

желанїе Муйяду, слушать продолженїе приключенїй Абдераима, продолжалъ онъ въ сихъ словахъ.

ВЕЧЕРЪ LXVIII.

Продолженїе исторїи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Я остановился, помнится мнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ мой и его товарищи отошли за версту отъ разграбленнаго города. Тамъ подлѣ небольшаго лѣсу трое солдатъ будучи нетерпѣливѣе Абдераима, развязали свои мѣшки, изъ которыхъ каждый вынялъ молодую и прекрасную дѣвицу. Абдераимъ надѣясь имѣть такую же судьбину, развязалъ свой мѣшокъ; но товарищи его подняли преужасный хохотъ, увидя въ немъ старуху лѣтъ восемь десятъ, которая болѣе на чорта, нежели на человѣка походила.

дила. Отецъ мой приведенъ тѣмъ былъ въ неописанное удивлѣнiе, и чуть было съ сердцовъ не умеръ; насмѣшки же его товарищей, которые ево оставили, чтобы непомѣшать ему , какъ то они смѣючись говорили , въ толь прекрасномъ свиданiи , побудили ево къ такой ярости , что онъ выхватя саблю, хотѣлъ было старуху изрубить въ куски, какъ взошедъ вдругъ въ себя, вложилъ саблю въ ножны: не ты въ томъ виновна сказалъ онъ ей, когда неполучилъ я лутчаго билета : извини первое мое движенiе , и наслаждайся свободою, которую тебѣ дарую; я конечно не съ тѣмъ рожденъ, что бы быть благополучнымъ. Ты Абдераимъ думаешъ несправедливо, сказала ему старуха; а что бы тебя въ томъ удостовѣрить, то дай мнѣ руку, я покажу тебѣ дѣйствiи моей власти.

Отецъ

Отецъ мой подалъ Старухѣ руку, и чуть только топнула она ногою о землю, какъ оная вдругъ разверзлась, и они полѣтя въ оную съ чрезмѣрною скоростїю, увидѣли себя на конецъ подлѣ огромныхъ палатъ, въ коихъ покои убраны были навеликолѣпнѣйшимъ образомъ, и подлѣ коихъ находились необозримые сады; вмѣсто же Старухи увидѣлъ онъ предъ собой женщину совершенной красоты и величественнаго вида. Ты произшествїю сему удивляешся, сказала она ему; но познай, что я та славная Волшебница Мергїанъ-бану, которая извѣстна во всѣхъ вашихъ романахъ, и изъ числа тѣхъ прекрасныхъ духовъ, кои стараются дѣлать людямъ всякое добро. Какъ я взяла подъ свое защищенїе трехъ красавицъ, которыя въ разграбленномъ вами городѣ жили, и которыхъ хо-

тѣла

тѣла избавить отъ насильствія свирепыхъ вашихъ воиновъ, то пошла къ нимъ въ домъ, и учинила имъ вспомоществованіе въ самое удобное время; послѣ чего желая повеселиться, допустила я себя захватить и завезать въ мѣшокъ, во образѣ старухи, дабы испытать, будитъ ли имѣть человѣколюбіе тотъ, которому я на удѣлъ достанусь. Ты по счастію твоему наполненъ чесностію: я хочу тебя за то наградить; но сперьва должно тебѣ показать всѣ красоты сего дворца, который прежде сего принадлежалъ Рокаилу сыну Адамову. Сей великій человѣкъ обладая величайшими познаніями, былъ одаренъ толь острымъ и проницательнымъ разумомъ, что болѣе походилъ на какого великаго духа, нежели на человѣка.

Сургражъ, который въ его время былъ сильнымъ Духомъ повелѣ-

велѣвалъ тогда во всей обширности горы Кафы, окружающей всю землю. Узная достоинство Ракаила, послалъ къ нему съ прошенїемъ, чтобы онъ помогъ ему во управленїи его государствами, имѣя нужду въ толь искусномъ человѣкѣ для обузданїя его подданныхъ. Сей славный филосовъ согласился на его прозьбу, къ нему поѣхалъ, жилъ съ нимъ нѣсколько вѣковъ, и потомъ узная чрезъ откровенїе или чрезъ тайные свои науки, что конецъ жизни его приближается, изъяснился Сурктражу, что онъ будучи при послѣднихъ дняхъ своей жизни, хочетъ оставить ему какїй чрезвычайный монументъ, котораго бы память сохранилась въ честь его до позднѣйшаго потомства: и для того повелѣлъ воздвигнуть сїе толь великолѣпное зданїе, что во всей вселенной нѣтъ оному ничего подобнаго;

онъ

онъ построилъ оное съ такою хитростїю, что здѣсь находится великое множество статуй изъ разныхъ металловъ, которыя Талисманическимъ художествомъ сдѣланы, и посредствомъ тайныхъ пружинъ производятъ все то, что живый человѣкъ можетъ дѣлать для услуги другому. То можешъ ты познать, продолжала Волшебница, только по ихъ глазамъ, которые всегда неподвижны.

Рокаилъ спустя по томъ нѣсколько времяни умеръ, и Сурктражъ чувствовалъ отъ того толь пресильную печаль, что твердо вознамѣрился оставить свое государство; онъ поручилъ оное обществу Перицовъ, которые отдали оное въ мою власть, и я управляю имъ тому уже нѣсколько тысячь лѣтъ со всевозможнымъ спокойствїемъ, слѣдуя во всемъ премудрымъ совѣтамъ

тамъ сего великаго мужа, которые написаны по моему повелѣнію злашыми буквами, и хранятся въ моемъ кабинетѣ какъ драгоцѣннѣйшее какое сокровище.

Тогда Мергіанъ-бану отвела моего отца въ великолѣпный залъ, и онъ пришелъ въ крайнее удивленіе, увидя тамъ тѣхъ трехъ красавицъ, которыхъ товарищи его изъ мѣшковъ своихъ выняли, и познал отъ нихъ, что въ ту самую минуту, когда разполагались они, поступить съ ними какъ съ невольницами, Волшебница пустила на мѣсто ихъ трехъ мартышекъ, которыя поскакали на деревья, и сихъ воиновъ оставили въ толь великомъ изумленіи, что они еще и теперь не могутъ очувствоваться. Вотъ, сказала ему Волшебница, награжденіе зауслугу оказанную мнѣ сими прекрасными дѣвами. По обыкновенію Волшебства

ва

ва обязаны мы одинъ день въ недѣлѣ принимать на себя образъ какого звѣря, и въ сіе только время подвержены мы бываемъ всякимъ человѣческимъ прискорбіямъ, и самой смерти. Тому около трехъ мѣсяцовъ превращена я была въ лягушку: крестьянинъ идучи по берегу рѣки, на которой я волнами была заброшена, хотѣлъ было меня убить, какъ сіи три сестры тронувшись жалостію, просили ево, непричинять мнѣ никакого зла: для полученія отъ нево сей милости, требовалъ онъ отъ нихъ по поцѣлую и по одной деньгѣ; и хотя имъ весьма не хотѣлось поцѣловаться съ такимъ дуракомъ; однако для спасенія моей жизни согласились на его требованіе, и взявъ меня изъ его рукъ, бросили обратно въ воду. Съ того времяни оказываю я имъ всякое благодѣяніе, и приуготовляю для нихъ такое

счастіе, которое величайшихъ красавицъ во всемъ востокѣ можетъ привесть въ зависть.

✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲✲

ВЕЧЕРЪ LXIX.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Отецъ мой прошедъ съ Мергіанъ-бану чрезъ всѣ палаты, въ которыхъ находилъ вездѣ удивленія достойныя вещи, возвратился въ залъ, гдѣ поставленъ былъ столъ наполненный вкуснѣйшими ѣствами, и при которомъ прислуживали тѣ одушевленныя статуи съ такимъ искуствомъ и проворствомъ, что и самые лутчіе служители немогли бы такъ сдѣлать. Ночь препроводилъ онъ въ великолѣпномъ покоѣ, и по утру Волшебница пришедъ къ нему говорила такъ: Абдераимъ, для награжденія

жденія тебя за твой поступокъ, хочу сдѣлать тебѣ нѣкоторое даяніе, но ты пользоваться имъ будешъ только одинъ годъ, начиная съ сего дня; ты можешъ когда желаешъ, принимать на себя видъ трехъ перьвыхъ звѣрей, которые тебѣ по выходѣ твоемъ изъ сихъ палатъ попадутся, и ты какъ въ ихъ, такъ и въ своемъ образѣ, будешъ невредимъ, и отъ всего безопасенъ; во все сіе время небудешъ ты имѣть ни въ чемъ недостатку, и произнеся только мое имя, увидишъ меня всегда готовою ко оказанію тебѣ всякихъ услугъ, только лишъ бы оныя съ разумомъ были согласны; во всей вселенной только одна Волшебница, противу которой власть моя безполезна; Шейтанъ-Кули, то есть Раба діаволу, которая старается только о томъ, что бы всѣмъ зло дѣлать, увѣдая

о моемъ тебя защищенiи, не упуститъ конечно ни единаго случая, тебѣ злодѣйствовать; однако въ сей годъ неможетъ она ничего надъ тобой сдѣлать, только ты всякое утро проснувшись произноси сiи священные слова, которые удаляютъ отъ насъ дiавола, и во тьму кромечную низвергаютъ: *энъ ла иллаллаге Мугемедъ-Улъ Ресулъ Уллагъ.*

Теперь остается мнѣ тебя спросить, непочувствовалъ ли ты чего къ которой нибудь изъ сихъ трехъ прекрасныхъ дѣвъ, коихъ ты вчера въ сихъ палатахъ видѣлъ? Отецъ мой смутился симъ вопросомъ; но Волшебница требовала отъ нево чистосердечнаго признанiя: Великая Мергiанъ-бану, сказалъ онъ ей тогда, никто не можетъ разполагать своимъ сердцемъ посвоему произволенiю; сiи прекрасныя осо-

бы въ родѣ своемъ совершенны; но когда ты мнѣ повелѣваешь открыться тебѣ въ моихъ чувствованїяхъ, то признаюсь тебѣ, что ни одна изъ нихъ не произвела во мнѣ никакого дѣйствїя. Это мнѣ досадно, сказала мнѣ Волшебница; есьли бы ты которую нибудь изъ нихъ себѣ избралъ, то былъ бы гораздо счастливѣе и спокойнѣе; но я не хочу тебя принуждать, выбирай себѣ, въ какое мѣсто должна я тебя перенести. Преславная Мергїанъ-бану, скасказалъ на то мой отецъ, когда защищенїемъ твоимъ и учиненнымъ тобою мнѣ даянїемъ нѣтъ на свѣтѣ такого счастїя, котораго бы я не могъ искать, то повели проводить меня въ земли Султана Каризмскаго. Я тебя разумѣю, подхватила Волшебница, ты слыхалъ о Принцессѣ Царатъ-Алъ-Рїадѣ его дочери, которая чудомъ красоты почи-

тается; изрядно, я тебя туда провожу; однако примѣть хорошенько трехъ перьвыхъ звѣрей, которые тебѣ попадутся, и пользуйся сей годъ моими тебѣ даянїями, и защищенїемъ; по прошествїи же сего времяни не надейся отъ меня никакой помощи, сїе угодно судьбамъ. Тогда Волшебница схватя моего отца, побѣжала съ нимъ съ чрезвычайною скоростїю, и принеся ево въ лѣсъ версты за три отъ города Каризмы, скрылась отъ нево вдругъ.

Мѣсто, въ коемъ земля разверзлась, было подъ самымъ жилищемъ преужаснаго Льва, который испужавшись отъ происшедшаго подъ нимъ стука, въ бѣгъ обратился. Изрядно, вскричалъ мой отецъ, я буду принимать на себя сей образъ. Тогда выходя изъ лѣсу, и продолжая путь свой къ городу Каризму, увидѣлъ онъ пребольшую крысу подалѣ

далѣ норы, а спустя нѣсколько минутъ небольшая золотая бабочка села къ нему на руку. Это конечно, сказалъ онъ, тѣ два другіе звѣря, о которыхъ мнѣ Мергіанъ-бану говорила; тогда для испытанія превращаясь во льва, въ крысу и въ бабочку, принялъ на себя прежній свой образъ, подъ которымъ пошелъ къ городу Коризму. Онъ удивился, увидя, что оный окруженъ со всѣхъ сторонъ сорокью тысячами человѣкъ подъ предводительствомъ Хана Нагайскихъ Татаръ; и освѣдомляясь отъ солдатъ о причинѣ несогласія сихъ двухъ Государей, узналъ, что Ибатъ-Аллахъ, Султанъ Каризмскій отказалъ свою дочь Хану Татарскому, для того что выключая наименованія его Немеромъ, то есть Тигромъ, даннаго ему его подданными по причинѣ его звѣркости, былъ онъ съ лишкомъ въ семдесятъ

сятъ лѣтъ и такъ безобразенъ, что на нево не можно было смотрѣть безъ омерзенія. Немеръ раздражась симъ отказомъ, пришелъ въ толь сильный гнѣвъ, что клялся разрушить сіе Государство, всѣхъ обоего пола жителей онаго сдѣлать невольниками, и отрубить своими руками голову Султану Каризмскому и Принцессѣ.

Абдераимъ увѣдая о несправедливости Хана, и тронувшись несчастіями Царатъ-Алъ-Ріады, о красотѣ которой всѣ столь много говорили, вознамѣрился вспомоществовать ей въ толь крайней нуждѣ; но прежде самъ хотѣлъ узнать достоинство сей Принцессы: для сего превратился онъ въ бабочку, и пробравшись безъ всякаго затрудненія чрезъ непріятельскій лагерь, полѣтелъ прямо во дворецъ, и пробрался тамъ до самаго того по-

коя, вЪ которомЪ Принцесса почивала.

Ни чего еще невидывалЪ онЪ толь прекраснаго; природа истощилась созидая толь совершенную Принцессу; тогда было еще весьма рано, и онЪ имѢлЪ время разсмотрѢть всѢ ея прелѢсти; и какЪ во дворцѢ вездѢ глубокая тишина царствовала, то Абдераиму вздумалось принять на себя обыкновенный свой образЪ, только отЪ МергїанЪ-бану требовалЪ, что бы вЪ пристойной былЪ одѢждѢ; и увидя себя вЪ великолѢпномЪ платьѢ сталЪ на колѢни подлѢ кровати Принцессиной, и взявЪ у ней руку, которая висела, цѢловалЪ ее сЪ такимЪ восторгомЪ, что она проснулась. Легко можно познать, вЪ какїй ужасЪ приведена была ЦаратЪ-АлЪ-рїала, видя себя такЪ сказать во обЪятїяхЪ мущины, и еще такого, который

рый ей былъ совсѣмъ незнакомъ; отецъ мой хотѣлъ было изъяснить ей причину своего посѣщенія; но она подняла такій крикъ, что женщины ея и евнухи на помощь къ ней прибѣжали, въ разсужденіи чего онъ почелъ за нужное, превратиться паки въ бабочку, и сѣлъ въ головахъ на кровати сей Принцессы.

ВЕЧЕРЪ LXX.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Царатъ-Алъ-Ріада старалась всячески увѣрять, что она въ комнатѣ своей видѣла мущину; однако никто нехотѣлъ ей въ томъ вѣрить, и всѣ ея слова почитали дѣйствіемъ сновидѣнія; Султанъ же ея отецъ пришедъ къ ней, говорилъ, что весьма неразумно, увѣрять положитель-

нымъ образомъ о такихъ дѣлахъ, которые совсѣмъ невозможны; и что есьли о томъ говорить не перестанетъ, то всякій долженъ будетъ почесть ее съумасшедшею.

Принцесса приведена была въ крайнее безпокойство, и не знала, что о семъ толь странномъ приключеніи думать; она заперлась въ своемъ кабинетѣ, проливала горчайшіе слезы. Сколь я несчастлива! вскричала она, я нетолько должна оплакивать то жалостное состояніе, въ которомъ нынѣ находимся, но должна сносить и то, что меня съумасшедшею почитаютъ: ахъ! ктобы ты таковъ нибылъ, котораго я сего утра видѣла, человѣкъ или духъ, я тебѣ прощаю твое дерзновеніе, только предстань предъ меня теперь въ томъ же видѣ; присутствіе твое неустрашитъ меня болѣе, я клянусь

главою моего родителя, что сохраню тебѣ ненарушимое таинство, ежели отъ меня того потребуешъ.

Царать-Алъ-Ріада неуспѣла еще произнести сихъ послѣднихъ словъ, какъ Абдераимъ предъ нее предсталъ; и видя, что она весьма смутилась: Успокойся, Милостивая Государыня, сказалъ онъ ей, почтеніе мое къ тебѣ никогда недоведетъ меня до нарушенія должности моей къ таковой особѣ; узная какимъ мерзкимъ образомъ Султанъ Немеръ поступаетъ съ вами, пришелъ я къ вамъ на помощь, и надѣюсь всѣ намѣренія его разрушить. Но только прекрасная Принцесса, угодныли тебѣ будутъ мои предприятія? будучи подъ защищеніемъ у сильнѣйшей изъ Перицъ, имянемъ Мергіанъ-бану, дерзнулъ я простирить мои желаніи до Принцессы Каризмской;

дозволено ли же мнѣ будетъ ожидать благосклонныхъ взоровъ отъ прекраснѣйшей во всемъ свѣтѣ особы?

Принцесса во время сей рѣчи смотрѣла на Абдераима со особливымъ вниманiемъ; онъ былъ собою прекрасенъ и молодъ, и казался ей чрезвычайною властiю одареннымъ; сравнивая ево съ престарелымъ Татарскимъ Ханомъ, который сверьхъ того имѣлъ весьма отвратительный видъ, легко дала ему предъ нимъ преимущество. Кто бы ты таковъ нибылъ, сказала она ему, для меня все то будетъ приятно, что ты для освобожденiя насъ отъ притѣсненiя Немерова учинить вздумаешъ, за что буду тебѣ чувствительнѣйшею благодарностiю обязана; однако скажи мнѣ, чего ты за сiю толь важную услугу отъ меня потребуешъ? Свободу, Милостивая

вая Государыня, подхватилъ Абдераимъ, говорить тебѣ всегда, что я тебя обожаю, и надежды, что когда нибудь трону твое сердце. Государь, отвѣтствовала ему на то Царать-Алъ-Ріада съ нѣкоторою стыдливостію, люби, надѣйся, но знай, что я завишу отъ Ибатъ-Аллаха; испроси меня у нево: есьли онъ повелитъ мнѣ внимать твоимъ желаніямъ, то будь увѣренъ, что я къ сему союзу небуду имѣть ни малѣйшаго отвращенія. Отецъ мой бросился къ ногамъ Принцессинымъ, и обнимая ихъ, хотѣлъ было ей изъявить, сколь чувствительны ему ея милости, вакъ вдругъ въ побочной комнатѣ услышали шумъ; въ разсужденіи чего почелъ онъ занужное скрыться; и чуть только превратился онъ въ бабочку, какъ Султанъ Каризмскій взошелъ къ ней въ кабинетъ,

нетъ, являя на лицѣ своемъ знаки жесточайшей скорби. Ахъ любезная дочь! вскричалъ онъ, я теперь увѣдомился, что Ханъ имѣетъ переписку съ нѣкоторыми изъ обывателей сего города, я еще трепѣщу отъ ужаса, воспоминая, что въ наступающую ночь сговорились было тебя и меня ему выдать; но по счастїю узналъ я о семъ предприятїи, и измѣнники наказаны достойнымъ образомъ; я повелѣлъ удвоить вездѣ караулы, и стражу городскихъ воротъ вручилъ людямъ извѣстной мнѣ вѣрности. Но всего болѣе безпокоитъ меня требованїе Немерово поединка; у нево есть Слонъ толь ужасной величины, что таковаго ни въ силѣ ни въ мужествѣ никто никогда невидывалъ; въ послѣднее сраженїе произошло отъ нево извѣстное намъ всѣмъ жестокое кровопролитїе. Ханъ велѣлъ

велѣлъ мнѣ сказать, что бы я противу ево выслалъ человѣка, или какого сильнаго звѣря, съ тѣмъ, что онъ со всѣми своими войсками отступитъ, ежели Слонъ его побѣжденъ будетъ; а въ противномъ случаѣ предались бы мы въ его волю. Для сего собиралъ я мой совѣтъ, и всѣ наполнялись отъ того ужасомъ: я велѣлъ объявить сей поединокъ во всемъ Каризмѣ; но ни одинъ изъ нашихъ воиновъ несмѣлился на оный отважиться; Немеръ же прислалъ ко мнѣ сказать, что есьли въ вечеру не дамъ ему отвѣта, то онъ завтре поутру учинитъ генеральный приступъ, и все предастъ мѣчу.

Принцесса смущенная сею вѣстію не могла отъ слезъ удержаться; по томъ положасъ на обѣщанiи Абдераима: Государь, сказала она Султану, можетъ быть Пророкъ призритъ на насъ

милосердымЪ окомЪ ; и для получения отЪ нево вспомоществования совѣтовала бы я повелѣть усугубить молении во всѣхЪ мечетяхЪ , легко станется, что онЪ пошлетЪ кЪ намЪ неожидаемую помощЪ.

СултанЪ хвалилЪ совѣтЪ своей дочери; и какЪ скоро оставилЪ ее для исполнения ею предложеннаго, то отецЪ мой предсталЪ предЪ нее паки. Я слышалЪ твой разговорЪ сЪ СултаномЪ, сказалЪ онЪ ей, и могу тебя прекрасная Принцесса увѣрить, что завтре побѣжду Слона Немерова. Посовѣтовавъ прежде сЪ МергиянЪ-баню, пойду я кЪ ИбатЪ-Аллаху, и вЪ награждение моей побѣды стану отЪ нево твоей руки требовать, потому что ты мнѣ то позволяешЪ. Я даю ее тебѣ на передЪ, отвѣтствовала она ему, но помни, что мнѣ жизнЪ

твоя нужна, и такъ старайся ее сохранить.

Абдераимъ цѣловалъ стократно руку у прекрасной Царать-Аль-ріады, и видясь съ Волшебницею своею защитницею, пошелъ онъ по ея совѣту къ Султану Каризмскому: Милостивый Государь, сказалъ ему, познавъ о твоихъ безпокойствіяхъ, пришелъ я сюда, предложить тебѣ мои услуги; я обѣщаю тебѣ поразить Слона Татарскаго Хана: я еще болѣе сдѣлаю, мнѣ не безъизвѣстна не вѣрность сего Султана, и знаю я, что онъ нималаго не имѣетъ желанїе сдержать данное имъ тебѣ слово, когда сей звѣрь побѣжденъ будетъ; я завтре же принесу его голову къ твоимъ ногамъ, и воины твои порубятъ все его войско; но дозволь, что бы я сей побѣдѣ положилъ цѣну, и что бы рука Принцессина была за то награ-

наградою: побуждаемЪ будучи сею надеждою, нѣтЪ ни чего на свѣтѣ, начто бы я не покусился.

Храбрый НезнакомецЪ, сказалЪ СултанЪ, кто бы ты таковЪ небылЪ, не можешЪ толь труднаго дѣла исполнить, необладая сверьхЪ естественною силою: если ты сдержишЪ свое слово, то клянусь тебѣ всемЪ священнѣйшимЪ вЪ нашемЪ законѣ, соединить тебя сЪ нею, когда она на то согласиться. Я уже симЪ доволенЪ, Милостивый Государь, сказалЪ АбдераимЪ; пошлите сказать Хану, что завтре по утру можетЪ прислать своего Слона вЪ назначенное имЪ для сраженія мѣсто, я пущу на него неустрашимаго Льва, и послѣ одержанной имЪ побѣды надЪ симЪ ужаснымЪ звѣремЪ, нападу сЪ твоими воинами на невѣрныхЪ татарЪ. Нестрашись ихЪ многолюдства, я имѣю таинство сдѣ-

лать

лать луки ихъ безполезными, и мы учинимъ надъ ними такое кровопролитіе, что врядъ уйдетъ ли изъ нихъ въ свою землю хотя одинъ.

ВЕЧЕРЪ LXXI.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Хотя обѣщаніи Абдераимовы казались не весьма вѣроятными: однако увѣрительный видъ, съ которымъ онъ дѣлалъ оные, привели Султана Каризмскаго въ спокойствіе; онъ послалъ сказать Немеру, что на предложеніи его согласуется, и что съ десятью тысячами войскъ выведетъ онъ Льва, для сраженія съ его Слономъ. Есьли сей отвѣтъ удивилъ Татарскаго Хана, то въ Каризмѣ произвелъ величайшую радость, и всякій

ожи-

ожидалъ дня съ крайнѣю нетерпѣливостію. Между тѣмъ времянемъ Ибатъ-Аллахъ, для ободренія моего отца, почелъ за нужное показать ему Принцессу: онъ проводилъ ево въ ея комнаты, и представя ево ей: Любезная дочь, сказалъ онъ указывая ей на Абдераима, сей младый воинъ возбуждаетъ во мнѣ всю мою надежду: сколь ни трудно исполненіе имъ мнѣ обѣщаннаго; однако слова его въ томъ меня удостовѣряютъ. Есьли по счастію опровергнетъ онъ нашего неприятеля, то я думаю неотречешся ты избрать ево своимъ супругомъ.

Царатъ-Алъ-Ріада притворяясь приведенною быть во удивленіе взоромъ Абдераимовымъ: Милостивый Государь, сказала она Султану, я приемлю ваши повелѣніи съ должнымъ повиновеніемъ; сіи обѣщаніи предвѣщаютъ

ютѣ мнѣ тѣмѣ болѣе, что представленный тобой тотѣ самый, котораго я сего утра вѣ комнатѣ моей видѣла, и присутствіе котораго меня столь много ужаснуло; я незнаю, сонѣ ли то былѣ или вѣ самомѣ дѣлѣ; однако кажется, что онѣ обладаетѣ сверьхѣ естественною властію, и вѣ состояніи исполнить такіе дѣла, кои совсемѣ невозможными быть кажутся. Султанѣ началѣ мнѣнію дочери своей смѣяться: Пожалуй оставь, сказалѣ онѣ ей, ночные твои видѣнія, а паче препоручай будущаго твоего супруга милосердію нашего Пророка. Милостивый Государь, сказалѣ тогда Абдераимѣ, Принцесса можетѣ быть говоритѣ истинну; я несмѣю васѣ увѣрить, что бы она меня видѣла; однако скажу на вѣрное, что обѣявленное ею не мѣчта. Я изѣ вашихѣ словѣ ничего непонимаю, примолвилѣ

Сул-

Султанъ, думая, что отецъ мой хотѣлъ польстить его дочери. Станемъ лутче помышлять о избавленіи насъ отъ такого непріятеля, отъ котораго претерпѣлъ я толико оскорбленій. Положитесь въ томъ на меня, сказалъ тогда Абдераимъ; я могу васъ увѣрить, что завтре поутру увидите вы великую перемѣну во всемъ Государствѣ. Дай боже! что бы ты намѣреніи свои исполнилъ, сказалъ Султанъ; но теперь время оставить Принцессу въ покое. Тогда взявъ моего отца съ собою, и сдѣлавъ для нево великолѣпный ужинъ, повелѣлъ отвести ево во особливые покои, для препровожденія тамъ ночи.

Поутру весьма рано Ибатъ-Аллахъ вышедъ изъ Каризмы съ десятью тысячами человѣкъ, нашелъ Слона на назначенномъ къ бою мѣстѣ, и Татары старались

ево сердить такъ, что сей звѣрь началъ уже приходить въ нетерпѣливость, невидя своего неприятеля, какъ вдругъ вышелъ изъ города преужасный Левъ, который размахивалъ хвостомъ на всѣ стороны, и страшнымъ своимъ крикомъ показывалъ Татарамъ, сколь сильное желанïе имѣетъ онъ сразиться съ соперникомъ, толь достойнымъ его мужества.

Прежде нежели раскажу вамъ о семъ сраженïи, продолжалъ Муйядъ, приведу вамъ на память, великïя Перицы, что вамъ конечно не безъизвѣстно, что звѣри одного рода имѣютъ между собою знаки, или произношенïи, по средствомъ которыхъ они другъ друга разумѣютъ. Отецъ мой узная о томъ отъ Мергïанъ-бану, чуть только на канунѣ сраженïя остался одинъ, то отворя окошко, и превратясь въ бабочку,

бочку, вылѣтелъ изо дворца, и достигнувъ до городской площади, превратился въ крысу, при чемъ нѣкоторымъ крикомъ, служащимъ у сихъ звѣрковъ созывомъ, собралъ менѣе нежели въ полчаса всѣхъ находящихся въ городѣ крысъ; тогда изъясня имъ на своемъ языкѣ свое намѣреніе, вышелъ съ ними изъ города, и пошелъ прямо въ татарской лагерь, гдѣ раздѣля свое войско, которое болѣе нежели изъ осми тысячь состояло, по разнымъ частямъ сей армѣй, повелѣлъ каждой крысѣ, перегрысть тетивы у луковъ всѣхъ Татаръ, кои тогда въ глубокомъ снѣ находились; и крысы исполнили повелѣніи его съ такимъ успѣхомъ, что тетивы остались на одной весьма тониnькой ниточкѣ.

По учиненіи сего дѣйствія, произведеннаго весьма тайнымъ образомъ, отецъ мой отвелъ крысъ обратно

обратно въ городъ, и приявъ на себя прежній свой образъ, отдохнулъ нѣсколько часовъ; послѣ чего по утру весьма рано обратясь во льва, вышелъ на Каризмскую площадь, въ провожаніи двухъ черныхъ невольниковъ, приставленныхъ къ нему отъ Мергіанъ-бану, и съ ними пришелъ на конецъ на назначенное для сраженія мѣсто.

Слонъ и Левъ взирая другъ на друга нѣсколько времяна съ великою яростію, вступили напослѣдокъ въ преужасный бой, каковаго еще никогда невидывали. Есьли Слонъ обладалъ непонятною силою, то Левъ будучи отъ всякаго поврежденія безопасенъ и исполненъ неописаннымъ проворствомъ, нападалъ на нево съ такимъ искуствомъ, что сему тяжелому звѣрю весьма много труда стоило, отъ когтей и острыхъ зубовъ его защищаться.

ся. Тщетно ударялъ онъ Льва своимъ хоботомъ съ великою силою; тщетно старался онъ разпороть ево своими клыками: Левъ уклонялся съ великимъ проворствомъ отъ нападеній своего неприятеля. На конецъ болѣе нежели по двучасномъ сряженіи Левъ схватилъ Слона за хоботъ, разорвалъ оный, и выколупя ему глаза своими кохтями, повалилъ Слона, при чемъ вкоча ему на горло, задавилъ ево съ такою же легкостію, какъ бѣлку.

Градскія Каризмскія стѣны, наполненныя зрителями, раздавались тогда радостными криками, и десять тысячь воиновъ предводительствуемыхъ Ибатъ-Аллахомъ отвѣтствуя симъ крикамъ, привели Татаръ въ такое сердце, что по повелѣнію Немерову устремились на нихъ вооруженною рукою; но Абдерамъ приявши человѣческій свой образъ

разъ, и присоединясь къ Султану Каризмскому, предъупредилъ Татаръ, которые желая употребить свои луки, приведены были въ крайнѣе удивленіе видя, что оные бездѣйствительны. Сіе толь неожидаемое ими приключеніе устрашило ихъ чрезъ мѣру; и Каризмскіе воины опорожня свои калчаны, напали на нихъ съ саблями, и менѣе четверти часа неоставили почти ни одного Татарина въ живыхъ.

Отецъ мой стараясь всячески сыскать жестокаго Немера, имѣлъ къ тому не много труда, и по упорномъ съ нимъ сраженіи отрубя ему голову, принесъ ее къ ногамъ Каризмскаго Султана. Легко можно познать, сколь великую радость чувствовали Ибатъ-Аллахъ и Принцесса, видя всё произходившее; всѣ почитали Абдераима перьвымъ избавителемъ Каризмскаго государства,

ства, и Султанъ хотя сдержать данное имъ ему слово, въ тотъ же день сочеталъ ево съ Царатъ-Алъ-Ріадою.

Неможно довольно описать чрезмѣрнаго удовольствія моего родителя и его супруги: цѣлые три мѣсяца производились великіе торжества; послѣ чего Султанъ желая учинить Абдераима своимъ наслѣдникомъ, вознамѣрился возить ево по всѣмъ городамъ своего государства, и привести всѣхъ своихъ подданныхъ въ томъ къ присяге. Онъ исполнилъ свои намѣренія. Прибывъ между прочимъ въ одинъ городъ лѣжащей на берегу моря, приняты они были тамошнимъ градоначальникомъ съ великою пышностію и великолѣпіемъ; и въ одинъ день вознамѣрясь сдѣлать для нихъ нѣкоторый родъ увеселѣнія, предложилъ имъ итти на ловлю жемчуга: предложеніе

женіе его было со особливымъ удовольствіемъ принято; Султанъ, Абдераимъ и его супруга, которая въ семъ путешествіи также съ ними находилась, сѣли на великолѣпное судно, и прибыли на мѣсто ловли, которой надлежало трои сутки продолжаться. Перьвые два дни имѣли они отъ того великое утѣшеніе; но въ ночи на третей день празднество сіе продолжалось весьма долго, и Абдераимъ отъ ширатцкаго вина подвеселясь, проспалъ по утру пожже обыкновеннаго. Ево дожидали для начатія ловли, и онъ проснувшись то примѣтилъ; въ разсужденіи чего одѣвшись на скоро взошелъ къ протчимъ на судно, и позабылъ произнести тѣхъ словъ, которые по повеленію Мергіанъ-бану проговаривалъ онъ всякое утро. И какъ одинъ ловитель подавалъ ему

раковину, въ которой чрезвычайной красоты жемчужина находилась, то отецъ мой протянувъ руку для принятїя оной, вдругъ почувствовалъ, что схватила ево за нее страшнаго вида женщина, которая утащила ево съ собой въ туже самую минуту на дно морское.

ВЕЧЕРЪ LXXII.

Продолженїе исторїй Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Ничто неможетъ сравниться со удивленїемъ и печалїю, въ которые приведены были тогда Царатъ-Алъ-рїада и Султанъ. Приказали немедлѣнно нырнуть, и стараться какъ возможно извлечь отца моего изъ рукъ сей ехидной; но всѣ старанїи ихъ были тщетны, и Царатъ-Алъ-рїада и родитель ея предавшись жесто-

жесточайшему отчаянію принуждены были, возвратиться въ городъ не имѣя болѣе надежды, увидѣться когда нибудь съ несчастнымъ Абдераимомъ.

Принцесса Каризмская терзаясь жесточайшею печалію, удалилась въ свой покой, убитый вмѣсто обоевъ разнымъ деревомъ, и находящейся къ морю; тамъ проливала она горчайшія слезы о лишеніи любезнаго ей супруга, и хотя опереться объ одну стѣну увидѣла, что оная вдругъ растворилась и представила ей кабинетъ, наполненный картинами, изображающими всю исторію Абдераима даже до тѣхъ поръ, какъ похищенъ онъ былъ Волшебницею Шейтанъ-Кули; ибо то была она.

Разсматривая сіи картины, приведена она была въ крайнее удивленіе, увидя на находящемся въ семъ кабинетѣ столикѣ

разкрытую книжку, въ которой слѣдующїе слова стояли: *Принцесса! есьли хочешь обрѣсти твоего супруга, то проглоти три капли находящагося подъ симъ столомъ напитка, ты тужже минуту превратишся въ орла, и въ семъ образѣ полѣти въ Египетъ на гору Гебель-Теиръ, гдѣ чрезъ недѣлю всѣ по кругъ оной живущїя птицы соберутся помощїю одного привлѣкающаго ихъ туда Талисмана, и посредствомъ котораго остаются онѣ тамъ до вечера; послѣ чего онѣ отъ туда улѣтаютъ, выключая одной, которая остается тамъ съ потупленнымъ въ одинъ превеликїй камень носомъ до тѣхъ поръ, пока по прошествїи года въ тотъ же самый день не вступитъ на ея мѣсто другая. Завладѣй симъ камнемъ, тоесть*

вступи

петули на мѣсто такопой птицы, и когда псѣ протчїя отлѣтятъ, то произнеси по пнутренности тѣ божестпенные слопа, которые супругъ тпой позабылъ произнести; оные же суть: Энъ ла Иллалаве Мугеметъ-Улъ Ресулъ Уллагъ. Тогда познаешъ ты, что тебѣ должно будетъ дѣлать для спасенїя Абдераима.

Царашъ Алъ-Рїада чипала нѣсколько разъ длинное сїе наставленїе, и затвердя сїи божественные слова, проглотила нѣсколько капель помянутой воды: тогда вдругъ почувствовала себя покрытою перьемъ, и поднявшись на воздухъ, устремила свой полетъ къ Египту, гдѣ по семидневномъ тяжкомъ пути пристала на назначенную гору; тамъ приближась къ сидящей потупя носъ птицѣ, сражалась съ такимъ усилїемъ со всѣми тѣми,

которыя ей мѣсто сїе возбраняли, что на конецъ завладѣла онымъ, и какъ наступилъ вечеръ и всѣ птицы отъ туда разлѣтелись, то и уней носъ воткнулся въ находящейся тамо камень; но какъ скоро произнесла она вытверженные ею слова, то оный разтворился и она обратясь въ прежнїй свой образъ, сошла чрезъ лѣстницу, блѣстящую отъ изумрудовъ и яхонтовъ, въ великолѣпный залъ, освѣщаемый только одною золотою лампадою, висящею надъ гробницею самого чистаго хрусталя, въ ногахъ которой стояло дерево съ тремя золотыми вишнями. Сколь велико было ея прискорбїе, когда подъ сею гробницею увидѣла она дражайшаго своего Абдераима до пояса обнаженна, и мучительскимъ образомъ избита; сїе толь плачевное позорище чуть было не лишило

се жизни ; она покушалась разбить сїю гробницу ; но отецъ мой говорилъ ей слабымъ голосомъ , что всѣ ея старанїи будутъ безполезны, и что симъ способомъ не может она исторгнуть ево изъ толь жалостнаго состоянїя. Дражайшїй свѣтъ моей жизни, сказалъ онъ ей , сорви сїи три золотыя вишни, положи ихъ себѣ въ ротъ , ступай поскорей на лѣстницу , обратисъ паки въ птицу и возвратисъ въ свой кабинетъ , гдѣ переверня листъ читанной тобой книги , исполни предписанное тебѣ въ оной отъ Мергїанъ-бану для моего освобожденїя ; а я сей минуты стану ожидать со всевозможнымъ повиновенїемъ , налагающимъ на меня великимъ нашимъ Пророкомъ.

Принцесса сорвавъ немедлѣнно тѣ три золотыя вишни, положила ихъ себѣ въ ротъ; по томъ

 непе-

нетеряя времяни взошла на лѣстницу, и превратясь паки въ орла, полѣтела въ свое жилище, куда прибыла по семидневномъ претрудномъ путешествїи. Тамъ взошедъ въ свой кабинетъ, и принявъ на себя прежнїй свой человѣческїй образъ, выняла у себя изо рта золотыя вишни, и положа ихъ на столъ перевернула листъ въ откровенной своей книгѣ, гдѣ увидѣла следующїе слова: *Супругъ твой не прежде можетъ быть свободенъ, какъ чрезъ девять мѣсяцовъ считая отъ сего дня; ты же пробудь все сїе время въ семъ замкѣ, гдѣ родишъ сына, котораго назови Муйядомъ, и въ срочный день взойди съ нимъ на судно, и вели отнести себя къ тому мѣсту, гдѣ лишилась ты Абдераима; тамъ Пророкъ внушитъ тебѣ средства ко избавленїю твоего супруга;*

но не позабудь взять съ собою золотыя вишни.

Послѣдуя сему опредѣленію, заперла Царать-Аль-Ріада принесенныя съ собой три золотыя вишни; послѣ чего пошла въ покой къ Султану, который увидя Принцессу пришелъ въ неописанную радость тѣмъ на ипаче, что онъ въ горчайшей печали находился, думая, что она конечно повергласъ въ море; она расказала ему все съ ней приключившееся, и привелаево своимъ повѣствованіемъ въ толь великое удивленіе, что онъ съ трудомъ могъ ей въ томъ повѣрить. Онъ побѣжалъ въ покой къ Принцессѣ, но оба они немогли найти двѣрей въ ея кабинетъ; совсѣмъ тѣмъ положасъ на ея слова, спустя нѣсколько дней съ ней растался, и оставилъ ее въ томъ замкѣ, самъ же въ Каризмъ возвратился, опасаясь, что бы

Татары не учинили на его земли новое нападенiе.

И такъ Царатъ-Алъ-рiада осталась въ семъ замкѣ, упражняясь единственно въ размышленiяхъ о дражайшемъ своемъ Абдераимѣ, и чувствуя, что плодъ ея къ нему любови увеличивался отъ часу болѣе; на конецъ уже ожидала разшеренiя своего отъ бремяни, какъ вдругъ двѣри въ чудесный ея кабинетъ отворилисъ; она вошла въ оный съ чрезмѣрною радостiю, и подбѣжавъ къ лѣжащей на столѣ книгѣ, увидѣла въ оной слѣдующiе слова: *Ты завтре родишъ сына; но знай, что жизнь его отъ тебя зависитъ; есьли хочешъ имѣть его въ живыхъ, то должна отъ принадлежащаго тебѣ величества отказаться; такое есть судебъ опредѣленiе; онѣ разлучатъ тебя еще чрезъ нѣсколько лѣтъ*

съ

съ твоимъ супругомъ на весьма пространное время.

Неможно никоимъ образомъ представить себѣ того состоянія, въ которое приведена была Принцесса сими словами; она весь тотъ день и всю ночь въ горчашей препроводила печали, и на другій день разрешасъ мной отъ бремяни, взяла меня къ себѣ на руки, и взирая на меня съ прискорбнымъ и жалостнымъ видомъ: Дражайшій Муйядъ, говорила она, я жертвую тебѣ безъ всякаго огорченія всѣми достоинствами, на которыя возведена моей породой; жизнь твоя дороже для меня всѣхъ суетныхъ титуловъ, коими я презираю; я оставляю ихъ для тебя безъ всякаго размышленія: дай боже! что бы ты только былъ счастливъ, и чтобы Пророкъ воззрѣлъ на тебя милосердымъ окомъ.

И такъ симъ матери моей отрицанїемъ отъ принадлежащихъ ей достоинствъ остался я въ живыхъ; и какъ насталъ день срока, котораго она для освобожденїя возлюбленнаго своего супруга съ неописанною нетерпѣливостїю ожидала, то она взявъ меня къ себѣ на руки, понесла меня съ собой на судно, причемъ непозабыла взять и золотыя вишни, послѣ чего повелѣла отвести себя на то мѣсто, гдѣ Абдераимъ похищенъ былъ Волшебницею.

ВЕЧЕРЪ LXXIII.

Продолженїе исторїи Абдераима, Попѣстпуемой Муйядомъ.

Чуть только прибыли мы къ назначенному мѣсту, какъ я началъ вдругъ сильно плакать; мать моя, которая еще въ первый разъ

разъ услышала плачъ мой, удивилась тому чрезмѣрно; но удивленіе ея умножилось еще болѣе, когда ужасная Волшебница похитившая моего отца, высунула изъ воды голову: Для чего этотъ робенокъ такъ плачетъ, проговорила она страшнымъ голосомъ? Онъ требуетъ отъ тебя, сказала ей на то Принцесса, своего родителя. Изрядно, отвѣтствовала ей Шейтанъ-Кули, что ты мнѣ дашъ я покажу его тебѣ до самыхъ плѣчъ? Я подарю тебѣ сію золотую вишню, подхватила моя мать, показывая ей одну изъ трехъ золотыхъ вишенъ, и потомъ положасъ на слова сей Волшебницы, бросила ее къ ней, и отецъ мой показался изъ воды, какъ то она обѣщала; мать моя почувствовала отъ того толь сильную радость, что предлагала сей злодѣйкѣ дать ей еще одну вишню, есьли она покажетъ ей

Абдераима

Абдераима по колѣни. Я и того еще болѣе сдѣлаю, сказала она на то, я вынесу ево всего по верьхъ воды, есьли ты дашъ мнѣ и третью. Я клянусь тебѣ въ томъ, отвѣтствовала моя мать, престоломъ нашего Пророка; тогда Шейтанъ-Кули подняла моего отца по верьхъ морскихъ волнъ, и онъ чуть только проговорилъ прежнїе свои таинственные слова, и пожелалъ превратиться въ муху, какъ вдругъ скрывшись у насъ изъ глазъ прилѣтелъ къ намъ въ судно, и приявъ на себя прежнїй человѣческїй образъ, обнималъ мою родительницу съ горячностїю, и омылъ лицѣ мое своими слезами.

Злая Волшебница думая, что срокъ дара превращенїя, даннаго моему родителю отъ Мергїанъ-бану, прошелъ на канунѣ того дня, пришла въ крайнее изумленїе, когда взявъ третью вишню уви-

увидѣла, что Абдераимъ уже не въ ея власти находится; сіе привело ее въ неописанную ярость, и она для отмщенія сего надъ нами, возбудила толь ужасную бурю, что наше судно поднимаясь ежеминутно до небесъ, казалось низвергнется въ бездну морскую.

Отецъ мой во все сіе время держалъ дражайшую свою Царатъ-Алъ-ріаду въ своихъ объятіяхъ; онъ призывалъ Мергіанъ-бану на помощъ; но годъ защищенія ея протекъ, и прозьбы его тщетны были. Такимъ образомъ будучи цѣлый день носимы волнами, прибило насъ къ одному камню, и судно наше остановилось: по счастію было съ нами нѣсколько разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ родители мои великую имѣли нужду; я же во всю продолженіе бури не могши никоимъ образомъ сосать

груди,

груди, находился въ великой слабости. На другой день показалась ясная погода, и Абдераимъ разсудилъ за благо, продолжать путь нашъ; и между тѣмъ, какъ матросы старались стащить судно съ камня, Царать-Альріада расказывала своему супругу, какимъ образомъ спасла она мнѣ жизнь, и объявила ему о будущей ихъ разлукѣ; сїе повѣствованїе тронуло отца моего чрезмѣрно; неменѣе безпокоило ево и то жалостное состоянїе, въ которомъ мы находились; на конецъ сберегая наши припасы съ особливою осторожностїю, плыли мы по вѣтру цѣлые девять дней, по прошествїи которыхъ поднялась такая сильная непогода, что мы совсѣмъ лишились надежды, свирепости волнъ избѣгнуть; въ семъ состоянїи пробыли мы цѣлые три дни, и имѣя въ пищѣ недостатокъ, пришли

всѣ въ великую слабость такъ, что матросы принуждены были оставить правленіе судна, и впали всѣ въ нѣкоторый родъ сна, предвѣщающаго приближеніе смерти. Мы не знали, по какимъ морямъ носились; но препроводя въ таковомъ состояніи дней восемь, судно наше остановилось подлѣ одной гавани, которой жители сжалясь надъ нами приняли насъ со особливымъ человѣколюбіемъ; они отнесли насъ въ разные домы, и къ возвращенію намъ прежнихъ силъ ни чего нещадили.

Городъ, въ которомъ мы находились, лѣжалъ на одномъ небольшомъ острову Татарскаго моря въ верьхъ отъ Аніанскаго королевства; и какъ оный былъ торговлею не весьма знатенъ, то туда почти ни одного корабля неприходило; и мы прожили въ семъ мѣстѣ около двухъ лѣтъ, не видавъ ни одного судна.

на. Но по прошествіи сего времяни прибылъ туда корабль, начальникъ котораго продавъ привезенныя съ собой вещи, располагался отъѣхать въ городъ баргу, лѣжащій на Северномъ Океанѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, Татарію проходящая, впадаетъ въ море. Какъ изъ сего города можно намъ было въ Каризмъ сухимъ путемъ доѣхать, то Абдераимъ пошелъ къ сему корабельному начальнику, и подаря ему одинъ драгоцѣнный брилїантъ изъ взятыхъ съ собой моей родительницей при отъѣздѣ, склонилъ ево взять насъ на свой корабль.

Онъ былъ собой лица прекраснаго, но страстямъ своимъ чрезмѣрно повиновался; во время нашего путешествія влюбился онъ въ мою мать, и по примѣрному ея согласію съ Абдераимомъ заключалъ, что присутствіе его

будетъ

будетъ для нево всегда непреодолимымъ препятствїемъ въ его желанїяхъ; въ разсужденїи чего вознамѣрился ево удалить, и въ скоромъ времяни нашелъ случай мерзостное свое предприятїе исполнить. Возъимѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены мы были, пристать къ одному небольшому острову. Тамъ нашелъ онъ другой корабль выступающїй уже совсѣмъ въ море; онъ свидѣлся съ начальникомъ онаго, и предложа ему, нехочетъ ли онъ купить у нево одного невольника и мальчика, продалъ насъ за сорокъ золотыхъ съ тѣмъ, чтобы онъ похитилъ насъ на канунѣ нашего отъѣзда: сїе было исполнено въ ту самую минуту, когда отецъ мой прогуливался со мной по берегу; и какъ ботикъ, въ который насъ подхватя бросили, причалилъ съ поспѣшностїю къ выходя-

ходящему изъ гавани кораблю, то мы находились уже въ довольно дальномъ отъ туда разстоянїи прежде, нежели о отъѣздѣ нашемъ узнали. Абдераимъ изъявлялъ свое удивленїе новому начальнику, но сей нехотѣлъ ему на то ни слова отвѣтствовать; изъ чего легко можно заключить, въ какое прискорбїе приведенъ тѣмъ былъ мой родитель; тогда почувствовалъ онъ всю̂ свое злополучїе; разлучась съ обожаемою имъ Принцессою, и по справедливости подозрѣвая прежняго нашего корабленачальника въ измѣнѣ, предался онъ жесточайшему отчаянїю; и только единыя невинныя мои оказываемыя ему тогда ласки удержали ево на жизнь свою покуситься, лишась дражайшаго своего предмѣта и своей вольности; и такъ намѣрился сносить терпѣливо жестокость своего рока, и на другой

гой день увидѣлъ кораблеачальника: Я вижу, сказалъ онъ ему что я твой невольникъ, и что злодѣй, отдавшїй меня въ твои руки самою мерзостнѣйшею на свѣтѣ измѣною, думалъ конечно что ты мнѣ не возвратишъ свободы; но я почитая тебя чести исполненнымъ человѣкомъ, немогу себѣ того представить, что бы ты былъ участникомъ въ мерзостныхъ намѣренїяхъ сего мучителя, которой отдалъ меня тебѣ только для того, что бы похитить у меня мою возлюбленную супругу; но праведное небо накажетъ конечно его злодѣйство; и я въ добродѣтели моей супруги столь много удостовѣренъ, что она смерть предпочтетъ малѣйшему дѣйствїю, которымъ непорочность ея оскорблена быть можетъ.

ВЕЧЕРЪ LXXIV.

Продолженїе исторїи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Слова моего родителя привели корабленачальника во удивленїе: Правда, сказалъ онъ ему, что ты и сей мальчикъ мои невольники; но я незналъ злосердыхъ намѣренїй лишившаго васъ вольности; и что бы тебѣ доказать то самымъ дѣломъ, то заплати мнѣ только мной ему данные за васъ сорокъ золотыхъ, или дай клятву, что возвратишъ мнѣ ихъ въ какой нибудь гавани; я же объявляю тебѣ, что вы съ сей самой минуты свободны.

Сколь ни великую печаль чувствовалъ мой родитель; однако только великодушнымъ поступкомъ былъ чрезмѣрно тронутъ, и вынявъ у себя изъ кармана камень, стоющїй болѣе ста золотыхъ, подалъ оный корабленачальнику,

и просилъ ево, принять оный за возвращенїе имъ нашей свободы; и онъ прельстясь щедростїю моего родителя, обьявилъ при всѣхъ находящихся на корабле, что мы уже болѣе не въ неволѣ; и на другой день приставъ къ одной гавани, которой названїе я запамятовалъ, высадилъ насъ на берегъ по желанїю Абдераима.

Имѣя весьма благопрїятный вѣтръ, проплыли мы въ четыре дни конечно болѣе двухъ сотъ миль; и такъ находясь въ великомъ отдаленїи отъ того мѣста, гдѣ съ Царатъ-Алъ-Рїадою расталисъ, неможно намъ было надѣиться, застать ее въ ономъ; въ разсужденїи чего родитель мой не нашелъ лутчаго средства къ ея освобожденїю, какъ разъѣжжать по морю; и для того помощїю своихъ брилїантовъ купилъ онъ самый легкїй корабль, и нанялъ ко управленїю онымъ

весьма искуснаго и храбраго капитана ; но мы разъѣжжая по всѣмъ гаванямъ Севернаго Океана, не могли ничего узнать подлиннаго.

На конецъ Абдераимъ лишасъ совсѣмъ надежды , найти свою супругу , и вспомня ея слова, что они на весьма долгое время разлучатся, вознамѣрился предатся въ томъ въ волю небесъ : и такъ неразсудя за благо, въ Каризмъ возвратиться, и предстать къ своему тестю безъ Принцессы Царатъ-Алъ-Ріады, опасаясь, что бы онъ всего съ нимъ приключившагося непочелъ баснею , положилъ во свое отечество возвратиться. Чрезъ заливъ Аніанскій выѣхавъ въ восточный Океанъ, проѣхавъ Китайское и Индѣйское моря, такожъ и проливъ Зундъ и море Аравійское прибыли мы чрезъ два года въ гавань Сорецкую , отъ куда сухимъ

путемъ

путемЪ вЪ КандагарЪ возвратились.

АбдераимЪ, какЪ то расказывалЪ онЪ мнѣ о томЪ послѣ, ибо вы видите, что я вЪ то время былЪ малолѣтенЪ, и ни чего не могЪ примѣтить, а всю сїе помню для того, что о томЪ слыхалЪ отЪ нево часто; Аблераимъ, говорю я, возвратясЪ вЪ КандагарЪ, купилЪ себѣ небольшую деревеньку, и о воспитанїи моемЪ всевозможное прилагалЪ старанїе.

КакЪ онЪ не взирая на свое состоянїе, еще не всѣхЪ надеждЪ былЪ лишеннымЪ, то часто утѣшался напоминовенїемЪ того благополучнаго времяни, вЪ которое онЪ толь лестнымЪ счастїемЪ наслаждался; онЪ имѣлЪ изрядныхЪ сосѣдей, и сЪ ними разговаривалЪ нерѣдко о своихЪ приключенїяхЪ, и хотя расказывалЪ ихЪ всегда одинакимЪ об-

разомъ, безъ всякаго прибавленія; однако они почитая ихъ невѣроятными, называли ево въ шуткахъ, какъ то я уже вамъ объявилъ, Кедгабомъ, то есть обманщикомъ; и Абдераимъ за то ни мало несердился, признаваясь самъ, что есьли бы кто другій ему тоже расказывалъ, то бы и онъ съ трудомъ повѣрилъ.

Въ Кандагарѣ прожилъ я, продолжалъ Муйядъ, до четырнадцати лѣтъ, и во всю то время прилѣжалъ я къ предписаннымъ мнѣ должностямъ со особливымъ раченіемъ; но двое изъ моихъ товарищей, за которыми также, какъ и за мной, весьма строго смотрѣли, наскуча сею жизнію, предложили мнѣ оставить домъ моего родителя, и ѣхать съ ними въ Персію. Мы всѣ трое училисъ музыкѣ; и положасъ на сіе ремѣсло, притомъ намѣрясъ достать денегъ,

сколько

сколько кому будетъ можно, нестрашились мы, быть когда нибудь въ бѣдности; и такъ мы отправились въ Испаганъ, и прибыли туда безъ всякаго препятствія: тамъ веселились мы весьма много, и какъ въ семъ городѣ множество всякаго рода забавъ находится, то вскоре прожили мы привезенные съ собой деньги; и тогда начали мы разсуждать о своемъ состояніи: мы незнали, куда приклонить голову; но на конецъ намѣрились возпользоваться искуствомъ своимъ въ пѣніи; пристали къ комедіанкамъ, коихъ прелести сдѣлались новымъ препятствіемъ нашего въ Кандагаръ возвращенія; и такъ я согласился на предложеніе моихъ товарищей, и приписываемыя намъ за искуство наше похвалы, прельстили насъ толь много, что сіе наше состояніе начало намъ нравиться.

Совсѣмъ тѣмъ укорялъ я себя не рѣдко, что такимъ образомъ родителя моего оставилъ; выключая размышленій моихъ о его прискорбіи, сожалѣлъ я иногда и о томъ состояніи, въ которомъ находился: Есьли то правда, говорилъ я самъ въ себѣ, что я внукъ Султана Каризмскаго, то непоносна ли для меня жизнь сія?

Въ то время прибыла въ Испаганъ другая банда комедіанокъ, которыя препроводя тамъ нѣсколько времяни, намѣрялись въ Моголистанъ отправиться, и для того надлежало имъ ѣхать чрезъ Кандагаръ. Терзаясь безпрестанно совѣстію, что толь безразсуднымъ образомъ оставилъ Абдераима, разлучился я съ моими товарищами, кои слѣдовать со мной нехотѣли; приставъ къ сей бандѣ, которая была гораздо славнѣе нашей, отправился въ

путь

путь къ сему городу, и проѣхавъ чрезъ всѣ находящїеся на дорогѣ, собравъ тамъ множество денегъ, прибыли мы на конецъ верстъ за пять отъ Кандагара, гдѣ отпросился я у нашей начальницы на самое короткое время, хотя и въ мысляхъ у меня не было опять къ нимъ возвратиться. И такъ по дву-лѣтнемъ отсутствїи вступилъ я паки въ сей городъ, и нашелъ домъ Абдераимовъ; но сосѣди его, кои меня непризнали, обьявили мнѣ, что уже болѣе полутора года поѣхалъ онъ искать своего сына, который у нево пропалъ.

ВЕЧЕРЪ LXXV.

Продолженїе исторїи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Увѣдая о отсутствїи моего родителя, пришелъ я въ жесто-

чайшую печаль; тогда разсуждалъ я съ великимъ прискорбіемъ, какіе труды и печали будетъ онъ въ путешествіи своемъ чувствовать. Но не могши того отвратить, принужденъ былъ явиться опять у нашей начальницы, надѣясь встрѣтиться гдѣ нибудь съ Абдераимомъ. Однако прежде отшествія изъ Кандагара, пошелъ я къ заднимъ воротамъ нашего дома, которыя только моимъ родителемъ и мной могли отпираться, сдѣланы будучи весьма искуснымъ и тайнымъ образомъ; я ихъ отперъ, и нашелъ въ сдѣланной въ нихъ комнатѣ всѣ наши уборы въ цѣлости, и на столикѣ свернутую бумажку, въ которой написано было: *Неблагодарный Муйядъ будетъ причиною моей смерти.* Я не могъ прочесть сихъ словъ, не проливъ горчайшихъ слезъ потоки, и оставя

ставя на семъ столикѣ письмо ,
въ которомъ разкаяніе являющи-
ми выраженіями просилъ Абдераи-
ма въ поступкѣ моемъ прощенія,
объявлялъ ему, что необходимо-
стію принужденъ странствовать
по Татаріи , Туркестану и Ин-
діи, вознося безпрестанно на небо
усердные молитвы , что бы съ
нимъ увидѣться паки. Послѣ се-
го заперъ я ворота, и пошелъ въ
Караванъ-Сераль , гдѣ банда на-
ша пристала : я принятъ былъ
съ великою радостію, и мы со-
бравъ въ семъ городѣ множество
денегъ, отправились въ Камбай,
куда нѣсколько тому времяни
прибыли ; и надзиратель Кара-
ванъ-Сераля принявъ насъ съ чрез-
вычайною ласкою , отвелъ намъ
особливые покои ; и какъ я отъ
путешествія весьма усталъ, то
пришедъ въ назначенную мнѣ ко-
мнату, заснулъ скоро ; но еще
никогда неимѣлъ я толь тяго-

стіяаго сна. Всѣ приключеніи моего родителя представлялись мнѣ весьма живо; самъ онъ показался мнѣ съ прекрасною женщиною, я проливая слезы бросился къ его колѣнамъ; онъ меня поднялъ, облобызалъ, и представя меня той женщинѣ: Царатъ-Алъ-Ріада, сказалъ ей проливая слезы, вотъ сынъ твой, котораго я тому уже шесть лѣтъ искалъ всюды. Я хотѣлъ броситься во объятіи моей родительницы; но она меня отъ себя оттолкнула: Это не можетъ быть Муйядъ, сказала она ему; внукъ Каризмскаго Султана долженъ имѣть благороднѣйшія мысли, нежели сей юноша, который въ толь непристойномъ ремѣслѣ упражняется; это не мой сынъ. Сколь много тронутъ я былъ симъ выговоромъ, заслуженнымъ мной по самой справедливости! Ахъ! милостивая

вая государыня, вскричалъ я, хотя и недостоинъ я сыномъ твоимъ нарицаться; однако я тотъ самый Муйядъ, который тебѣ сперва былъ столь милъ; и когда Абдераимъ меня увѣряетъ, что я тебѣ жизнію долженъ, то дозволь, что бы симъ лобызаніемъ изъявилъ тебѣ ту радость, которую въ сердцѣ своемъ ощущаю, нашедъ тебя паки по толь долговременной разлукѣ.

Я подошелъ къ Принцессѣ и хотѣлъ было ее обнять, но она дала мнѣ толь сильную пощочину, что я упалъ на взничь. Я закричалъ такъ громко, что Массудъ, находящейся въ моей комнатѣ, проснулся: подбѣжалъ ко мнѣ къ постелѣ, и спрашивалъ у меня, что мнѣ сдѣлалось; я былъ въ такомъ смятеніи, что не могъ ни одного промолвить слова; онъ подумалъ, что я занемогъ, въ разсужденіи

чего засвѣтилъ тотъ часъ свѣчу: я расказалъ ему мой сонъ, и онъ началъ тому смѣяться; но видя, что щека у меня весьма покраснела и разпухла, немало удивился; по томъ подумая о семъ произшествіи: Конечно во снѣ ударился ты щекою о стѣну, сказалъ онъ, и это то показалосъ тебѣ пощочиною.

Я не зналъ, что мнѣ изъ того заключить; а между тѣмъ какъ мы съ Массудомъ о семъ толь странномъ приключеніи разсуждали, показался день; я всталъ, мы всѣ пошли по городу Камбаю, и хотя и велѣли о себѣ обьявить; однако насъ никто непозвалъ, чему можетъ быть было причиною то, что и нашу банду толь же дурною почитали, каковая приѣжжала въ сей городъ за нѣсколько мѣсяцовъ предъ нами; мы изъявляли наше неудовольствіе надзирателю.

Пожалуйте небезпокойтесь, сказалъ онъ намъ, ваше достоинство не всѣмъ еще въ Камбаѣ извѣстно, вы можете въ семъ мѣстѣ жить, сколько вамъ угодно, и содержанïе ваше не будетъ вамъ ничего стоить; а что бы васъ развеселить, то я сдѣлаю для васъ сего вечера пиръ. И въ самомъ дѣлѣ мы у нево ужинали, и онъ угостилъ насъ чрезвычайно хорошо; но съ тѣхъ поръ не слыхали мы про нево ни слова, и по видимому въ ту же самую ночь пренесены мы въ сïи прелестные мѣста.

Приключенïи твоего отца весьма странны, сказалъ Кофробъ сему юношу; время покажетъ тебѣ вскорѣ, правду ли говорилъ Абдераимъ, повѣствуя оные, и настоящая ли та пощочина, которую ты получилъ въ Караванъ-Сералѣ, или единое дѣйствïе сновиденïя. Мы всѣ удо-

стовѣрены, подхватили Султанши, что Муйядъ человѣкъ правдивый; но можетъ быть Абдераимъ, желая привесть себя у сосѣдей Кандагарскихъ въ почтеніе, всю сію исторію выдумалъ... Вы можете ошибиться, прервалъ ихъ рѣчь Иманъ; а я на противъ того думаю, что всё повѣствованіе Муйядово содержитъ въ себѣ настоящую истинну. Впрочемъ нетрудно и васъ въ томъ удостовѣрить; повелите только духомъ вамъ повинующимся, что бы они Абдераима и Принцессу Каризмскую въ сіи мѣста перенесли; и я васъ обнадеживаю, что повелѣніе ваше въ одну минуту исполнится. Ахъ! государь, сказалъ тогда Муйядъ, бросясъ къ ногамъ Кофробовымъ, уговори сихъ преславныхъ Перицъ, что бы онѣ показали мнѣ сію милость, сколь я поступками моими ни недосто-

стоинъ оной. Признавать свои погрѣшности, и въ нихъ разкаиваться, значитъ чести исполненнаго человѣка, сказалъ Иманъ; и нашъ Пророкъ, проницая во глубину твоего сердца, даруетъ тебѣ сію милость, какъ для твоего удовольствія, такъ и для собственной своей славы. Тогда по данному имъ знаку, подняли завѣсу, и Абдераимъ съ Царатъ-Алъ-Ріадою вступили въ залъ. Неможно изобразить удивленія всѣхъ зрителей, и чрезмѣрной радости, чувствуемой Муйядомъ, увидя своего родителя: Милостивый Государь, сказалъ онъ ему, бросившисъ къ его ногамъ, ты видишъ предъ собой такого сына, который на тебя, ни на Принцессу Каризмскую взглянуть не смѣетъ; поступокъ его дѣлаетъ ево милостей вашихъ недостойнымъ; но есьли чистосердечное разкаяніе,

что васъ толь чувствительно озлобилъ, можетъ поколѣбать васъ къ сожалѣнію надъ нимъ, то онъ требуетъ отъ васъ возвращенія вашей родительской горячности съ преданностію такого сына, который на семъ же мѣстѣ прекратитъ жизнь свою, есьли послѣдуете движеніямъ справедливаго на нево вашего гнѣва.

Абдераимъ и Царатъ-Алъ-Ріада видя себя въ безъ извѣстномъ мѣстѣ, и нашедъ тамъ своего сына, приведены были въ такое удивленіе, что нѣсколько времяни не могли нислова промолвить. Какою сверьхъ естественною властію, говорили они ему, находимся мы въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ? какимъ образомъ занесены мы во оныя? кому обязаны мы тѣмъ? Пророку Магомету обязаны вы за то благодарностію, сказалъ тогда Кофробъ;

робъ; и Абдераимъ, учинившій толико путешествій въ гораздо меньшее время, недолженъ дивиться, что изъ Караванъ-Сераля Султана Тангутскаго пренесенъ въ нѣсколько минутъ въ сей дворецъ. Правда, Государь, сказалъ на то Абдераимъ, имѣя съ собой толико чудесныхъ и утѣшительныхъ приключеній недолженъ я ни чему дивиться; но признаюсь, что немогу симъ произшествіемъ нетронуться, понеже оное возвращаетъ мнѣ сына, котораго съ Принцессою оплакивалъ въ ту самую минуту, въ которую ево обрѣтаю.

Государь, промолвила Гегернаца, сей дражайшій сынъ твой расказалъ намъ только лишъ теперь всю твою исторію до самыхъ тѣхъ поръ, какъ прельстясь обманчивыми представленіями трехъ своихъ товарищей, тебя оставилъ; сіе повѣствова-

ніе

нїе причинило всѣмъ намъ великое удовольствїе, и я увѣрена, что приключившееся съ тобой послѣ твоей съ нимъ разлуки, достойно такъ же нашего любопытства; но я не смѣю просить тебя расказать намъ теперь оное; мы не хотимъ лишить тебя и Принцессу удовольствїя, чувствуемаго вами отъ свиданїя вашего съ Муйядомъ; вы можете наслаждаться онымъ свободно; васъ отведутъ въ особливый покой, гдѣ найдете всѿ нужное; а завтре о эту же пору льстимся неоткажете намъ въ повѣствованїи безъизвѣстныхъ намъ твоихъ приключенїй.

Абдераимъ изъясня Султаншамъ, что онъ всегда готовъ, показать ему знаки своего къ нимъ почитанїя и послушанїя, увѣрялъ ихъ, что онъ завтре непраминетъ расказать имъ свою исторїю; послѣ чего пошелъ съ

своей супругой и съ своимъ сыномъ въ назначенныя для нихъ комнаты, гдѣ Муйядъ испрося уродителей своихъ прощеніе, получилъ отъ нихъ нѣжнѣйшія ласки, и обьявилъ имъ, что они въ Гинистанѣ находятся; и въ семъ мнѣніи подтверждало ихъ тѣмъ болѣе какъ чудесное ихъ въ сей дворецъ перенесеніе, такъ и собственныя ихъ приключеніи. И такъ будучи увѣрены, что они въ чертогахъ Перицъ находятся, и что произшедшему тамъ съ ними онѣ причиною, чуть только на другій день предъ нихъ предстали, то павъ къ ногамъ ихъ, изъявляли имъ, сколь великою благодарностію они имъ обязаны; и Абдераимъ примѣтя, что онѣ съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидаютъ его повѣствованія, началъ оное такъ:

ВЕЧЕРЪ LXXVI.

Продолженїе Исторїи Абдерайма, повѣствуемой имъ самимъ.

Отсутсвїе Муйяда причиняло мнѣ толь чувствительное неудовольствїе, что съ печали чуть было нелишился жизни. Цѣлыя двѣ недѣли ожидалъ я его возвращенїя; но по прошествїи сего времяни не имѣя о немъ ни какого извѣстїя, вознамѣрился ево искать самъ; я заперъ свой домъ, оставилъ на столикѣ въ сдѣланной въ заднихъ воротахъ тайной комнатѣ писмецо, въ которомъ въ короткихъ словахъ изобразилъ ему плачевное мое состоянїе съ тѣмъ, что бы онъ возвратясь безъ меня могъ узнать объ ономъ. Я недогадался ѣхать сперва въ Туркестанъ, а отъ туда въ Моголистанъ и въ Индїю, гдѣ онъ, какъ вчера мнѣ сказывалъ,

валъ, ѣздилъ. По прошествїи года въ одинъ день весьма поздо прибылъ я въ одно не подалеку отъ Агры лѣжащее мѣстечко, и ночь застигла меня подлѣ прекрасно-выстроенной мѣчети. Незная ни мало, что со мной послѣдуетъ, намѣрился я лѣчь на паперти сего храма, и располагаясь то исполнить, удивился чрезмѣрно, увидя, что оный былъ не запертъ; я взошелъ въ нево, и осматривая ево по средствомъ свѣта, произходящаго отъ трехъ лампадъ, стоящихъ предъ Истуканомъ Рама, къ которому сїи идолопоклонники величайшее почтенїе имѣютъ, и будучи отъ путешествїя крайнѣ утружденъ, думалъ, что въ семъ мѣстѣ могу покоемъ наслаждаться. И такъ положа препроводить тамъ ночь, заперъ двѣри, и лутчее для сна мѣсто показалось мнѣ засимъ Истуканомъ ложнаго бога; я

уже начиналъ засыпать, какъ вдругъ услышалъ подлѣ немя стукъ, который привлекъ мое вниманіе. Я увидѣлъ, что приступъ, находящейся подлѣ сего Истукана, и ведущій въ нѣкоторый родъ олтаря, поднялся, и два брамина показались. братъ, сказалъ изъ нихъ одинъ другому, я ожидаю въ сію ночь сладинькой кусочикъ, а имянно дѣвочку лѣтъ въ четырнадцать, и собой весьма прекрасную; она называется Асферою, дочь одного здѣшняго богатаго купца. Я въ нее такъ влюбился, что для удовлетворенія моей страсти не нашелъ надежнѣйшаго средства, какъ обьявить ея отцу, что она имѣла счастіе, понравиться нашему богу Раму, что онъ желаетъ видѣть ее сей ночи въ семъ храмѣ, для раздѣленія съ ней ложа, и что есьли онъ будетъ ею доволенъ, то хочетъ ви-

видѣть ее у себя цѣлую недѣлю съ ряду. Отецъ ея будучи недальнаго ума, но чрезмѣрно суевѣренъ, обрадовался сему избранію; и я думаю, что чрезъ полчаса приведетъ онъ сюда самъ прелестную Асферу; для того хочу облечься въ пристойную намъ въ таковыхъ случаяхъ одѣжду.

О! и я тоже скажу, отвѣтствовалъ другій браминъ, что Асфера совершенная красавица: тому уже нѣсколько времяни, что и я въ нее влюбленъ, и конечно бы тебя предъ упредилъ, есьли бы не почиталъ ее весьма молодою; но по крайнѣй мѣрѣ пожалуй уступи ее мнѣ, когда не будешъ находить въ ней болѣе приятностей. Съ великою охотою, отвѣтствовалъ первый браминъ; по прошествіи недѣльнаго срока потребую я ее еще на недѣлю, и отдамъ тебѣ въ

руки;

руки; теперь же помоги мнѣ, одѣться богомъ Рамомъ, и будь увѣренъ, что я должность свою весьма исправно исполню.

Сей нечестивецъ нарядясъ въ такое же одѣяніе, въ какомъ былъ Истуканъ Лжебога Рама, пошелъ потихоньку къ дверямъ, и растворилъ ихъ настишъ; послѣ чего съ товарищемъ своимъ взошелъ въ трапезу, и ожидалъ, по видимому съ нетерпѣливостію, пришествія сей несчастной жертвы слѣпаго суевѣрія язычниковъ.

На конецъ Асфера пришла въ провожаніи своего отца; и взошедъ въ мѣчеть: Дражайшая дочь, сказалъ онъ ей, возхвали нашего бога Рама, что онъ возхотѣлъ съ тобой соединиться; честь сія простирается на всю мою семью, которая усугубитъ свое къ нему почитаніе, и чрезъ то еще въ большее придетъ во всемъ семъ мѣстѣ почтеніе. Послѣ сего кра-

краткаго увѣщанія вышелъ онъ изъ храма, и притворивъ двѣри, которыя тотъ часъ заперлисъ, оставилъ дочь свою на удовлетвореніе желаній достойнаго таковаго бога жертвоприносителя.

Тогда Асфера чувствуя въ себѣ ревнованіе къ своему закону, пала по наставленію своего родителя ничь; и между тѣмъ какъ сія невинная жертва возсылала къ Джебогу Раму теплыя молитвы: О небо! говорилъ я самъ въ себѣ, для чего терпишъ ты, чтобы злодѣи обманывали толь мерзостно народъ суевѣрный, и безчестили ихъ женъ и дочерей? Великій Магометъ! для чего непускаешъ ты на сихъ хищниковъ праведнаго твоего грома? О! есьли бы жертвуя собственною моею жизнію, могъ я толь мерзостную разрушить секту.

ВЕЧЕРЪ LXXVII.

Продолженїе исторїи Абдерайма, повѣствуемой имъ самимъ.

Чуть только скончалъ я сей родъ молитвы, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ священномъ восхищенiи, и казалось, будто внушаемъ былъ великимъ нашимъ Пророкомъ; я ожидалъ, чтобы безбожный браминъ вышелъ изъ потаенной своей комнаты, подняль невинную Асферу, и изъяснилъ ей страсть свою; и какъ сія дѣвица помрачась блѣскомъ сего обманщика, уже намѣрялась съ почтенiемъ прiять его мерзостные ласканiи, то я выступя изъ своего мѣста, и обнажа саблю, повергъ брамина къ ногамъ моимъ мертва.

Асфера приведена была симъ случаемъ въ толь великое удивленiе, что почти безъ памяти пала

пала на стоящую подлѣ кровать, на которой было надлежало ей съ тѣмъ обманщикомъ препроводить ночь; но я взявъ ее за руку: Прекрасная Асфера, сказалъ ей, нестрашись ничего, ты обрѣтаешь во мнѣ защитника невинности; я Магометъ, который раздражась мерзостями сихъ хищниковъ, намѣрился храмъ, идола и вѣру ихъ разрушить. Тогда показалъ я ей ходъ въ подземельныя комнаты, и изъяснилъ обманъ тѣхъ злодѣевъ; растолковалъ при томъ, что рамъ, котораго у нихъ богомъ почитали, ничто иное, какъ Кумиръ, сдѣланный человѣческими руками. Я спасъ твою честь, сказалъ я ей; я отведу тебя къ твоему родителю; скажи ему отъ меня, чтобы онъ прежде еще возхожденія солнца собралъ всѣхъ своихъ единовѣрцовъ, пошелъ съ ними во храмъ, и посмотрѣлъ, какому

кому богу приносилъ онъ тебя на жертву; повели ему моимъ имянемъ порубить всѣхъ сихъ мерзкихъ священниковъ вашего Рама, и увѣрь ево, что есьли всѣ язычники сего мѣста не признаютъ въ сей же день единаго бога, то съ небесъ посланъ будетъ на нихъ огнь, который обратитъ всѣхъ ихъ въ прахъ.

Въ сïе время восхищенъ я былъ толь священною ревностïю, продолжалъ Абдераимъ, что конечно показался Асферѣ какимъ нибудь существомъ, превосходящимъ человѣчество. Удостовѣрясь въ словахъ моихъ, отреклась она при мнѣ въ ту же минуту отъ идолопоклонства; и я вышедъ съ ней изъ храма, не заперши при томъ двѣрей онаго, проводилъ ее до ея двора, который на самомъ углу не подалеку лѣжащей улицы находился; пришедъ ко оному, стучалъ

чалъ изо всей силы, и примѣтя, что отпирать выходятъ, воспользовался ночною темнотою, и ушелъ въ другую улицу такъ, что сія дѣвица не нашедъ меня подлѣ себя, когда отперли ей ворота, несомнѣвалась болѣе, чтобы я не скрылся отъ нее въ ту минуту, когда помощъ моя ей нимало не была нужна.

Асфера исполнила кажется съ точностію данные мной ей повелѣніи, и весьма легко могла отца своего увѣрить въ обманѣ браминовомъ; ибо собравъ въ томъ же часъ всѣхъ язычниковъ, жившихъ въ томъ мѣстѣ, и пришедъ во храмъ, чуть только смертію ложнаго бога, котораго они узнали, удостовѣрились въ неистовствѣ своихъ жрецовъ, и въ злоупотребленіи сихъ злодѣевъ смѣшною ихъ вѣрою, отречась единогласно отъ оной, послали за Агрскимъ кадіемъ,

велѣли объявить ему произшедшее съ Асферою , и просили ево къ нимъ приѣхать незамедля, и осмотрѣть во храмѣ. Всю сїе исполнено было съ такою скоростїю и тайностїю, что протчїе брамины находились еще въ глубокомъ снѣ, какъ Кади взошедъ съ своими приставами въ ихъ обитель чрезъ подземные ходы, взялъ ихъ подъ караулъ. Ихъ отвели въ Агру окованныхъ, и они на другїй день въ пыткѣ признались въ своемъ обманѣ и неистовствѣ, за что на площади сожжены были ; храмъ и обитель ихъ до подошвы раззорены, Кумиръ ихъ изрубленъ ; а язычники того мѣста и жители Агрскїе приняли всѣ Магометанскїй законъ, и тотъ день почитаемъ былъ у нихъ славнѣйшимъ и самымъ достопамятнымъ.

Что до меня касается, то я нимало непоказывалъ, что въ

семъ

семъ приключеніи имѣлъ участіе; но доволенъ будучи употребленною мной хитростію къ разпространенію закона нашего Пророка, похвалялъ себя внутренно; и послѣ того въ третій день пребыванія моего въ Агрѣ показался мнѣ во снѣ Магометъ. Абдераимъ, сказалъ онъ мнѣ, я тобой совершенно доволенъ, ты намѣренія мои исполнилъ въ самой точности; храмъ язычниковъ разрушенъ, законъ ихъ уничтоженъ, а возстановленъ мой, и всё сіе произведено въ толь краткое время и твоимъ посредствомъ; я хочу наградить тебя за толь великое дѣло: но какъ немогу противиться написанному на *Гемалъ Кетабѣ*, то есть на *Доскѣ Свѣта*, и ты еще долго неможешь соединиться съ твоею супругою и съ твоимъ сыномъ; то въ сіе время потщусь подавать тебѣ въ скукѣ

 твоей

твоей всякое утѣшенїе; для сего самъ провожу тебя въ прохладное мѣсто, гдѣ нѣкоимъ неисповѣдимымъ для тебя образомъ увидишъ ты увеселенїи приуготовляемые истиннымъ Музульманамъ.

ВЕЧЕРЪ LXXVIII.

Продолженїе Исторїи Абдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Тогда Пророкъ взявъ меня за холодъ, который мы всѣ носимъ, и менѣе мгновенїя ока принесъ меня къ одному огромному зданїю, сдѣланному изъ самаго чистаго жемчуга, и въ которое врата были изумрудные, а замокъ изъ самаго лутчаго злата; при чемъ оное было столь высоко, что есьли бы, какъ то увѣрялъ меня Магометъ, всѣ люди собра-

собралисъ поверхъ онаго, что бы они во очахъ нашимъ показалисъ самыми малинькими птичками, сидящими на высокомъ древѣ. Принеся туда, поставилъ меня на землю, и повелѣлъ мнѣ проговорить сіи таинственные слова: *Бисмилла Иррагманъ Иррагимъ*.

Чуть только произнесъ я оные, продолжалъ Абдераимъ, какъ врата вдругъ сами отворилисъ; я взошелъ подъ навѣсу, которой красота и блѣскъ отъ драгоцѣнныхъ камней произходящей помрачили взоръ мой столь сильно, что я нѣсколько времяни стоялъ неподвижимъ и въ непонятномъ мнѣ изумленіи.

Собравшисъ паки съ чувствами, не увидѣлъ уже болѣе Пророка; но подлѣ меня стоялъ нѣкій священный Духъ, который говорилъ мнѣ такъ. О! блаженный человѣкъ, понеже ты другъ

Пророка Магомета, то я имѣю повелѣніе показать тебѣ всѣ рѣдкости сего мѣста; взгляни подъ сей великолѣпный навѣсъ; тамъ находятся четыре рѣки, изъ которыхъ въ одной течетъ самая чистая вода, въ другой млеко, въ третьей вино, а въ четвертой медъ. Знай, что произнесшій отъ искренняго сердца тѣ священные слова, которые отверзли тебѣ врата въ сіе прохладное мѣсто, испіетъ отъ пріятнаго и сладкаго напитка сихъ четырехъ рѣкъ, отъ чего явятся надъ нимъ толь чрезвычайные чудеса, что оные неисповѣдующему законъ Магометовъ покажутся невѣроятными; но тебѣ, яко споспѣшествователю обращенія въ оной язычниковъ, выведенныхъ тобой изъ пагубнаго для нихъ заблужденія; покажу часть чудесъ сихъ: ступай въ сей прохладный садъ, разсмотри сіе

сїе великое древо, которое называется *Туба*, корень онаго изъ жемчуга, вѣтви изъ изумрудовъ, а листья изъ самого тонкаго шелку; оно имѣетъ до семидесяти тысячь вѣтвей, изъ коихъ каждая досязаетъ до свода, на которомъ находится престолъ исповѣдуемаго нами великаго бога, такъ что нѣтъ ни одного въ Раю мѣста, которому бы несообщало оно своей тѣни, и всѣ тамошнїе обитатели могутъ срывать съ онаго разные плоды по своему вкусу, и сколько кому похочется.

Видишъ ли ты, продолжалъ духъ, то другое древо, у котораго на концѣ вѣтвей виситъ безчисленное множество изтканныхъ изъ злата камзоловъ, а по верхъ онаго крылатые кони въ золотыхъ сѣдлахъ, украшенныхъ жемчугомъ и рубинами. Оные кони употребляются боль-

шими и малыми нашими пророками и всѣми угодниками, когда они ѣздятъ въ рай для насыщенія себя зрѣніемъ неописанныхъ богатствъ онаго. А какъ ты исполнилъ съ точностію самые важнѣйшіе повѣленіи Магометовы, продолжалъ духъ, и язычниковъ привелъ въ его вѣру, то тебѣ позволяется, сѣсть на одного изъ сихъ коней. Тогда два крылатые коня отвязавшисъ отъ древа, къ намъ прилѣтели; мы на нихъ сѣли, и всю̂ сіе священное мѣсто проѣхали съ непонятною уму человѣческому скоростію, при томъ и всѣ представляющіеся намъ предмѣты можно было разсмотрѣть подробно.

Ни коимъ образомъ не возможно, преславныя Персцы, продолжалъ Абдераимъ, расказать вамъ обстоятельно о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ мной въ семъ священ-

щенномъ жилищѣ; но всего болѣе прельстила меня одна изъ тамошнихъ прекрасныхъ чернобровыхъ дѣвъ, которая вышла изъ своего жилища, когда мы мимо онаго проѣжжали. Надъ глазами держала она руки, дабы отъ чрезмѣрнаго свѣта прикрытыя, и насъ разсмотрѣть.

Чуть только увидѣла она меня съ моимъ провожатымъ, какъ вдругъ подняла превеликiй хохотъ; и растворя свои уста, произшелъ отъ прекрасныхъ ея зубовъ толикiй блѣскъ, что по всему раю удивительный свѣтъ разпространился.

Духъ удивленный взоромъ сей красоты, сiяющей таковымъ блѣскомъ, потупилъ глаза для оказанiя ей тѣмъ болѣе почтенiя: но она говорила ему: *Хранитель тайностей великаго Пророка, позри на меня.* Духъ ей повиновался, возвелъ на нее

свои очи, и отвѣтствовалъ такъ: *я изъ числа тѣхъ, которые безпрестанно славятъ имя своего Создателя. Я тебя довольно знаю,* сказала сїя дѣва, *но ты неможешъ догадаться, кто я такая?* Духъ показалъ ей своимъ молчанїемъ, что ему существо ея безъ извѣстно: Я, продолжала она, *одна изъ числа прекрасныхъ дѣвъ, созданныхъ для удовлетворенїя желанїй тѣхъ счастливыхъ людей, которые пожелаютъ обитать со мной въ семъ священномъ мѣстѣ.*

ВЕЧЕРЪ LXXIX.

Продолженїе Исторїй Абдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Духъ мой провожатый, продолжалъ Абдераимъ, показалъ мнѣ

мнѣ источникъ двухъ чиститeльныхъ Водометовъ, погасающихъ ревнивость, зависть, вѣроломство и другїе сему подобные пороки, коимъ люди подвержены бываютъ; и изъ сихъ Водометовъ долженъ пить всякїй праведный прежде своего въ Рай вступленїя. Онъ проводилъ меня къ пруду нашего Пророка, въ которомъ всякїй правовѣрный погрузиться и главу себѣ омыть долженъ, и изъ коего по томъ выходитъ онъ съ лицемъ гораздо свѣтлѣйшемъ и прекраснѣйшемъ луны, когда она въ четырнадцатый день является. По семъ разсматривалъ со особливымъ вниманїемъ семь стѣнъ, окружающїя сїе толь священное мѣсто, изъ коихъ каждая толь великїй блѣскъ отъ себя производитъ, что оный болѣе нежели на пятидневное путешествїе простирается.

Проѣж-

Проѣжжая такимъ образомъ чрезъ толико прекрасныхъ мѣстъ съ непостижимою скоростїю, примѣчалъ я часто въ округъ себя благополучныхъ обитателей сего священнаго жилища; они казались мнѣ веселыми, молодыми; глаза у нихъ сїяли подобно звѣздамъ; усы имѣли они самого прекраснаго зеленаго цвѣта, для отличенїя ихъ отъ женскаго пола; вкушали они самые прїятнѣйшїе ѣства, не чрезъ огнь приуготовляемые; всего же болѣе удивляло меня, что по насыщенїи ихъ, показывались на воздухѣ птицы, изъ коихъ многїя лѣтая надъ главами сихъ избранниковъ, говорили имъ: *Я такая птица, которой кости подобны перблюжьимъ, которая пила чистую воду изъ источниковъ Салсебильскаго и Кѣафурскаго, и которая по томъ насыща-*

лась

лась благовонными травами, въ Раю ростущими. блаженные чуть только пожелають, вкусить отъ птицъ сихъ, какъ онѣ падали къ нимъ на столъ совсѣмъ изжарены и приуготовлены по вкусу каждаго; а по томъ нѣкоимъ величайшимъ чудомъ возкрѣшали онѣ вдругъ и отъ туда обратно улѣтали.

Духъ примѣтя мое удивленїе: Не дивисъ, сказалъ мнѣ, тобой видѣнному; сїи птицы, которыхъ мясо, сколько ни ѣшъ, никогда неумаляется, суть истинное подобїе Алькорана, коимъ всякой можетъ пользоваться, чтенїе котораго никогда никому не наскучитъ, и сила коего ни чемъ неуменьшится. Тогда прилѣтя къ тому же зданїю, отъ котораго началосъ наше путешествїе, сошли мы съ лошадей, кои на прежнїе свои мѣста возвратились; духъ отъ меня сокрыл-

крылся, я увидѣлъ паки Пророка, простерся къ ногамъ его для возблагодаренїя ему за ту милость, которую онъ не многимъ смертнымъ являетъ. Я отнесу тебя обратно на землю, сказалъ онъ мнѣ, тамъ найдешъ одного изъ моихъ любимцовъ, который подастъ тебѣ всевозможное спомоществованїе. Но скажи мнѣ, сколько ты, думаешъ, пробылъ въ семъ прохладномъ мѣстѣ? О! Великїй Пророкъ, отвѣтствовалъ я, врядъ проводилъ ли я тамъ болѣе семи минутъ? Ты пробылъ тамъ болѣе семи лѣтъ, сказалъ онъ мнѣ; вотъ какъ протекаютъ часы въ вѣчномъ жилищѣ тѣхъ, которые повелѣнїямъ моимъ повинуются.

Объяви моимъ правовѣрнымъ о семъ толь чудесномъ произшествїи; несчастливъ неимущїй вѣры рѣчамъ твоимъ. Тогда взявъ меня

паки за хохолъ, отнесъ на паперть одной мечети, гдѣ и оставилъ меня спящаго. Всю мной вами расказанное почелъ бы я конечно сномъ, есьли бы вспомня, что я лѣгъ спать въ Караванъ-Сералѣ въ Агрѣ, не увидѣлъ себя на паперти мѣчети города Тангута; и что тому уже прошло семь лѣтъ, какъ я въ Агрѣ находился.

Перьвое мое старанїе было, взойти въ мѣчеть для приношенїя тамъ благодаренїя нашему Пророку за оказанныя мнѣ имъ милости; и по выслушанїи въ оной молитвы получа отъ Имана позволенїе, говорить народу, началъ я ему расказывать о путешествїи моемъ въ Рай съ такимъ краснорѣчїемъ, которое конечно внушалъ въ меня самъ Пророкъ. Хотя обьявлялъ я имъ о дѣлахъ весьма маловѣроятныхъ; однако никто неказался мнѣ въ томъ противорѣчить; но на противъ

тивъ того всѣ слушатели взирали на меня со особливымъ почтенїемъ, и Султанъ Тангутскїй узная о моемъ народу повѣствованїи, прислалъ къ Иману, который взялъ меня къ себѣ въ домъ, просить меня къ себѣ во дворѣцъ.

У воротъ Имановыхъ увидѣлъ я великолѣпно убранную лошадь; я на нее сѣлъ, и четверо Имановъ, въ числѣ коихъ и хозяинъ мой находился, ѣхали со мной погороду въ провожанїи всего народа, усыпающаго меня благословенїями. Прибывъ во дворецъ приняли меня знатнѣйшїе придворные съ великимъ почтенїемъ; и какъ я пришедъ къ Султану, хотѣлъ было пасть предъ нимъ на колѣни, то онъ далъ мнѣ знать, что съ не описанною нетерпеливостїю желаетъ знать мою исторїю; я удовольствовалъ ево немедлѣнно, и разпространясъ

весьма

весьма много о оказанныхъ на до мной нашимъ Пророкомъ великихъ чудесахъ, тронулъ его сею повѣстію столь много, что онъ проливъ слезы: О! божественный человѣкъ, другъ нашего Пророка, сказалъ мнѣ, сколь благополученъ ты, видя въ жизни своей столь удивительные чудеса! сколь ни невѣроятными оные быть кажутся, однако я точно удостовѣренъ, что оные истинны. Я прошу тебя о наставленіи одной изъ моихъ Султаншъ, которая недовольно кажется увѣренною въ истиннѣ нашего закона: я безъ всякой боязни хочу ее представить взорамъ такого смертнаго, который несравненныя красоты Гурій видѣлъ.

О! Милостивый Государь, сказалъ я ему, сіе зреніе, хотя и неудобно ни къ какому изъясненію, не истребило изъ мыслей моихъ Принцессы Каризмской; и

чемъ

чемъ ближе приходитъ та минута, въ которую я долженъ съ ней соединиться, тѣмъ болѣе умножается нетерпѣливость моя увидѣться со обожаемою мной супругой. Сїе тѣмъ болѣе заставляетъ меня показать тебѣ Султаншу, сказалъ онъ мнѣ, потому что ты имѣя сердце наполненное толь сильною страстїю, не можешъ прельститься никакою красотою; но я тебя увѣряю, что она подобна тѣмъ прекраснымъ чернобровымъ дѣвамъ, которыхъ ты видѣлъ во время твоего чудеснаго путешествїя. Изрядно же, Государь, сказалъ я на то, когда ты того желаешъ, то пойду къ сей Султаншѣ; но клянусь тебѣ бѣлымъ камнемъ принесеннымъ Адамомъ изъ раю, и доставшимся по наслѣдству Ибраиму, Измаилу и его потомкамъ, что красота ея, сколь бы ни была велика, не въ состоянїи умень-

уменьшить сильной моей любви кЪ Царать-АлЪ-ріадѢ. Что до меня касается, сказалЪ тогда СултанЪ, я кЪ Абдераиму толь великое почтеніе имѢю, что сколь ни много обожаю сію Султаншу; однако клянусЪ моею главою, что уступлю ему ее сЪ великою охотою, есьли прельститься онЪ ея красотою.

По сихЪ словахЪ СултанЪ взявЪ меня за руку, повелЪ во внутренные свои покои; мы взошли вЪ великолѢпной залЪ, гдѢ первый предмѢтЪ представившійся нашему взору, была Принцесса Каризмская, сЪ которою я толь долгое время находился вЪ разлученіи. Сей случай тронулЪ меня столь чрезмѢрно, а особливо когда представлялЪ себѢ, что сія Принцесса супругою Султана, что пронзенЪ будучи жесточайшею печалью, палЪ я безчувственЪ на близЪ стоящую софу.

ВЕ-

ВЕЧЕРЪ LXXX.

Конецъ Исторїи Абдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Я болѣе получаса немогъ собраться съ силами; и тогда увидѣлъ себя во объятїяхъ Царатъ-Алъ-рїады. Султанъ Тангутскїй видя, въ какомъ состоянїи я находился, и представляя себѣ, что во оное приведенъ его словами: Успокойся дражайшїй Абдераимъ, сказалъ онъ мнѣ, меня обнимая, Принцесса Каризмская не въ числѣ моихъ супругъ; Султанша мать ея была мнѣ сестра; въ Сералѣ моемъ находится она весьма страннымъ образомъ.

Толь неожидаемое объявленїе возвратило мнѣ жизнь; и какъ Султанъ оставилъ меня съ ней наединѣ, то я расказалъ ей случившїеся со мной послѣ нашей разлуки приключенїи; она имъ весьма удивлялась, и послѣ того

го по прозбѣ моей расказала мнѣ, что съ ней происходило, слѣдующимъ образомъ.

Исторїя Принцессы Царатъ-Алъ-Рїады, повѣствуемая Абдераимомъ.

Ты легко познать можешъ, дражайшїй Абдераимъ, говорила мнѣ Принцесса, сколь велика была моя печаль, когда ты съ Муйядомъ невозвратился ко мнѣ въ тотъ вечеръ, въ который васъ вѣроломный корабленачальникъ продалъ: онъ показывалъ, будто васъ ищетъ; и не имѣя о васъ никакого извѣстїя, говорилъ мнѣ съ притворнымъ сожалѣнїемъ, что вы конечно отъ берега удалившисъ, попалисъ тиграмъ, коихъ въ томъ мѣстѣ великое множество. Я словамъ его повѣрила, и отчаянїе мое было столь

 велико,

велико, что твердое положила намѣренїе лишить себя жизни.

Цѣлые три дни не принимала я никакой пищи, сколь много меня сей злодѣй ни уговаривалъ; и какъ онъ старался всячески, склонить меня взойти на его корабль, то видя всѣ прилагаемые имъ къ тому труды тщетными, употребилъ весьма удачливо хитрость: Милостивая Государыня, сказалъ онъ мнѣ, супругъ твой и сынъ не умерли; я отъ одного изъ здѣшнихъ жителей увѣдомился, что они на отъѣхавшей отъ сюда послѣднїй корабль захвачены; начальникъ онаго привыкъ производить такїе злодѣйства; я знаю, что онъ человѣкъ весьма безчестный; корабль мой гораздо легче его, я совсѣмъ уже готовъ къ выходу, и льщусь, что догоню ево прежде нежели взойдетъ въ какую гавань, и хочу лутче жертвовать

вать моею жизнїю, нежели стерпѣть толь чувствительное оскорбленїе, мнѣ имъ причиненное.

Прельстясь толь честнымъ по наружности намѣренїемъ, и надѣждою увидѣться съ вами, приняла я пищу, взошла къ нему на корабль, и мы немедлѣнно оставили гавань; но чуть только вступили мы въ море, какъ вѣроломецъ взошедъ въ отведенную мнѣ имъ каюту: Объявленное тебѣ, сказалъ мнѣ, о похищенїи твоего супруга и сына мной выдумано; они въ самомъ дѣлѣ разтерзаны тиграми; но я почиталъ за безчеловѣчїе допустить тебя терзаться жесточайшею печалїю; оная трогала меня тѣмъ болѣе, что я чувствую къ тебѣ сильнѣйшую страсть; и только отъ тебя самой зависитъ, наградить сїю потерю, удостоя меня принятїемъ себѣ въ супруга.

Сїе изъясненїе сдѣлало меня неподвижною; по томъ разсуждая о его поступкѣ: Ахъ! злодѣй, вскричала я, теперь довольно вижу, что ты причиною лишенїя жизни или свободы моего супруга и сына; ты почиталъ ихъ конечно непобѣдимыми препятствїями мерзостнымъ твоимъ желанїямъ; но знай, что я съ охотою претерплю мучительнѣйшую смерть, нежели соглашусь на удовлетворенїе ужасныхъ твоихъ предприятїй.

Онъ будучи весьма горячїй человѣкъ, немогъ безъ ярости снести толь жестокаго выговора. Я даю тебѣ часъ сроку на размышленїе о предлагаемомъ мной тебѣ, сказалъ онъ мнѣ съ наполненными яростїю очами; по прошествїи же сего времяни страшись дѣйствїй справедливаго моего гнѣва и мщенїя. Раздраженная моя любовь не будешъ

болѣе

болѣе имѣть ни малѣйшей въ разсужденіи тебя умѣренности.

По сихъ словахъ вышелъ онъ изъ моей каюты, и оставилъ въ несноснѣйшемъ состояніи; я проливала горчайшія слезы; и какъ уже назначенный имъ мнѣ срокъ приближался, то я отъ всего моего сердца призывая Пророка на помощь, почувствовала себя вдругъ укрѣпленною отъ всѣхъ предприятій моего мучителя; мужество мое умножалось отъ часу болѣе, и я искала въ стоящихъ въ каютѣ моемъ сундукахъ какого нибудь оружія. По счастію нашла саблю; съ ней ожидала пришедствія моего злодѣя, твердое положа намѣреніе, лишить ево жизни; я стала за дверьми, которыя онъ накрѣпко заперъ. Онъ исполнилъ свое слово, и чуть только по прошествіи даннаго мнѣ имъ срока показался онъ ко мнѣ въ каюту,

 что

что я однимъ махомъ срубила ему голову, и взявъ оную за волосы, вышла на палубу, и бывшимъ тамъ говорила такъ: Вотъ голова безчестнаго вашего предводителя; инымъ образомъ не могла я поступить съ такимъ злодѣемъ, который лиша жизни или вольности моего супруга и сына, хотѣлъ Принцессу Каризмскую лишить чести, которая ей всего дороже на свѣтѣ.

*(✿)**(✿)**(✿)* *(✿)**(✿ **(✿)*

ВЕЧЕРЪ LXXXI.

Продолженіе исторіи Царя Аль-Ріады, повѣствуемой Абдераимомъ.

Корабленачальникъ былъ конечно не весьма любимъ своими подчиненными; потому что никто не раздражался симъ моимъ съ нимъ поступкомъ; но на противъ того должествующій

вступ-

вступить на его мѣсто отвѣтствовалъ мнѣ такъ: Милостивая Государыня! нѣтъ ни одного на семъ кораблѣ человѣка, который бы не готовъ былъ ко оказанію должнаго полу и состоянію твоему почтенія; есьли бы злосердые намѣреніи нашего предводителя были намъ извѣстны, то могу тебя увѣрить, что не взирая на всю его власть и богатство, принадлежащее ему на семъ кораблѣ большею частію, не могъ бы онъ разполагать тобой по своему произволенію; а что бы доказать тебѣ, сколь много мы имѣемъ къ тебѣ почтенія, то удостой насъ, что бы мы единственно въ твоихъ повелѣніяхъ состояли.

Я еще не успѣла на толь вежливое и неожидаемое изъясненіе отвѣтствовать, какъ всѣ находящіеся на кораблѣ люди подняли превеликій крикъ изъявляющій

щій согласіе ихъ на предложеніе сего чиноначальника; и какъ всякій подходилъ ко мнѣ съ радостнымъ поздравленіемъ, то почла за непристойность отъ отдаваемой мнѣ чести отрицаться. Дражайшій Абдераимъ, продолжала Принцесса, ты легко можешъ познать, въ какую радость, но при томъ и смятеніе была я тѣмъ приведена; я тотъ часъ собрала совѣтъ, и просила ихъ о избраніи себѣ кораблеправителя, и съ великимъ удовольствіемъ узнала, что къ тому назначенъ былъ тотъ, который говорилъ мнѣ толь лестную рѣчь.

Новый корабленачальникъ вступя въ сіе достоинство, приказалъ тѣло предшественника своего разрубить на чатыре части и бросить въ море; по томъ спрося меня, въ которую сторону желаю я ѣхать, и узная отъ

меня,

меня, что я весьма рада буду, есьли направятъ путь въ ближайшую отъ Каризма гавань, исполнилъ немедлѣнно мое требованïе; и мы около двухъ мѣсяцовъ плыли весьма благопрiятнымъ вѣтромъ: но принуждены будучи остановиться въ одной знакомой матрозамъ гавани для запасенïя себя съѣстными припасами, произошло съ нами весьма забавное приключенïе.

Корабленачальникъ намѣрился купить нѣсколько невольниковъ, которыми въ семъ мѣстѣ производился великïй торгъ; двое тамошнихъ жителей одинъ имянемъ *Окиланъ*, то есть *лѣтучïй змѣй*, а другïй *Ильдиримъ*, то есть *громъ*, будучи весьма худаго состоянïя, возъимѣли другъ къ другу толь сильную ненависть, что положили украсть другъ у друга женъ и продать ихъ на нашъ корабль, что испол-

нили почти въ одно время. Околанъ возвратившисъ ночью въ домъ къ Ильдириму, увелъ у нево жену, и угрожая ее лишенїемъ жизни, есьли скажетъ кому нибудь, что она вольная, привелъ ее къ нашему корабленачальнику и просилъ за нее сто золотыхъ: онъ удивляясъ толь высокой цѣнѣ говорилъ Окилану, что онъ только лишъ купилъ за половинную цѣну невольницу гораздо моложе и прекраснѣе: этому нельзя статься, говорилъ Окиланъ, наши жители очень великїе знатоки въ хорошихъ женщинахъ, и конечно не продали бы тебѣ за такую малую сумму; а есьли то правда, то я и эту продамъ тебѣ за туже цѣну. Мнѣ не трудно тебя въ томъ удостовѣрить, сказалъ корабленачальникъ; и тогда приказалъ привести купленную имъ невольницу. Окиланъ пришелъ въ величайшее удивле-

удивленіе и сердце, видя въ сей невольницѣ свою жену, и познав, что продана она Ильдиримомъ; но сколь ни много былъ онъ симъ произшествіемъ тронутъ; однако нестолько помышлялъ о избавленіи ее отъ рабства, сколько старался склонить ево купить у нево жену его неприятеля хотя за что нибудь, дабы лутче обѣ онѣ находились въ рабствѣ, и не одному ему единоземцы его смѣялись.

Между тѣмъ, какъ сіе толь странное дѣйствіе на кораблѣ у насъ произходило, Ильдиримъ веселился чрезмѣрно толь чувствительнымъ отмщеніемъ своему неприятелю; но съ какою печалію увѣдомился онъ, возвратясь домой, что въ то время, какъ онъ ходилъ къ Окилану, жена его была насильнымъ образомъ уведена; и онъ несомнѣвался, что бы тому причиною не

былъ его непріятель: въ разсужденіи того прибѣжалъ онъ къ намъ на корабль въ ту самую минуту, когда Окиланъ торговалъ у нашего корабленачальника свою жену; сіи два человѣка увидя другъ друга, воспалились жестокою яростію, поверглись въ море, и по видимому ни одинъ изъ нихъ нехотѣлъ непріятеля своего оставить, пока ево не утопитъ; но они оба погибли не взирая на то, сколь ни много старались, подать имъ помощъ, и вытащить ихъ изъ воды.

Увѣдая о семъ толь странномъ приключеніи, приказала я кликнуть къ себѣ ихъ женъ, и послала за комендантомъ того мѣста, съ тѣмъ, что бы ихъ ему отдать, обѣщая заплатить за нихъ нашему корабленачальнику издержанные на нихъ деньги; но онѣ казались мнѣ толь недовольны своими мужьями, и

во обще всѣми обывателями сего мѣста, что просили меня неотступно, взять ихъ съ собою вмѣстѣ.

Какъ у нихъ дѣтей небыло, и комендатъ отъѣзду ихъ не сопротивлялся, то я удержала ихъ у себя, и обѣщала сдѣлать счастливыми, когда въ Каризмъ возвратимся. Спустя по томъ нѣсколько часовъ отправилисъ мы въ путь; и увѣдая отъ нихъ, что на одной въ двенадцати миляхъ отъ сей гавани лѣжащей горѣ жилъ пустынникъ, который будущее предсказывалъ, вознамѣрилась я къ нему заѣхать, и спросить о дражайшемъ моемъ Абдераимѣ.

Я поѣхала къ нему, продолжала Принцесса, и нашла ево въ пещерѣ почти при последнемъ издыханіи. Я не успѣла еще ни одного сказать ему слова, какъ онъ увидя меня, говорилъ такъ:

Милостивая Государыня! ты знаешь, что тебѣ еще долгое время должно быть съ твоимъ супругомъ и сыномъ въ разлученіи. Теченіе сего времяни покажется тебѣ краткимъ только потому, какимъ образомъ препроведешъ оное; возвратисъ на корабль, подари весь грузъ находящимся наономъ людямъ, по тому что они сдѣлали тебя своею повелительницею; раздай остальные свои драгоцѣнные каменья чиновнымъ, и приди потомъ въ сіи мѣста съ сими двумя женщинами; здѣсь найдешъ всевозможное облегченіе въ своихъ несчастіяхъ.

Сей совѣтъ, сказала мнѣ тогда Царатъ-Алъ-Ріада, привелъ меня въ крайнее удивленіе; но я тотъ же часъ исполнила по оному съ точностію. Возвратиласъ на корабль, сдѣлала все имъ мнѣ повелѣнное, и не взирая на усиль-

усильные старанiи и прозьбы моихъ сопутниковъ, нехотѣла перемѣнить своего предприятiя, и требовала отъ нихъ, чтобъ они то мѣсто поскорее оставили.

По отбытiи ихъ пошла я къ жилищу того почтеннаго старца; но представь себѣ, въ коль великое удивленiе и скорбь приведена была, видя, что онъ языка и почти уже и жизни лишился; тогда взошла я на самый верьхъ горы въ томъ намѣренiи, что бы кораблю моему подать нѣкоторый знакъ; но оный уже въ толь дальномъ отъ берега разстоянiи находился, что я совсѣмъ потеряла надежду, вступипить обратно на оный, и предаласъ жесточайшему отчаянiю.

бывшiя со мной двѣ женщины, присовѣтовавшiя мнѣ къ сему старцу ѣхать, пришли въ великое смятенiе; но видя, что отъ злосчастiя нашего ни чемъ

немо-

неможемъ болѣе уклониться; старалась всячески ихъ ободрить; мы возвратились къ пустыннику въ пещеру, и пришли туда въ ту самую минуту, когда сей почтенный старецъ разлучился со свѣтомъ.

ВЕЧЕРЪ LXXXII.

Продолженїе исторїй Царевны Аль-Рїады, повѣствуемой Абдераимомъ.

Какъ мы должны были сего произшествїя ожидать ежечасно, то кончина сего старца не только насъ устрашила, сколько обезпокоила, по тому что не знали мы, какимъ образомъ сдѣлать ему похороны; и между тѣмъ смущаясь симъ случаемъ и уставъ отъ претерпѣнныхъ нами въ тотъ день трудовъ, заснули мы весьма крѣпко. Не могу я сказать, сколь дологъ

былъ

былъ нашъ сонъ: но кажется въ самую глухую полночь услышала я въ просонкахъ нѣкоторый голосъ: я пробудилась, отворила глаза, и увидѣла, что пещера освѣщаема была болѣе нежели ста лампадами, отъ коихъ толь великій происходилъ свѣтъ, что я вдругъ помрачилась; я разбудила потихонько двухъ моихъ женщинъ, которыя подлѣ меня лѣжали; сіе толь странное позорище ихъ удивило; удивленіе наше умножилось еще болѣе, когда въ пещеру вошли шесть юношей въ бѣлой одѣждѣ, и чрезмѣрной красоты; они отнесли тѣло пустынниково къ находящемуся подлѣ одной двѣри его пещеры источнику, гдѣ обмывъ ево обернули въ полотно, и по томъ положили опять на его постѣль.

Для чего, сказалъ тогда одинъ изъ сихъ юношей, не похороняемъ

емъ мы сего правовѣрнаго? мы ожидаемъ, отвѣтствовалъ на то другій, достойнаго племянника великаго Альроамата; онъ самъ назначитъ намъ мѣсто, гдѣ положить тѣло сего святаго мужа; онъ конечно придетъ сюда скоро. Во ожиданіи же его простремъ ко Всѣсильному наши молитвы о призрѣніи на сего добродѣтельнаго пустынника милосердымъ окомъ.

Тогда сіи юноши воспѣвали нѣкоторые стишки изъ нашего священнаго Алькорана, съ восхитительною пріятностію. Спустя съ полчаса пришелъ туда ожидаемый ими мудрецъ, и они всѣ пали предъ нимъ на землю.

Племянникъ Альроаматовъ, отъ лица коего толь великое происходило сіяніе, что мы не могли на нево смотрѣть, проговоря нѣкоторую молитву о умершемъ пустынникѣ, указалъ

имъ

имъ пальцомъ на тотъ уголъ, гдѣ мы лѣжали, и повелѣлъ имъ поднять находящейся тамъ большїй камень, на которомъ изсечено опредѣленїе Алькорана. Сїи юноши, которые насъ еще невидали, подошли къ тому мѣсту, и располагались приступить ко исполненїю повелѣнїй сего мудреца, какъ вдругъ увидя насъ на семъ камнѣ, пришли въ немалое о томъ удивленїе. Конечно вы сихъ трехъ женъ испугались, сказалъ имъ тогда племянникъ великаго Альроамата? попросите ихъ встать; онѣ не безъ причины зашли въ сїю пещеру. Мы тотъ часъ встали; двое изъ юношей подняли камень, а прочїе четверо взяли тѣло пустынниково, и въ провожанїи мудреца понесли оное въ низъ чрезъ лѣстницу такъ же освѣщаемую множествомъ лампадъ. Какъ я уже къ таковымъ чудесамъ начала при-

выкать, продолжала Царатъ-Алъ-Ріада, то взявъ двухъ моихъ женщинъ за руки, пошла за ними; пустынникъ положенъ былъ въ мраморную гробницу, стоящую посреди великолѣпнаго зала; и чуть только кончилась сія церемонія, то всѣ свѣчи загасли, и мы нималѣйшаго стука не услышили.

ВЕЧЕРЪ LXXXIII.

Конецъ исторіи Принцессы Царатъ-Алъ-Ріады, повѣствуемой Абдераимомъ.

Тогда то пришли мои женщины въ величайшій страхъ; и признаюсь, что я такъ же въ неменьшемъ безпокойствіи находилась; но положась во всемъ на нашего Пророка, просила ево не оставить меня въ таковомъ плачевномъ состояніи; и чуть только

во произнесла трожды таинственные слова Волшебницы Маргїанъ-бану, какъ вдругъ увидѣли мы себя въ прекрасномъ саду, въ которомъ вмѣсто солнца происходили отъ безъизвѣстнаго намъ воздушнаго знака весьма великїй свѣтъ; оный представлялъ кругъ темноголубый и усѣянный звѣздами, изъ коихъ середняя была всѣхъ больше, и казалась повелительницею протчихъ; всѣ же онѣ изпускали свѣтъ подобный утренней зорѣ, когда солнце на горизонтѣ земный восходить начинаетъ, но только несравненно большїй. Толь странное зрѣлище привело насъ во удивленїе, какъ вдругъ изъ украшенной помаранцовыми деревьями бѣседки вышла къ намъ женщина величественнаго вида; она къ намъ приближилась, и обнявъ меня со особливою ласкою: Принцесса Каризмская, сказала мнѣ, я Волшебница

ница Мергїанъ-бану, защищавшая Абдераима; я не могла сопротивляться опредѣленному судьбами въ разсужденїи его и тебя; мнѣ позволено только, услаждать ваши прискорбїи; вы останетесъ въ сихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока придетъ время, соединиться тебѣ съ твоимъ супругомъ; дни будутъ здѣсь толь кратки, что сколь бы ни великую нетерпѣливость имѣла увидѣться съ любимымъ тебѣ предмѣтомъ; однако не будешъ имѣть ни когда скучнаго времяни. И въ самомъ дѣлѣ, продолжала Царатъ-Алъ-Рїада, препроводила я во дворцѣ сей волшебницы цѣлые семь лѣтъ, которые показалисъ мнѣ семью недѣлями; и сїя благотворная Перица старалась подавать мнѣ толь чувствительня забавы, и разговоры ея были столь приятны и поучительны, что я не могла

расташься

растаться съ ней безъ крайняго сожаленія. Тому дни съ четыре увѣдала я отъ нее со удивленіемъ, что срокъ моего съ тобой соединенія приближается; сіе причинило мнѣ неописанную радость. Поди, сказала она мнѣ, поди соединиться съ супругомъ тебя обажаемымъ, я въ сію минуту повелю пренести тебя въ Сераль Султана Тангутскаго, твоего дяди; племянникъ славнаго Альроамата, коего вы въ пещерѣ добродѣтельнаго пустынника видѣли, согласясь со мной, объявилъ ему во снѣ о твоемъ прибытіи, тако же и Абдераима, который въ непродолжительномъ времяни приведенъ къ нему будетъ гораздо чудеснѣйшимъ образомъ. Вскоре по томъ найдете вы своего сына въ недостойномъ природы его состояніи; но сколь оное ни опасно, однако склонности его ни мало не повредятся.

И въ самомъ дѣлѣ, преславныя Перицы, продолжалъ Абдераимъ, все произошло по предсказанію добродѣтельной Волшебницы; и тому прошло не болѣе сутокъ по найденіи моемъ дражайшей Царать-Аль-Ріады, какъ мы прогуливаясь по саду Тангутскаго Султана, подхвачены были духами, вамъ повинующимися, и пренесены менѣе двухъ минутъ въ сіи великолѣпные чертоги, гдѣ на конецъ сбрѣли возлюбленнаго нашего Муйяда.

Государь, сказалъ тогда Кофробъ Абдераиму, я могу тебя увѣрить, что мы всѣ особливое чувствовали удовольствіе отъ повѣствованія твоихъ и супруги твоей приключеній, и что мы зная чрезмѣрное ваше желаніе къ Султану Каризмскому возвратиться, повелимъ все нужное къ путешествію вашему исполнить; но теперь время успокоиться,

коиться, и завтрешній день долженъ наполненъ быть толь странными дѣлами, что вы конечно непоскучите быть свидѣтелями оныхъ; и такъ прошу васъ и всѣхъ находящихся здѣсь Принцовъ и Принцессъ, о присутствіи при семъ случаѣ. По сихъ словахъ всѣ разошлисъ: Иманъ же приказалъ въ напитки, поданные комедіантамъ, примѣшавъ буенгу, и каждому во время ихъ сна положа въ карманъ по двѣсти золотыхъ, отнести ихъ въ Караванъ-Сераль Камбайскій, выключая Ильдицы и Массуда; Муйядъ же перешелъ въ покои своихъ родителей съ самаго ихъ прибытія.

* * * * * * * * * * * * * * * *

ВЕЧЕРЪ LXXXIV и ПОСЛѢДНІЙ.

Заключеніе Исторіи Султана Огуца и пяти его Султаншъ.

На конецъ насталъ день, назначенный Огуцомъ для объявле-

нія его духовной; Кофробъ взошелъ въ залъ, въ провожаніи Султаншъ, Принцессы Аксу, Принцовъ Ширина и Батфала; прочіе же иностранные Принцы и Принцессы, такожъ Ильдица и Массудъ тамъ уже всѣ собрались, и ево ожидали. Уже приближилось то время, началъ онъ тогда свою рѣчь, что бы мѣчта всѣхъ васъ была разрушена; вы не въ Гиннистанѣ, какъ то необходимо должны были думать; но находитесь вы въ Сералѣ Султана Камбайскаго, который тому уже ровно четыре мѣсяца сокрылся отъ очей своихъ Султаншъ и дѣтей; и есьли въ сихъ мѣстахъ чудесные дѣла происходили, то причиною тому власть, полученная мной посредствомъ кольца Соломонова, которое вы на рукѣ у меня видите; всякому изъ васъ извѣстно, сколь великое дѣйствіе оный

имѣетъ;

имѣетъ; потому что обладателю онымъ подвержена вся природа, и онъ повелѣваетъ стихiями и обитателями оныхъ съ таковою властiю, каковую надъ оными имѣлъ сей Султанъ въ разсужденiи своего знанiя и безпримѣрной мудрости. Отецъ зная мою способность, вручилъ мнѣ по сей день верьховную власть, которую теперь хочу отдать тому, кому она принадлежитъ по законамъ; но прежде всего хочу знать о томъ мнѣнiя Султаншъ.

Тогда четыре первыя Султанши воспомня о лишенiи своемъ любезнаго имъ Султана, не могли удержать потоки слезъ горчайшихъ.

Великiй Кофробъ, сказала наконецъ Гегернаца, память дражайшаго намъ на вѣки Государя и Супруга толь для насъ драгоцѣнна, что ни одна изъ насъ не пожалѣетъ жертвовать своею жизнiю, есьли только можетъ

возвратить ево на свѣтъ; Геанзуца, Невбагара, Шебгераца и я желаемъ того единодушно; есьли же онѣ не столь печальными казались, то прискорбіе ихъ было неменѣе чувствительно и искрѣнне; и такъ видя насъ въ таковомъ состояніи, разсуди, можемъ ли когда нибудь согласиться, вступить съ кѣмъ другимъ въ супружество? нѣтъ, Государь, не оскорбляй насъ и единою о томъ мыслїю. Мы всѣ силы свои прилагали, что бы и Гуль-Саба была въ томъ съ нами согласна, и оставила страсть свою къ недостойному ее человѣку; не менѣе желали мы, что бы и Принцъ Батфалъ былъ не столь много прельщенъ младою Ильдицою; но представленіи о томъ наши не имѣли надъ ними ни малѣйшаго дѣйствія. Гуль-Саба столь много заражена Массудомъ, что требуетъ только своего съ

нимъ

нимъ соединенія; а сынъ ея послѣдуя примѣру своей матери столь сильно воспламененъ Ильдицою, что обѣихъ ихъ не можно ни коимъ образомъ привести хотя въ малѣйшее разсужденіе о предприемлемомъ ими.

Вотъ, премудрый старецъ, наши мнѣніи; и какъ происходившими во очахъ нашихъ по средствомъ тебя чудесами мы точно удостовѣрены, что ты любимъ нашимъ Пророкомъ, то просимъ тебя чистосердечно, изходатайствовать намъ у нево ту милость, что бы взялъ насъ съ сего свѣта; съ самой кончины дражайшаго нашего Супруга кажется намъ въ немъ всё не сносно, и ни малѣйшаго желанія не имѣемъ, жить еще долѣе. Сіе прошеніе, добродѣтельныя Султанши, будетъ ему конечно весьма не приятно; и я не могу о томъ и думать; на противъ

шого да мѣчь смершоноснаго ангела ошврашишся ошъ сюда въ вашу пользу! . . . Сколь безразсудны Султанши! прервала шогда Гульсаба рѣчь Иманову; онѣ желаюшъ смерши для шого, что лишилисъ супруга; я же съ сыномъ моимъ совсѣмъ другїя приняла въ разсужденїи шого мѣры; и не взирая на всѣ ихъ предсшавленїи чувсшвуемъ мы, что безъ соединенїя нашегъ съ Ильдицою и Массудомъ, нѣшъ для насъ болѣе никакого счасшїя на свѣшѣ, и ни что не можешъ ошврашишь насъ ошъ сего намѣренїя. Изрядно же, сказалъ шогда Кофробъ; когда вы безъ всякаго размышленїя о непристойныхъ своихъ намѣренїяхъ, упорсшвуеше въ своемъ ослѣпленїи; шо разпечашаемъ шеперь духовную Султана Гузарашскаго, и исполнимъ его повелѣнїи, сколько къ шому силъ нашихъ досшанешъ. Пожалуй, подхвашила

тогда Гуль-Саба; я всегда сей минуты съ нетерпѣливостїю ожидала. Я всѣхъ васъ удовольствую, сказалъ Иманъ; и показавъ тогда всѣмъ Султаншамъ, что Султанская печать цѣла, разломивъ оную, и вынявъ изъ пакета листъ, читалъ въ ономъ слѣдующее:

Великїй нашъ Пророкъ открылъ мнѣ предъ моимъ разлученїемъ съ вами, дражайшїя Султанши, нѣкоторую часть того, что въ семъ Сералѣ воспослѣдуетъ. Султанъ Ормуцкїй прїѣдетъ въ оный, любовь его къ Принцессѣ Аксу, моей дочери, угодна Магомету; пускай они будутъ соединены въ сїю минуту, и сей Государь да снимetъ съ нее ея покрывало.

Подойди сюда, Государь, сказалъ тогда Кофробъ Султану Кацанъ-Кану, и прими изъ рукъ

моихъ Принцессу, которую Огуцъ даетъ тебѣ въ супруги; есьли цѣломудріе и стыдливость недозволяли ей до сихъ самыхъ поръ, открыть тебѣ своихъ чувствій, то нынѣ можетъ сказать тебѣ свободно, сколь много ты ей милъ и драгоцѣненъ.

Кацанъ-Канъ былъ приведенъ въ такое изумленіе, что согласно съ протчими Принцами заключалъ, что всё произходившее есть дѣйствіемъ сна; но премудрый Иманъ во внутренность сердецъ проницая, вывелъ ево вскоре изъ сего заблужденія. Всё сіе не мѣчта, сказалъ онъ ему, какъ ты Государь, то думаешъ; ты въ сію же минуту станешъ супругомъ Принцессы Гузаратской, есьли только того желаешъ. Есьли я того желаю, вскричалъ Кацанъ-Канъ? ахъ! премудрый старецъ, тебѣ чрезмѣрносшь страсти моей извѣ-

вѣстна; знаешь и то, что бы лишился жизни, есьли бы тому божественная Аксу хотѣла сопротивляться. Я не только не имѣю къ тому ни малѣйшаго отвращенія, сказала на то сія Принцесса со особливою вѣжливостію; но смѣю сказать, что бы я ни когда немогла быть счастлива, есьли бы повелѣніи Султана моего родителя не согласовались съ сердечными моими чувствами. Ормуцкій Султанъ слыша толь лѣстное признаніе, пришелъ въ восхищеніе, поцѣловалъ у Принцессы руку, и послѣ того Иманъ соединя ихъ непрерывнымъ союзомъ, сказалъ, что станетъ продолжать чтеніе духовной Огуцовой, въ разсужденіи чего всѣ глубокое молчаніе наблюдали, и онъ продолжалъ такъ:

Мои Султанши, коихъ милосердію Всесильнаго пручаю,

могутъ съ сей самой минуты пользоваться данною имъ отъ меня свободою въ разсужденiи расположенiя собою; я прерываю всѣ узы, со мной ихъ соединявшiя; только да потщатся рачительно, не навлечь себѣ безчестiя недостойнымъ избранiемъ: есьли же которая изъ нихъ позабудетъ, что была Гузаратскаго Султана супругою, то Иманъ да сочетаетъ ее бракомъ, и она должна оставить немедлѣнно Сераль, да бы присутствiемъ своимъ не привесть всѣхъ другихъ въ стыдъ.

По сихъ словахъ Гуль-Саба взявъ Массуда за руку: Вотъ наслѣдникъ избранный мной Султану Гузаратскому, сказала съ насмѣшкою, которая другихъ Султаншъ привела въ неописанное прискорбiе, я очень мало уважаю нравоученiемъ Огуцовымъ;

довымъ; и какъ намѣрена сіи печальные мѣста оставить, то признаюсь откровенно, что мнѣ здѣшняя жизнь казалась всегда несносною, и есьли бы не удерживаема была властію Султана, то бы и при жизни его здѣсь не осталась, а по кончинѣ его и помышлять о томъ не хочу.

Султанши приуготовлялись уже, чинить Гуль-Сабѣ жесточайшіе выговоры; но Кофробъ удержалъ ихъ отъ того: пускай она удовлетворяетъ свои желанія, сказалъ онъ имъ; она тѣмъ самымъ наказывается, что позволено ей, приводить себя въ безчестіе. По сихъ словахъ соединя онъ ее съ Массудомъ, продолжалъ читать:

Ширинъ приметъ по мнѣ престолъ. . . Что же касается до Батфала, то онъ будучи не мой, но музыкантскій сынъ,

не принуждаетъ меня, о немъ поступаться.

Сїя статья привела Султаншъ въ толь великое удивленїе, что онѣ не въ силахъ были сокрыть онаго. батфалъ не Огуцовъ сынъ, вскричали онѣ? конечно онъ не его сынъ, подхватила Гуль-Саба, позабывъ всѣ права стыдливости и благопристойности; прежде еще вступленїя моего въ Сераль имѣла я у себя любовника, и я уже была брюхата, когда попалась къ Султану: и такъ одна имѣя право разполагать моимъ сыномъ, на бракъ его съ Ильдицою согласуюсь, и прошу Имана, соединить ихъ теперь же.

Кофробъ исполнилъ тотъ часъ требованїе Гуль-Сабы. Какъ мы теперь всѣ довольны, вскричала она, то я съ сыномъ могу изъ сей ужасной темницы хочу выйти. Ничто тебѣ въ томъ не препятствуетъ, сказалъ ей на

то

то Иманъ; есьли Султанъ Гузаратскій даетъ тебѣ на то позволеніе, то думаю Ширинъ не возпротивится въ томъ женѣ Массудовой: и какъ мы, продолжалъ Кофробъ, приступаемъ къ разрѣшенію сей исторіи, то теперь же увидите, отъ кого всѣхъ васъ судьбина зависитъ. Въ ту минуту находящаяся въ мѣчетъ дверь растворилась, и Султанъ Огуцъ показался.

Нѣтъ выраженій ко изъясненію, что почувствовали тогда Султанши: первыя его супруги узря дражайшаго для нихъ на свѣтѣ человѣка, стали вдругъ отъ радости безмолвны и непоколѣбимы; Гуль-Саба же пришла отъ того въ такое смятеніе, что чуть было отъ страха не лишилась жизни: а башфалъ походилъ на Истукана.

Султанши, началъ говорить Огуцъ, я еще не вступилъ въ без-

бездну ничтожества; я прежде хотѣлъ точно познать чистоту сердецъ вашихъ; до того достигъ я нынѣ притворною кончиною, во время которой ниже одно слово ваше мнѣ не безъизвѣстно: вотъ всё таинство; протчее же производилъ Иманъ. Сіи слова, возвратившіе четыремъ его Султаншамъ жизнь, которой онѣ съ охотою лишиться желали, усугубили страхъ Гуль-Сабы. Находясь нѣсколько времяни въ крайнемъ смятеніи, бросилась она ко ногамъ Султана, и лѣжала безмолвна, ожидая со страхомъ наказанія за дерзостныя свои о немъ рѣчи. Встань, недостойная Гуль-Саба, сказалъ ей тогда Султанъ, и престань страшиться казни; хотя подлые твои поступки и произносимыя тобой многократно поносныя о мнѣ рѣчи и заслуживаютъ смерть; но я не хочу

хочу омочить рукъ моихъ въ толь безчестной крови; только позабудь на вѣки, что ты ложе мое раздѣляла, и послѣдуй подлымъ своимъ склонностямъ; будучи дочерью безчестной матери и любовницею музыканскою, и ставъ нынѣ супругою комедіанта, поди упражняться въ пристойномъ тебѣ ремеслѣ, для котораго ты рожденна, и преповоди несчастные свои дни съ достойнымъ сыномъ на театральномъ престолѣ, потому что вы недостойны препроводить оное на престолѣ Гузаратскомъ. Ты же, премудрый Кофробъ, коего неограниченная власть мнѣ извѣстна, удали на вѣки отъ взоровъ моихъ терзающіе меня предмѣты, и что бы они съ отосланными въ Караванъ-Сераль комедіантами пренесены были отъ сюда такъ далеко, что бы я о нихъ никогда немогъ слышать.

Чуть

Чуть только Огузъ престалъ говорить, какъ къ величайшему удивленію зрителей, Гуль-Саба, Массудъ, Ильдица, и башфалъ сокрылисъ вдругъ изъ зала. Дражайшія Султанши, сказалъ тогда Огузъ обратясъ къ другимъ Султаншамъ, проливая слезы; простите мнѣ мои слабости въ разсужденіи Гуль-Сабы и ея сына; онѣ довольно показываютъ вамъ бѣдность человѣка, сколь легко можетъ онъ обмануться; возвратите мнѣ всю прежнюю вашу ко мнѣ горячность, есьли поступки мои могли уменьшить оную. Ни мало, Государь, отвѣтствовала Гегернаца; я ручаюсь тебѣ и за трехъ Султаншъ, что мы всѣ ни на одну минуту не преставали, любить тебя до крайности и съ прежнею искренностію; дай боже, что бы время, всё разрушающее, не лишило васъ тѣхъ прелестей и приятностей,

ностей, которые сперьва привлекали на насъ всѣ твои взоры и попеченiи; дай боже, что бы мы могли тебѣ угодить, въ какой бы глубокой старости ты ни находился. Ахъ! вскричалъ Огуцъ, это совсѣмъ не нужно, прекрасная Гегернаца; съ тѣхъ поръ, какъ ослѣпленiе мое миновалось, и я началъ пользоваться моимъ разсудкомъ, вы всѣ кажетесь мнѣ толь же много любви достойными, какъ и въ первый день моего съ вами свиданiя; и пускай великiй нашъ Пророкъ накажетъ меня мучительнѣйшею смертiю, есьли когда нибудь хотѣлъ вамъ измѣнить. Что же касается до тебя, Султанъ Ормуцкiй, продолжалъ онъ, то испытая толь явные знаки милосердiя Всѣвышняго, прими отъ меня дщерь мою Аксу, которую вручаю тебѣ съ тѣмъ большимъ удовольствiемъ, понеже премудрый

дрый Кофробъ во внутренности сердецъ проницающій, увѣрилъ меня, что она во объятіяхъ толь сильнаго Государя будетъ совершенно благополучна: въ разсужденіи же Принца Висапурскаго и дражайшей ея супруги, прошу ихъ о прощеніи меня, что толь долгое время прожили они въ семъ мѣстѣ, которое имъ посредствомъ чрезмѣрной власти премудраго Имана казалосъ прелестнымъ; какъ скоро восхотятъ они въ Висапуръ возвратиться, то сей славный Философъ, племянникъ великаго Альроамата, оставившій престолъ Китайскій, и вручившій оный своимъ дѣтямъ для наслажденія самимъ собою, повелитъ ихъ перенести въ ихъ отечество.

Ни одинъ и ни одна Принцесса не могли удержаться, что бы не показать Султану, сколь великое участіе приемлютъ они съ

слу-

случившимися съ ними приключенiями, и онъ принялъ то со особливою ласкаю; по томъ обратясь къ Принцу Ширину: любезный сынъ, сказалъ онъ ему, обнявъ ево съ горячностiю, научайся теперь моимъ примѣромъ; знай, что случаются такiе лѣта, въ которые мы бываемъ всегда обмануты самолюбiемъ, и что мы должны преставать желать нравиться, когда время уже сдѣлало насъ неприятными. Но [illegible]вимъ сiе нравоученiе; посвятимъ остатокъ дня радости и удовольствiю, ощущаемымъ мной, видя Принцессу дщерь мою супругою толь великаго Государя.

Вскорѣ послѣ того поставленъ великолѣпный столъ, который даже до глухой полночи продолжался; и Кофробъ посаженъ будучи подлѣ Султаншъ, велѣлъ какъ имъ, такъ и Султану подать шарбету, сдѣланному

му изъ воды взятой изъ источника, добродѣтель котораго ему только одному была извѣстна. Чуть они онаго выпили, то взирая одна на другую, и взглянувъ на Огуца, стали отъ удивленія непоколѣбимы; мужественная красота украшала лице его; онъ почувствовалъ себя со всѣмъ инымъ, нежели какимъ былъ за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ; со всѣми приятностями младости ощущалъ въ себѣ паки силу и бодрость тридцатилѣтняго человѣка; и Султанши увидѣли въ себѣ туже красоту и тѣже приятности, коими обладали онѣ, когда съ Султаномъ Гузаратскимъ сочетались; удивленіе ихъ было столь велико, что онѣ долгое время не могли ни слова промолвить, и возблагодарить за то Иману; но на конецъ собравшись съ силами: Премудрый старецъ, говорили ему, ты

тѣмъ

тѣмъ не удовольствовался, что возвратилъ намъ сердце Огуца; но ты хотѣлъ усыпать насъ неудобоописываемыми благодѣяніями, наградилъ насъ тѣми же прелестями, которыми по-правиться можемъ, и которыя уже истреблены были временемъ; а что бы удовольствіе было взаимное, то и дражайшему нашему супругу то же возвращаешъ; какимъ же благодареніемъ мы тебѣ за то обязаны? нѣтъ такого на свѣтѣ, чемъ бы могли воздать тебѣ за толикіе благодѣяніи? прекрасныя Султанши, отвѣтствовалъ Кофробъ, я болѣе ничего не сдѣлалъ, какъ только прогналъ тьму отъ очей Огуца въ разсужденіи Гуль-Сабы и батфала, которое теперь со всею своею шайкою находятся у вратъ бальзорскихъ. Но я жалѣю, для чего вмѣсто данной вамъ мной воды Юванской, не напоилъ

поилЪ васЪ изЪ источника Голлатскаго, котораго великїй МонархЪ Гулкариеннскїй искалЪ тщетно, и которымЪ КедгерЪ пользуясЪ, сдѣлался безсмертнымЪ; однако богЪ посылаетЪ милость сїю не многимЪ изЪ своихЪ любимцовЪ; всѣ мы рождаемся для того, что бы умереть: и понеже зерцало Александрово разбито, то мы не должны болѣе льститься безсмертїемЪ, которое приписывали только одной сей вещи, сЪ коею и счастїе города Александрїи соединено было. ПотщимтесЪ вЪ теченїе нашей жизни производить всѣвозможные благодѣянїи; они приведутЪ насЪ вЪ жилище прохладЪ обѣщанныхЪ намЪ ПророкомЪ и уже видѣнныхЪ АбдераимомЪ: и повѣствованїе его о томЪ достойно нашего вниманїя, дабы и намЪ сдѣлаться участниками сего блаженства.

Сул-

Султанъ изъяснялъ такъ же Кофробу, сколь чувствительно тронутъ онъ его благодѣяніями; послѣ чего говорилъ ему такъ: Есьли бы безъизвѣстно мнѣ было сердце Ширина, то бы подумалъ, что теперишнее мое состояніе ему не приятно; прежніе мои лѣта заставили бы другаго, а не ево, думать, что уже скоро вступитъ онъ на престолъ Гузаратскій; самая мнимая смерть моя подаетъ ему на мои государства такое право, котораго лишаю ево съ прискорбіемъ. Но есьли ты великій Кофробъ, возвратя мнѣ всѣ преимущества юности, казалосъ, хотѣлъ удалить его надежды, то думаю, не похулишъ моего намѣренія, сдѣлать ево соучастикомъ престола; и теперь же объявляю, что хочу раздѣлить съ нимъ Гузаратское государство. Ахъ! Милостивый Государь, вскричалъ Ши-

Ширинъ, бросясь къ колѣнамъ Султана, немни, что бы прельстясь нетерпѣливостiю къ царствованiю, чувствовалъ я хотя малѣйшее прискорбiе, видя тебя въ теперешнемъ сотоянiи. Да поразитъ меня Небо своимъ громомъ, ежели я когда нибудь имѣлъ толь мерзостныя мысли: а что бы тебя въ томъ подлинно удостовѣрить, то дозволь, что бы первымъ твоимъ подданнымъ оставшись, показалъ я тебѣ моимъ къ тебѣ почтенiемъ, послушанiемъ и повиновенiемъ, явные опыты малаго моего къ царствованiю желанiя... Нѣтъ, любезный сынъ, прервалъ его рѣчь Огуцъ, я немогу на прозьбу твою согласиться; сердце твое мнѣ довольно извѣстно, и я непремѣнно хочу, что бы ты былъ мой соправитель. Встань; Султану неподлѣжитъ быть въ таковомъ

состоянїи, повинуйся мнѣ безъ прекословїя въ послѣднїй разъ.

Ширинъ услыша сїе повелѣнїе вспталъ и поцѣловалъ съ почтенїемъ у Огуца руку, которой обнявъ ево съ родительскою горячностїю, просилъ Кофроба, обьявить его подданнымъ, на какое достоинство возводитъ онъ своего сына.

Иманъ обьявилъ немедлѣнно сїи повелѣнїи его верховному визирю съ тѣмъ, что бы на другїй же день обнародовано было; и неможно описать подробно того удовольствїя, которое весь народъ отъ того чувствовалъ; оный изъявлялъ то безпрестанными радостными криками; и всѣ иностранные Принцы будучи цѣлый мѣсяцъ зрителями торжествованїй для того установленныхъ, и во все то время изъявляя Гузаратскому Султану и Кофробу знаки чувствитель-

ной

ной своей благодарности, объявили на конецъ, что присутствіе ихъ можетъ быть въ государствахъ ихъ нужно.

Премудрый Кофробъ познавая ихъ желаніе, повелѣлъ подчиненнымъ ему духамъ пренести всѣхъ въ ихъ земли не медлѣнно, Кодбедина и Канцадею въ Висапуръ; Абдераима и Царатъ-Аль-ріаду въ Каризмъ; Цемъ-Альцамана и Цендегруду въ Касгаръ; а Кацанъ-Кана, Аксу, Карабагу, Албаерта, Гульендаму и Абулъ-Ассама въ Ормуцъ; и каждый изъ нихъ препровождалъ съ своею супругою, подобно, какъ Огуцъ съ своими четырьмя добродѣтельными султаншами, жизнь благополучную даже до глубокой старости.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО

И

ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

бъя-
ист-
осу-
ихъ
ымъ
ъ въ
одбе-
ъ Аб-
у въ
Цен-
о-Ка-
рта,
ма въ
пре-
тою,
свои-
ыми
луч-
сти.

10

Читалъ — — 785 году

Читалъ — 799 году

